

ОГОНЁК

№ 35 АВГУСТ 1958

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

В ознаменование величайшей победы советской науки — запуска первого в мире искусственного спутника Земли — по решению Советского правительства в Москве, на Ленинских горах, будет сооружен памятный обелиск.

Жюри Всесоюзного конкурса, на который поступило около тысячи предложений, рассмотрело макеты, чертежи, рисунки и присудило первую премию проекту под девизом «Народ-созидатель», авторы которого — архитекторы М. И. Барщ, А. Н. Колчин и скульптор А. П. Файдиш-Крандиевский.

На первой странице обложки: Крестьянка Василка Димитрова из села Петырч, Софийской околии (Болгария). Фото Б. Кузьмина.

На последней странице обложки: Владимирские «Золотые Ворота» — архитектурный памятник XII века. Фото Я. Рюмкина.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

35 (1628)

24 АВГУСТА 1958

36-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

РОБСОН СНОВА С НАМИ

Знакомый каждому, любимый и родной, снова звучит среди нас голос великого певца, то нарастая раскатами грома, то завораживая нежностью и задушевностью.

Поль Робсон, непреклонный борец за мир, с нами!

Миллионы людей, взволнованные, потрясенные, слушали у репродукторов его первый концерт на советской земле.

Не было, казалось, предела песенным богатствам, которые привез с собой наш замечательный друг.

«Широка страна моя родная...» — этой своей любимой песней начал Робсон необычную программу. Русские — «Ноченьку» и «Дубинушку» сменяли негритянские, чешские, английские, шотландские, немецкие, китайские песни...

Главная тема его чудесных песен — мир, дружба, братство народов. «Черный, белый, желтый — все одно целое! Это — человечество», — такими словами, выражающими смысл всей своей творческой и общественной жизни, заключил великий артист первое — после девятилетнего вынужденного перерыва — выступление в СССР.

Поль Робсон передал через корреспондента «Огонька» приветствие журналу «Огонек» и его читателям. Он написал:

«Еще раз благодарю за Ваши дружеские чувства на протяжении многих лет. Ваш журнал приносил мне и моей семье большое удовольствие. Я несколько раз встречался с вашими представителями в США. Как чудесно теперь приветствовать их на советской земле!

Всего хорошего

Поль Робсон»

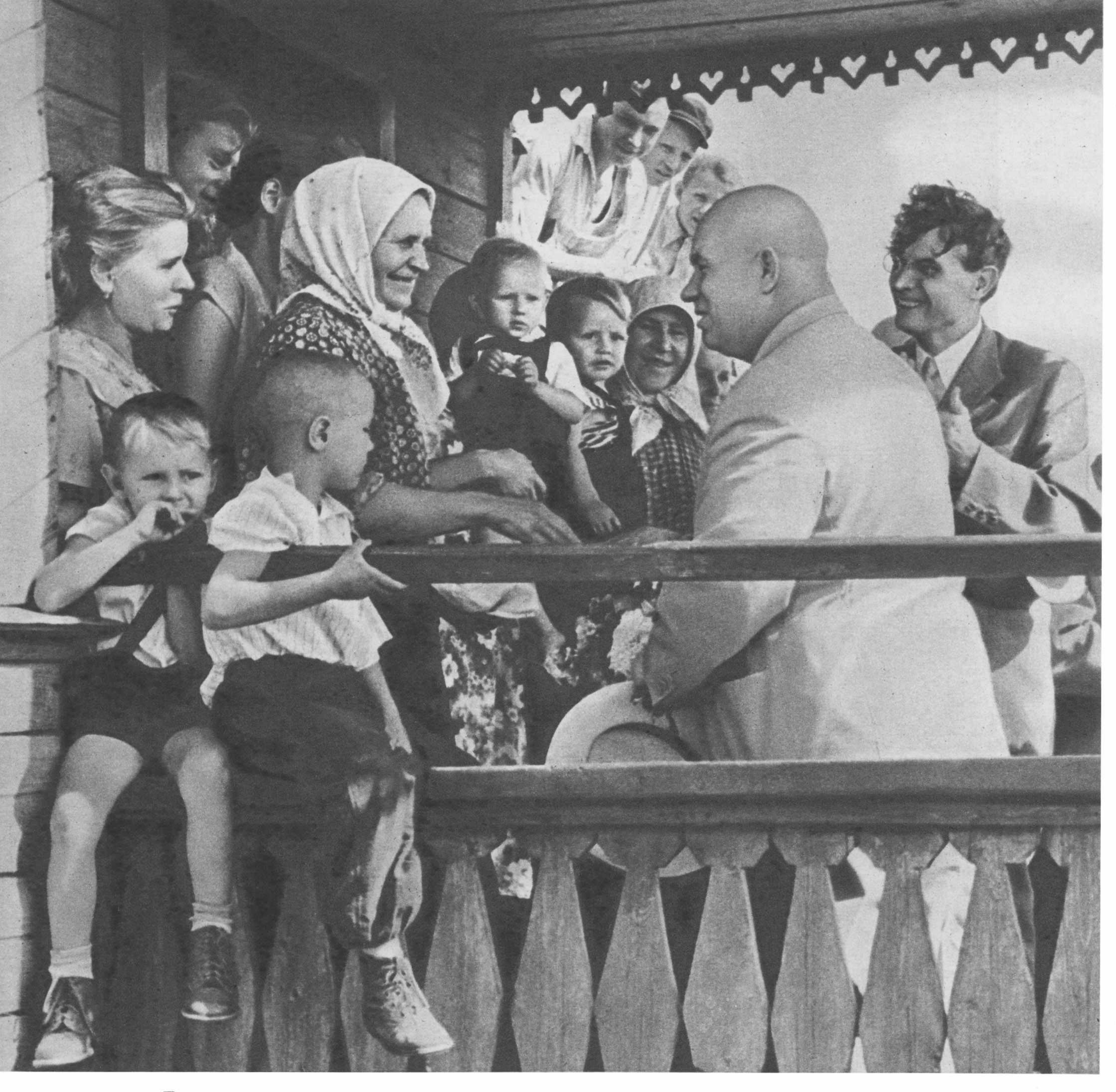
To Oganyok

Deepest thanks for your kindness over the years. Your Publication has given me & my family great pleasure.

I have met your Representatives often in America. How wonderful to greet them on Soviet soil.

Всего хорошего,
Поль Робсон.
Aug. 1958

Фото Е. Умнова.

Встречи с колхозниками

Находившиеся в Куйбышевской области в связи с торжественным пуском Волжской ГЭС имени В. И. Ленина товарищи Н. С. Хрущев, М. А. Суслов, Д. С. Полянский посетили колхоз «Путь Ленина», Ставропольского района, ознакомились с артельным хозяйством. На снимке: Н. С. Хрущев и М. А. Суслов на крыльце дома колхозника М. Ф. Мясникова беседуют с колхозниками.

Фото А. Устинова.

ТЕПЛОГИГАНТЫ

Г. КУЛИКОВСКАЯ

Бригада дважды Героя Социалистического Труда Алексея Улесова еще сваривала стальные балки каркаса Куйбышевской ГЭС, штукатуры Марфы Шубиной еще отделывали здание, еще не все турбоагрегаты встали в строй, а энергетики уже облюбовывали на нашей земле точки, которым суждено стать новыми ядрами гигантских электрических энергий. Еще не сказали свое слово конструкторы, а геодезисты, топографы и изыскатели уже точно определили их координаты: Ермак и Итат.

Мы склоняемся над картами и ищем эти малоизвестные названия, по старой привычке, конечно, вдоль крупных рек. Волга освоена. Значит, где-то на востоке либо на севере. Но мы узнаем, что Ермак находится в Северном Казахстане. Так называется маленький поселок. Итат — на северо-востоке Кемеровской области. Вблизи никаких крупных рек. Значит, это будут тепловые электрические станции.

Тепловые станции... Именно с них начиналась славная родословная советской энергетики. Едва отгремели залпы «Авроры», в том же, 1917 году В. И. Ленин поддержал предложение о строительстве станции на шатурских торфах. Через три года здесь по указанию Владимира Ильича была пущена временная электростанция мощностью в 5 тысяч киловатт. Она работала на паре, полученном при помощи торфа. Постепенно мощность Шатурской ГРЭС дошла до 180 тысяч киловатт. Кстати, в наши дни в Белоруссии на торфяниках строится Василевичская ГРЭС. Она будет сестрой-близнецом подмосковной Шатуры.

Первенцем ленинского плана ГОЭЛРО была, как известно, Каширская, тоже тепловая станция. Она работала на подмосковном угле. А сегодня 81 процент всей энергии, производимой в нашей стране, вырабатывают тепловые электростанции.

...Пока инженеры Теплоэлектропроекта вычерчивают облик будущих теплогигантов — Ермаковской и Итатской ГРЭС,— в разных районах страны уже сейчас строятся мощные тепловые станции. Размещаются они по принципу, выдвинутому Лениным: всестороннее использование местных, а не привозных топлив—угля, торфа, сланца, мазута, газа. В Главном управлении по строительству и монтажу тепловых электростанций Министерства электростанций СССР нам назвали крупнейшие из них. Вот они: Назаровская, Томь-Усинская, Верхне-Тагильская, Троицкая, Змиевская, Прибалтийская.

Как много говорят даже самые беглые, телеграфно скупые характеристики этих станций! Назаровская ГРЭС даст ток сверхдальней электрифицированной железнодорожной магистрали Москва — Владивосток, химической и лесообрабатывающей промышленности края, металлургии редких и цветных металлов.

Крупнейшими тепловыми станциями станут Томь-Усинская (Кемеровская область) и Троицкая ГРЭС (Челябинская область), хотя по возможностям они и уступают Назаровской.

Недалеко от Нижнего Тагила сооружается Верхне-Тагильская станция. Агрегаты первой очереди ее уже подключены к Уральской энергетической системе. Горнорудный Урал получит еще один дополнительный источник для всестороннего развития своих производительных сил.

На крупном Шебелинском месторождении природного газа построят станцию в Змиеве, под Харьковом. Это будет самая крупная в стране станция, работающая на газе.

В Эстонии создается станция на сланцах, запасы которых здесь практически неограниченны.

— Многие наши новостройки,— говорит главный инженер управления Ф. В. Сапожников,— приближаются по мощности к волжским ГЭС или даже превосходят их, обладая в то же время неоспоримыми перед ними преимуществами. Главные из них, как сказал Никита Сергеевич Хрущев на открытии Волжской ГЭС имени В. И. Ленина,— стоимость и сроки строительства. Можно для примера сравнить Назаровскую ГРЭС и Саратовскую ГЭС. Мощность тепловой станции должна быть доведена в 1963 году до 1 миллиона 200 тысяч киловатт. Такой же приблизительно проектируется и Саратовская ГЭС: 1 миллион киловатт. Стоить же тепловая станция будет в четыре раза дешевле, чем ГЭС.

— Выручает нас, конечно, сборный железобетон. На строительстве Назаровской ГРЭС, например, мы предполагаем довести долю сборного железобетона в сооружениях до пятидесяти процентов.

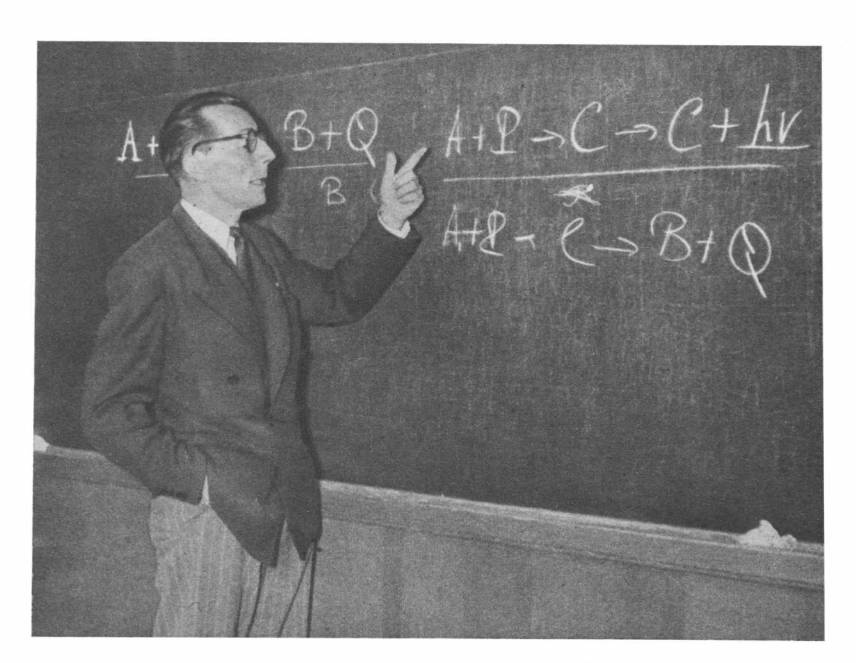
Да, индустриальные методы, завоевавшие себе незыблемые позиции в жилищном строительстве, властно проникают и в энергетику и прежде всего в теплоэнергетику. На строительных площадках многих станций вы не увидите дощатых помещений. На полигонах, под открытым небом, изготовляются железобетонные конструкции. Это своеобразные заготовительные цеха стройки. Так сооружается, например, Прибалтийская ГРЭС.

Что же можно тогда сказать об электростанции без корпуса, совсем без крыши? Для нее определено место — юго-западнее Баку, в Али-Байрамлинском районе. Эта станция будет питаться природным карадагским газом. Мощные турбины окажутся под открытым небом. Сколько это сэкономит строительного материала, денег, труда и, конечно, времени! На целый год сократятся сроки строительства Али-Байрамлинской станции. Энергетики намерены этот смелый технический эксперимент затем широко использовать на стройках не только юга, но и средней полосы и даже на севере.

За 7 лет должно быть сооружено новых и расширено старых 233 тепловые электростанции. Общая их мощность достигнет 44 миллионов киловатт. К 1965 году это позволит увеличить производство электроэнергии в нашей стране более чем в два раза. За семь лет — путь четырех десятилетий!

←

Так будет выглядеть одна из крупных строящихся тепловых станций — Приднепровская ГРЭС. Первая очередь ее уже дает ток. Сейчас на ней установлены турбины.

УЧЕНЫЙ, БОРЕЦ, ЧЕЛОВЕК

Нет больше Жолио-Кюри. Это кажется невероятным. Всего несколько недель тому назад он был у нас в лаборатории в Дубне, был полон энергии, говорил о планах будущей работы.

В эти скорбные дни на меня нахлынули воспоминания о Жолио. И естественно, что он встает передо мной в такие моменты своей жизни, когда раскрывались его качества ученого и человека, которые могли быть, разумеется, знакомы только людям, имевшим счастье работать с ним и быть его друзьями. Впрочем, это одно и то же, ибо, работая с Жолио, невозможно было не быть его другом.

Дубна. Май 1958 года. Объединенный институт ядерных исследований... Жолио говорит, что са́мое большее через год он освободится от административных обязанностей в новом институте «Орсе», который он сейчас создает, и сможет целиком отдаться экспериментальной работе в лаборатории, которой — я хорошо это знаю — принадлежало его сердце.

Это было не платоническое заявление, и я был убежден, что Жолио через некоторое время снова наденет свой рабочий белый халат. Как в былые времена, 20 лет тому назад, я вижу его исправляющим электрический мотор в лаборатории в Иври, где он лично монтировал электронный ускоритель высокого напряжения.

Сейчас мне приходит на память выполненный нами совместно эксперимент, в котором был использован радиоактивный источник большой интенсивности,— эксперимент, небезопасный для здоровья. Жолио решительно запретил МНЕ приближаться к источнику, заявив, что это может быть опасно. Однако СЕБЯ он считал свободным от опасности, это было видно по тому, как он обращался с этим источником.

Одной из самых замечательных черт Жолио был какой-то изумительный дар подымать дух каждого, кто обращался к нему: даже самые обескураженные неудачами сотрудники после разговора с Жолио уходили от него уверенными и полными надежд. Жолио завоевывал сердца всех, кто работал с ним. Как-то я заболел, кажется, оттого, что вдохнул пары ртути во время одного из опытов, проводимых в лаборатории. Жолио добился того, чтобы меня лечили в знаменитом институте Пастера, куда не так легко попасть.

Когда я начал поправляться, Жолио пригласил меня приехать в чудесное спортивное зимнее местечко Альп д'Юэз в Альпах, где он жил в то время со своей семьей: с женой Ирэн, дочерью Элен — ей тогда было десять лет — и сыном Пьером, около пяти лет. Во время своего месячного пребывания вместе с Жолио я имел возможность еще ближе познакомиться с этим замечательным человеком.

Семья Жолио-Кюри была необычайно простой, приветливой, исключительно дружной, хотя (а может быть, потому что) Фредерик и Ирэн были очень разные по характеру люди. Она — застенчивая, немногословная, он — мастер рассказывать разные истории, не прочь «послушать себя»— типичный француз.

Фредерик Жолио мог увлекательно беседовать со всеми подробностями о вине, мало кому известном, но прекрасном, или о небольшом чудесном ресторанчике в предместьях Парижа, хозяин которого помогал ему как участнику Сопротивления нацистским оккупантам. Жолио мог говорить на эту тему с таким же энтузиазмом, с каким он обсуждал план нового научного эксперимента.

Мне приходит на память такая сцена. На одном из семинаров в лаборатории Жолио его жена Ирэн сидит рядом с ним, обеспокоенная здоровьем мужа, который непрерывно курит. Она несколько раз выхватывает у него изо рта сигарету и выбрасывает ее, а он невозмутимо закуривает новую. Это продолжается до тех пор, пока Фредерик не пересаживается на другое место.

Как я мог наблюдать в Альп д'Юэз, Жолио, увлекавшийся лыжным спортом, относился к этому занятию с полнейшей серьезностью. Я не могу забыть, какую гордость он испытывал, выполнив «поворот Алле», то есть вираж на большой скорости, по примеру чемпиона мира того времени по слалому Алле. Вообще Жолио был большим любителем спорта. Он с одинаковым увлечением занимался рыбной ловлей и парусными гонками.

Для того, чтобы помочь своему сотруднику, находившемуся в крайне затруднительном материальном положении, открыть школу джиу-джитсу — японской борьбы, в которой тот был специалистом,— Фредерик с большим энтузиазмом начал заниматься и этим видом спорта. Школа прославилась: в газетах появились рекламные статьи и фотографии, подтверждавшие, что великий ученый, лауреат Нобелевской премии не мог бы никогда чувствовать себя в такой «превосходной форме», если бы не занимался джиу-джитсу.

Но он занимался и теннисом, зимой — в закрытых кортах, летом — на площадке своей виллы в Со. Играл он хорошо — на уровне примерно советских игроков первого разряда. Надо сказать, что и к этому виду спорта он относился весьма ревниво, и ему совсем не нравилось проигрывать...

Разумеется, Жолио-Кюри, как и другие выдающиеся физики нашего времени, обладал ясным умом, широкой научной эрудицией, глубоким пониманием научных проблем, огромной работоспособностью, уверенностью в своих силах. Но когда вспоминаешь, что только за период с 1932 по 1939 год им было сделано четыре крупнейших научных открытия, то позволительно задать вопрос: каковы же те наиболее типичные качества, которые отличали Жолио как великого исследователя-экспериментатора?

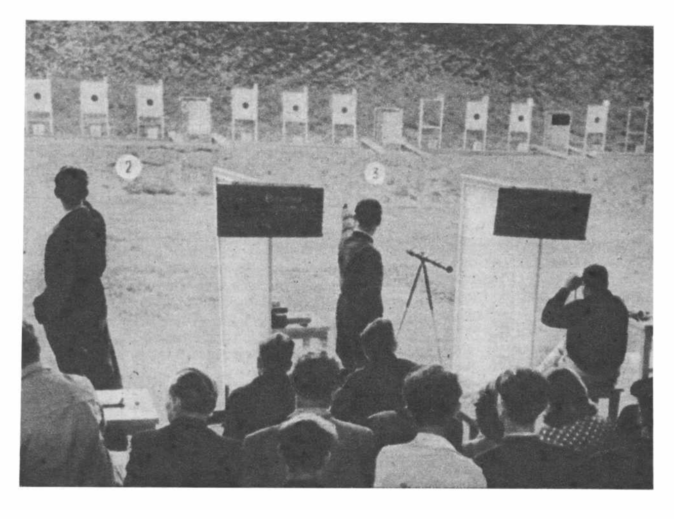
Мне кажется, что таких качеств у него было два: могучая научная фантазия и, как говорят итальянцы, спрежюдикатецца — способность признавать возможным даже самый «невероятный» и «странный» факт. Именно благодаря этим качествам Фредерику Жолио в сотрудничестве с Ирэн Кюри, критический ум которой иногда служил антиподом энтузиазму мужа, удалось открыть явление искусственной радиоактивности, несмотря на то, что в их распоряжении имелись менее значительные экспериментальные средства, чем те, которыми располагали ученые Америки и Англии.

Можно даже сказать, что в Америке и Англии явление искусственной радиоактивности наверняка наблюдалось, но не было открыто из-за отсутствия этой способности, которой обладал Жолио,— считать возможным самое невероятное.

Везде и всюду — будь то в лаборатории во время эксперимента большого значения, или оказывая помощь нуждающимся сотрудникам, изготовляя бомбы, предназначенные для борьбы французских патриотов против фашистских оккупантов, или готовя очередной конгресс мира, рассказывая за дружеской беседой веселые анекдоты, или воюя с ракеткой в руках на теннисном корте,— везде и всегда Фредерик Жолио был энтузиастом, жизнерадостным человеком.

Дорогой товарищ Жолио, прощай!

Бруно ПОНТЕКОРВО

На чемпионате мира по спортивной стрельбе.

Фото И. Гричера.

Выдержка и острый глаз

Каждый с виду самый скучный, не зрелищный вид спорта имеет своих зрителей. В этом мы убедились, наблюдая открытие XXXVII первенства мира по стрельбе, которое началось в прошлое воскресенье под Москвой, на стрельбище «Динамо».

Многим из спортсменов старшего поколения знакома эта огромная поляна, обрамленная густым хвойным лесом. В первые дни войны здесь стояли палатки воинской части, целиком сформированной из ведущих спортсменов страны, которые затем с успехом громили тылы врага.

Теперь на этом месте вырос красивый каменный павильон, специально выстроенный к мировому чемпионату стрелков.

А их собралось более полутысячи человек из 27 стран мира. К полудню они выстроились на плацу перед новым павильоном, каждая команда со своим национальным флагом. Через два часа после короткой церемонии открытия и речи президента Международного союза стрелкового спорта Э. Карлссона началось состязание сильнейших стрелков мира.

Первый номер программы — стрельба из малокалиберного пистолета любого образца. Командный приз — «Лионский кубок».

У большинства зрителей в руках мощные полевые бинокли. Они постоянно ведут придирчивое наблюдение за мишенями ведущих спортсменов. Чтобы не мешать стрелкам, разговаривают шепотом, тут же призывая к порядку не в меру расшумевшихся новичков.

Советская команда показала отличные результаты в стрельбе из малокалиберного пистолета, из малокалиберной винтовки лежа, с колена и стоя, а также по мишени «бегущий олень».

Победили тренированность глаза, выдержка и воля к победе.

Вс. ДАЙРЕДЖИЕВ, мастер спорта.

Съезд писателей Калмыкии

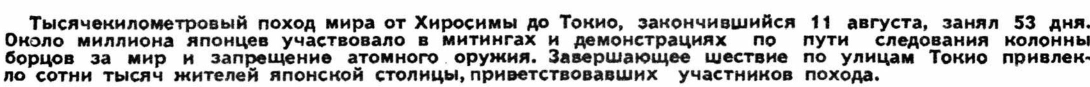
На днях состоялся III съезд писателей Калмыцкой автономной республики. На снимке: делегаты съезда беседуют со старейшим джангарчи — сказителем — Дава Шавалиевым.

Фото С. Ахрема.

ПОХОД ЗА МИР В ТОКИО

Тысячекилометровый поход мира от Хиросимы до Токио, закончившийся 11 августа, занял 53 дня. Около миллиона японцев участвовало в митингах и демонстрациях по пути следования колонны борцов за мир и запрещение атомного оружия. Завершающее шествие по улицам Токио привлекло сотни тысяч жителей японской столицы, приветствовавших участников похода.

Участники похода несли на руках Сиеко Ватанабе, жертву атомного взрыва в Хиросиме.

Суд над агрессорами

Б. СТРЕЛЬНИКОВ

Осень, по утверждению здешних старожилов, уже стоит у ворот Нью-Йорка. Нет-нет да и положит она свои первые приметы на ландшафт огромного города: то приклеит дождливой ночью к окну неизвестно откуда занесенный желтый лист, то осыплет на рассвете холодной росой крыши машин, оставленных на ночь у тротуаров.

Иногда в полдень на Нью-Йорк опускается чуть заметный влажный туман; становится белесым знойное небо; легкой дымкой, как кисеей, окутываются верхушки небоскребов. И тогда внизу, на дне каменных ущелий, становится трудно дышать.

Житель Нью-Йорка или иностранный турист, попавший из душных улиц в здание ООН, чувствует себя вдвойне счастливым. Как награду за часы стояния в очереди у входа для посетителей вдыхает он прохладный кондиционированный воздух, разлитый в холлах и коридорах. И самое главное — он попал в счастливую тысячу тех, кто занимает места в ложе для гостей и будет присутствовать на заседании специальной сессии Генеральной Ассамблеи.

Интерес к этой сессии, начавшей свою работу 13 августа, необычайно велик. И это понятно. Ведь перед делегатами, собравшимися сюда из 81 страны, стоит очень важная цель: потребовать прекращения американской и английской интервенции на Среднем Востоке, осудить колонизаторов и заставить их убрать свои войска из Ливана и Иордании. Организация Объединенных Наций держит сегодня исторический экзамен: либо она покажет себя действительно способной защищать мир и независимость больших и малых стран, либо превратится в удобную ширму для агрессоров, на что откровенно рассчитывают США и Англия.

То и дело к высокому прямоугольному зданию секретариата ООН подъезжают автобусы с экскурсантами. Давайте и мы с вами, читатель, присоединимся к одной из таких групп под руководством симпатичной девушки-экскурсовода в синем форменном костюмчике. Мы пройдем мимо охраны ООН, преисполнившись молчаливого уважения к гордой и суровой осанке стражей. Они стоят, скрестив руки на груди, и, кажется, не обращают на входящих ни малейшего внимания. Если бы не форма, их можно было бы принять за дипломатов, обдумывающих детали своей очередной речи.

Поднимаемся по бесшумному эскалатору на второй этаж, где девушка-экскурсовод расскажет нам о том, что здание секретариата насчитывает 39 этажей в высоту и несколько этажей под землей. Вы запишете в свой блокнот сведения о том, что здание имеет 5 400 окон, около 170 метров в высоту, 90 — в длину и лишь немногим более 20 метров в ширину (представьте себе гигантскую спичечную коробку из стекла, стали и мрамора, поставленную вертикально). Когда-то на этом берегу Восточной реки были лес, сады и фермы. Из каких-то старинных документов, сохранившихся с тех пор, явствует, что в дни войны за независимость на этом самом месте фермеры-патриоты вздернули на яблоневый сук английского шпиона Натана Хайла.

Экскурсовод непременно подчеркнет, что несколько лет тому назад этот участок земли купил нефтяной магнат Джон Рокфеллер-младший и преподнес его в дар Организации Объединенных Наций для постройки здания штаб-квартиры ООН. Вы услышите, что этот дар обошелся Рокфеллеру в 5 800 тысяч долларов, а фонтан у входа в здание сооружен на средства, собранные детьми Нью-Йорка, и что дом построен в стиле «модерн».

На третьем этаже вас встретит стрекот пишущих машинок и мерный стук телетайпов. Пожалуй, это — самое оживленное место во всем здании. Этот этаж занимают журналисты — корреспонденты многочисленных американских и зарубежных газет. Многие телеграфные агентства имеют здесь свои комнаты, в том числе и Советское агентство — ТАСС.

На этом этаже среди убеленных сединами старых газетных «волков» вы заметите 12-летнего мальчика, при помощи двух пальцев обеих рук что-то быстро печатающего на машинке. Это Джеймс. Он мечтает стать журналистом и все свободное время проводит в здании ООН. Отсюда он пишет отчеты о заседаниях, собственные комментарии и каждый день посылает все это своему деду — редактору одной из газет штата Иллинойс. Дед очень гордится творчеством Джеймса. Но, к большому огорчению наивного мальчика.. не печатает его статей. «Я ему этого никогда не прощу»,— говорит Джеймс.

Третий этаж полон слухов, догадок, предсказаний: какой проект резолюции готовят США, что скажет представитель Ирака, о чем совещались Даллес с Ллойдом? Раньше американские журналисты говорили про себя: «Репортера ноги кормят». Сейчас добавляют: «Ноги и уши». Это означает, что журналист должен уметь отбирать из вороха слухов главное, уметь настроить свое ухо на «определенную волну», именно на ту, на которой «работает» сегодня его босс. Если боссам нужно кого-то припугнуть, газеты будут угрожать миру атомными бомбами, если боссы говорят о мифической «косвенной агрессии», газеты подхватывают эту выдумку, из мухи делают слона. Важнее всего вовремя понять, что нужно боссам.

Иногда дело с «настройкой на волну» доходит до курьезов. На рассвете 10 августа в центре Нью-Йорка произошло дерзкое ограбление. Воры разбили витрину ювелирного магазина и похитили драгоценности на 163 тысячи долларов. Газеты уделили этому событию широкое внимание. По их словам, кража стала возможной лишь потому, что полицейский, обычно стоявший неподалеку от магазина, на этот раз был вызван в участок на совещание в связи... с приездом в Нью-Йорк министра иностранных дел СССР Громыко. Ну как тут не поверить в козни коммунизма, руку Москвы и в прочие дьявольские наваждения!

Но оставим третий этаж и пройдем по длинным коридорам в зал заседания. Мы проследуем мимо стеклянных стен, за которыми видна водная гладь Восточной реки и стоящего в тумане Квинса — одного из районов Нью-Йорка.

Мы заглянем в уютные бары, у стоек которых также решаются дела, составляются блоки. Это одно из тех мест, где происходит так называемая «закулисная деятельность». С особым усердием этим занимается американская делегация, уговаривая делегатов разных стран выступить в защиту агрессии США и Англии, против арабских народов. Американские делегаты нацелились в первую очередь на представителей 28 стран Азии и Африки, 4 скандинавских страны, а также Ирландию и Грецию. По подсчетам газеты «Нью-Йорк таймс», США должны уговорить, по крайней мере, половину этих стран, чтобы вместе с другими странами Западной Европы и Латинской Америки получить две трети голосов.

Обозреватель газеты «Геральд трибюн» Липпман откровенно сказал, что США приложат все силы к тому, чтобы «не допустить превращения специальной сессии ООН в публичный суд над интервенцией США и Англии в Ливане и Иордании». Ряд лет делегация США уверенно опиралась на механическое большинство в ООН, составленное из стран, зависимых от США или связанных с ними военными блоками. Но иное положение теперь. Обозреватель «Нью-Йорк таймс» Гамильтон жаловался недавно, «что рост числа членов ООН, который увеличил коммунистический блок до 10 и азиатско-африканский блок — до 28, является главной причиной падения влияния США в ООН».

Газеты еще до открытия сессии сообщали, что Вашингтон решил послать на Ассамблею самого президента в расчете на то, что его появление произведет «драматическое впечатление» на тех делегатов, которых еще не удалось уговорить. По слухам, которые распространялись на третьем этаже, в Вашингтоне решили, что для пользы дела следует разделить труд: пусть президент говорит хорошие слова об «экономической помощи», об «уважении национального движения», о древней культуре арабов, а Даллес, в свою очередь, пусть на чем свет стоит обливает грязью Советский Союз, Объединенную Арабскую Республику, разоблачает «косвенную агрессию», так называемые подстрекательские радиопередачи и прочее. Рассказывают, что в последние минуты Даллес отказался от такой речи и даже обиделся на своих коллег в Вашингтоне за то, что они по привычке отвели ему роль зачинщика кулачного боя. Государственный секретарь США не без основания решил, что «драка» на сессии не сулит США ничего, кроме поражения, ибо, несмотря на все уговоры, большинство делегатов — иные молча, иные вслух — осуждает американскую и английскую агрессию.

И вот отзвучали красивые речи о том, что надо-де помочь арабам «превратить пустыню в цветущий сад», и сессия Генеральной Ассамблеи снова стоит перед главным вопросом, для решения которого она и собралась,— о немедленном выводе войск интервентов, о прекращении агрессии.

«Напрасно Айк выступил с этой пустой речью,— писала в адрес ООН одна из американских матерей.— Если нам нужно было разыграть спектакль, то актер Марлен Прандо мог бы сделать это с гораздо большим эффектом, чем президент».

Зато совершенно ясна и четка позиция Советского Союза. Советский Союз выдвинул предложения,

← Полиция пыталась преградить путь участникам похода под предлогом «нарушения правил уличного движения».

В Токио к шествию присоединились зарубежные делегаты IV Международной конференции против атомного и водородного оружия и за разоружение. На снимке (слева направо): делегат СССР О. В. Богданов, секретарь Всемирного Совета Мира В. А. Сорокин, Председатель канадского Комитета защиты мира д-р Джеймс Эндикотт.

→ Председатель ЦК Компартии Японии Сандзо Носака (слева) приветствует участников похода. Справа — Ацуси Нисимото, возглавлявший поход.

Фото Джапан пресс.

Штаб-квартира ООН в Нью-Йорке.

которые отвечают желаниям и надеждам арабских народов и всех миролюбивых народов мира: немедленно вывести американские и английские войска из Ливана и Иордании.

Большой зал Генеральной Ассамблеи напоминает сегодня зал суда, где на скамьях подсудимых сидят представители США и Англии, совершившие разбойничье нападение на арабские страны. В этом зале у них есть защитники; но все громче звучат голоса сотен миллионов людей на всем земном шаре, гневно требующие положить конец агрессии и обуздать колонизаторов.

Как бы ни вертелись, как бы ни интриговали агрессоры, им не уйти от суда народов!

Нью-Йорк, 19 августа.

IV межзональный шахматный турнир

ПЕРВЫЕ ЗАЯВКИ

В начале 1957 года в Москве проходил XXIV шахматный чемпионат Советского Союза. После первых туров сенсационного результата добился двадцатилетний Михаил Таль. Уже тогда в белградской газете «Вечерние новости» появилась статья под многозначительным заголовком: «Запомните, Таль!».

Поэтому сейчас, когда на берегу Адриатики, в Портороже, встретились 21 сильнейший шахматист мира, Таль с самого начала снискал к себе особое внимание. После первых схваток его популярность еще возросла.

— Ведь вы ничего не боитесь на шахматной доске, — шутили вездесущие журналисты, окружив Таля на высокой эстакаде, далеко уходящей в море, — так неужели вам страшен какой-то прыжок в воду?

Прыжок, конечно, был сразу осуществлен. А на шахматной доске уже осуществлены великолепные комбинации, принесшие победу над гроссмейстерами Сабо и Филипом.

В программе соревнования опубликованы таблицы трех предыдущих межзональных турниров. Два раза играл в них Давид Бронштейн и два раза занимал первое место, не проиграв ни одной встречи.

И ныне победа Бронштейна ни у кого не вызывала сомнений. Даже С. Глигорич, которому в многочисленных прогнозах предсказывали первый приз, недвусмысленно высказался:

— Было бы смешно рассчитывать на победу в турнире, где играет Бронштейн.

Между тем шансы югославского гроссмейстера должны расцениваться высоко, так как уже около двух лет он добивается только успехов, и притом весьма значительных.

Итак, еще до начала турнира фаворитами были Бронштейн, Таль и Глигорич. Однако ни одному из них не удалось захватить лидерства на старте. Таль, доигрывая партию с Матановичем, записал на бланке правильный ход, ведущий к ничьей, а рука вместо фигуры протянулась к пешке (бывает и так), после чего поражение стало неизбежным. Бронштейн, показывая умение добиться превосходных позиций, уже трижды — с Глигоричем, Фишером и Бенко — из-за одного неосторожного хода упускал шансы на победу. Наконец Глигорич весь вечер отлично атаковал Олафссона, а перед самым контролем, на 40-м ходу, ошибся и проиграл.

Каждая из подобных ошибок в борьбе равных сразу отбрасывает назад. Поэтому первым лидером турнира оказался единственный участник, не допустивший в первых партиях ни одного серьезного упущения, — Тигран Петросян. Тонко маневрируя, он зажимал позиции менее опасных участников и отражал агрессивные устремления противников, играя черными. Но в одной встрече — против Пахмана — раскрылся другой Петросян, о существовании которого многие не знают. Это была смелая, даже рискованная игра: стремление с первых ходов захватить черными инициативу. Петросян пожертвовал самую мощную шахматную фигуру — ферзя и совершил победную финальную атаку на неприятельского короля.

Большой интерес для шахматного мира представляет, конечно, участие в соревновании пятнадцатилетнего чемпиона Соединенных Штатов Р. Фишера. Наличие у него большого дарования бесспорно: достаточно сказать, что уже на старте Фишер добился ничьей в партиях с Бронштейном и Авербахом. К сожалению, юный шахматист не страдает излишней скромностью. Он, например, возмущен прогнозами прессы, отводящей ему место в середине турнирной таблицы. Его тренер и секундант, чемпион мира среди юношей обаятельный В. Ломбарди, жалуется, что самомнение Фишера переходит все границы.

Приятной противоположностью являются другие молодые участники и новички в таком соревновании — Ф. Олафссон и Б. Ларсен.

Вообще претендентов на первую пятерку очень много. Не будет преувеличением сказать, что их столько же, сколько участников, — двадцать один. Даже те, кто стартовал неудачно, на каждом шагу преподносят неожиданности, путая карты лидеров, внося серьезные коррективы в ход спортивной борьбы.

Нельзя забывать, что соревнуются сильнейшие в мире.

Л. АБРАМОВ

Порторож.

В старом русском городе...

Ник. НИКОЛАЕВ

Если взглянуть на Владимир со стороны Клязьмы, с противоположного городу берега, то невольно возникнет у вас ощущение каких-то знакомых очертаний, что-то давно известное почудится вам в контурах города, в его планировке и расположении.

Ну, конечно же, Владимир вызывает воспоминания о Киеве! Правда, Клязьма не Днепр. Даже Гоголь не стал бы утверждать, что редкая птица перелетит Клязьму, медленно несущую свои воды вдоль поэтических берегов,— воробьи запросто перепархивают через нее. Но если откинуть в сторону масштабы и принять в расчет только общий облик города, то сходства Владимира с Киевом никак нельзя не заметить.

Да и в самом городе вы вдруг натолкнетесь на речку, именуемую по киевскому примеру Ирпенью, и на крошечный ручеек с киевским названием Лыбедь, и, наконец, увидите Золотые Ворота, устоявшие с XII века, и сразу вспомните, что ведь и в Киеве в оные времена были Золотые Ворота, поражавшие воображение современников своим великолепием...

Сходство это вполне понятно, если вспомнить, что город был основан великим князем Киевской Руси, о чем и гласит летопись от 1108 года: «Того же лета совершен бысть град Володимир Володимиром Мономахом и созда в нем церковь каменну святого Спаса». Видимо, потому и приглянулись Мономаху и его воинственным дружинникам клязьминские нагорья, что было в них что-то общее с родными киевскими местами. И в те стародавние времена прадедам нашим был приятен и сладок дым отечества...

Старина владимирская прекрасна и величава! Смотришь на Успенский и Дмитриевский соборы, прочно восемь столетий стоящие на земле, вознесшие к небу свою ни с чем не сравнимую красоту, любуешься их благородными линиями, лишенными какой-либо грузности и резкости, удивляешься причудливо-фантастическому каменному резному узору, украшающему стены,— творению безвестных и блистательных мастеров суздальской земли — и проникаешься чувством гордости за свой талантливый народ, способный придавать камню столь торжествующую, буйную силу.

В литературе нашей часто описывались «святые камни Европы». Но как мало еще мы изучили и постигли красоту своей родной земли, совершенство родной архитектуры, не похожей ни на какую другую, искусство своих русских зодчих! «Нотр Дам де Пари» и «Кельна дымные громады» нам известны отлично, а вот церковь Покрова-на-Нерли — создание волшебных искусников времен Андрея Боголюбского, князя владимирской земли, знакома куда меньше, а ведь это истинная поэзия в камне.

...Вечер над Владимиром был тих и прозрачен. Огромная красная луна всходила из-за Клязьмы, то прячась в черные тучки, то появляясь вновь. В городском сквере источали аромат клумбы, засаженные табаком,— цветы эти начинают жить по вечерам, радуясь наступающей прохладе. По аллеям прогуливалась молодежь, где-то вдалеке звенела гитара и слышалась веселая песня. На Клязьму наплывал туман, погружая заречные луга и леса в призрачные волны, и казалось, что какое-то море возникло у подножия города и далекие огоньки повисли на мачтах незримых кораблей. И над всем этим возвышался старинный собор, и восемь веков смотрели с высоты куполов на Владимир, на окрестности его, на туманы клязьминской долины. Город уходил далеко в стороны, и улицы его, взбираясь на окрестные холмы, огнями своими обрисовывали его немалые границы.

Растет древний Владимир! В 1914 году насчитывал он 40 тысяч жителей, из них только 462 рабочих. То был город дворянско-чиновничий, славившийся колокольным звоном и обилием богомольцев. Центр оживленной промышленной губернии, сам он был тщательно охраняем от проникновения беспокойного для царской администрации рабочего класса. Достаточно неприятностей доставляли полиции и жандармерии рабочие фабрик и заводов Иванова, Орехово-Зуева, Гусь-Хрустального. Едва ли не последнее место в губернии по своему промышленному развитию занимал Владимир.

«Вчера я ходил по городу и всматривался в физиономии прохожих,— писал в 1914 году корреспондент местной газеты «Старый Владимирец».— Люди, как на подбор, сонные, безжизненные...» Конечно, не все дано было видеть корреспонденту. И в эти глухие годы билась во Владимире живая, творческая, революционная мысль, работала незримая не только для корреспондентов, но и для полиции подпольная большевистская организация, тесно связанная с рабочим классом промышленной Владимирской губернии.

В корреспонденциях дореволюционной газеты верно описывалась грязь городских улиц, по которым прохожие пробирались «с осторожкой», прибегая подчас к цирковому балансу, темнота и забитость простого народа, невежество купцов, самодовольство и чванство дворян; описывалось все это иносказательно, в эзоповской манере, дабы избежать столкновения со всесильной цензурой. Но и на этом тусклом фоне вспыхивали яркие блестки смелых действий и высоких, благородных поступков.

Первым владимирским журналистом был Александр Иванович Герцен, отбывавший здесь ссылку. Во Владимире работал пламенный революционер Николай Евграфович Федосеев — один из организаторов первых марксистских кружков в России. Здесь родился замечательный большевик Павел Степанович Батурин, близкий друг Фрунзе, комиссар Чапаевской дивизии, погибший героической смертью под Лбищенском в бою с белоказаками.

Владимирская земля дала России Александра Невского, Дмитрия Пожарского, прославленного адмирала и мореплавателя Михаила Лазарева, знаменитого физика Александра Столетова, героя Шипки генерала Николая Столетова, композитора Сергея Танеева, отца русской авиации Николая Жуковского...

Не оскудевает владимирская земля и ныне народными талантами, добрыми умельцами, храбрыми воинами.

Новый Владимир, растущий рядом со старым, слившийся с ним,— это вполне современный город, вобравший большие заводы, красивые площади, веселые бульвары. Нет, уж никак не назовешь сегодняшний Владимир тихим городком! За годы революции он начисто изменил свой облик. Тракторный завод ежемесячно дает стране сотни пропашных тракторов «Владимирец». Химический завод, существовавший еще до войны, расширился, вырос и превратился в крупное предприятие. Продукция владимирских заводов «Автоприбор», «Электроприбор», «Электромоторный» известна всей стране. Почти половина 150-тысячного населения Владимира — рабочие, инженеры, техники, служащие. Владимирцы, рассказывая приез-

Новые кварталы во Владимире. Заводской бульвар.

жему о своем городе, не преминут сообщить, что по сравнению с 1914 годом промышленность его выросла в 808 раз.

...Город весь залит асфальтом, по его старым и новым улицам бегают автобусы и троллейбусы, всюду поднимают свои железные лапы подъемные краны, всюду слышишь шум бульдозеров, видишь строителей, воздвигающих корпуса домов, школ, заводских цехов,— город продолжает расти, и рост этот постигаешь зримо.

Мы беседовали с одним из славных местных строителей — каменщиком и бригадиром комплексной бригады Алексеем Васильевичем Коленовым. Этот скромный, небольшого роста человек, с тихой, неторопливой речью, славится на всю округу своим мастерством и великой любовью к делу.

— Почитай, все дома вот на этой улице Горького мои...— сказал он.

Веселая улица с новыми, нарядными, красивыми домами лежала перед нами.

— Не один я, конечно, их строил, с товарищами! Шахов Николай Ефимович, Иванов Алексей Иванович — опытные каменщики. Да и молодежь есть старательная: Женя Егоров, Витя Каширкин. Всего у меня в бригаде сорок человек, если считать с практикантами. Идешь, смотришь, а каждый камень, каждый кирпич твой. Вот и сейчас, глядите, голые стены, кругом разорение, мусор, а пройдет полгода, а то и меньше, будет здесь школа. Ребятишки набегут с книжками, сядут за парты, будут учиться. Владимир-то наш хорош стал, а?

Конечно, хорош Владимир, а владимирский рабочий человек и того лучше!

Познакомились мы на тракторном заводе с мастером кузнечного цеха Степаном Алексеевичем Евтигнеевым. Сорок четыре года работает на производстве старый кузнец, тысячи тонн металла прошли через его руки. Опытным глазом обозревал он свой участок, зорко видел все, что там происходило, и, если возникала какая-нибудь заминка, сразу шел на помощь. Жаром дышал цех, отблески огня играли на лице мастера, простом и славном лице русского рабочего человека. Степан Алексеевич не только кузнец и мастер — он депутат Верховного Совета РСФСР. Весь Владимир знает его как человека разумного и справедливого, и в часы депутатского приема идут к нему люди со всех концов города за помощью, за советом и добрым словом. Все несут люди к своему депутату, разную нужду и беду, и всем надо помочь, всех рассудить. Сейчас Степан Алексеевич Евстигнеев собирается выехать в колхозы Владимирского и Суздальского районов. Там горячая пора — жатва. Значит, помощь депутата будет кстати.

Вот он, рачительный хозяин земли русской — народный избранник, рабочий человек, кузнец, мастер, депутат!

Известен на весь Владимир бригадир формовщиков электромоторного завода Виктор Сафронов. Его бригада вместо положенных по норме 27 станин формует 118. По почину и предложению Сафронова развилось в городе соревнование за работу без брака, за ежедневное перевыполнение сменного задания на каждом рабочем месте. Молодой рабочий так сумел поставить дело, что полностью ликвидировал в своей бригаде брак, считавшийся ранее неизбежным. С Сафроновым мы встретились не в цехе, а в скульптурной мастерской. Он сидел очень сконфуженный, в напряженной, непривычной позе, а студент из Московского художественного института имени Сурикова Эрнест Юдин лепил его портрет. Портрет был хорош, но Виктор смотрел на него сердито: видимо, слава утомляла его. Он сконфузился окончательно, когда два фотокорреспондента с ослепительными «блицами» начали орудовать в мастерской.

В окна то и дело совали свои веснушчатые носы мальчишки: им было страшно интересно смотреть, как работает скульптор.

— Наша учительница! — закричал один из них.— Варвара Ивановна!

В самом деле, посередине комнаты стоял почти готовый скульптурный портрет старой, популярной в городе учительницы Варвары Ивановны Павцовой.

— Стро-о-гая! — добавил мальчишка.

Но тут неожиданно вошла сама Варвара Ивановна, и мальчишки с визгом убежали. Ну какая же она строгая, Варвара Ивановна! Лицо 72-летней женщины сияло приветливой улыбкой. В морщинках возле глаз светилась сама доброта. Даже не зная Варвары Ивановны, сразу можно было угадать ее профессию: учительница. Пятьдесят два года учит она детей; тысячи ребятишек, научившись у нее письму, чтению, арифметике, стали взрослыми людьми, отцами семейств, деятельными работниками. Потеряв мужа, взрослую дочь, Варвара Ивановна все силы отдает школе.

Во время войны навестил старую учительницу ее бывший ученик, приехавший с фронта Герой Советского Союза Николай Климов.

— Варвара Ивановна! Ведь и ваша доля есть в моей Золотой Звезде,— сказал он ей,— вы меня научили любить Родину и свой народ.

Много во Владимире прекрасных людей, истинных патриотов, творцов жизни.

...Мы приехали в город незадолго до праздника. Все здесь напоминало о нем. На старинном восьмисотлетнем валу бывшего Рождественского монастыря рассаживали цветы, образовывавшие надпись: «Владимиру — 850 лет». В местной газете «Призыв» бросалась в глаза календарная рамка: «До юбилея Владимира осталось ... дней. Трудовыми подарками ознаменуем юбилей родного города».

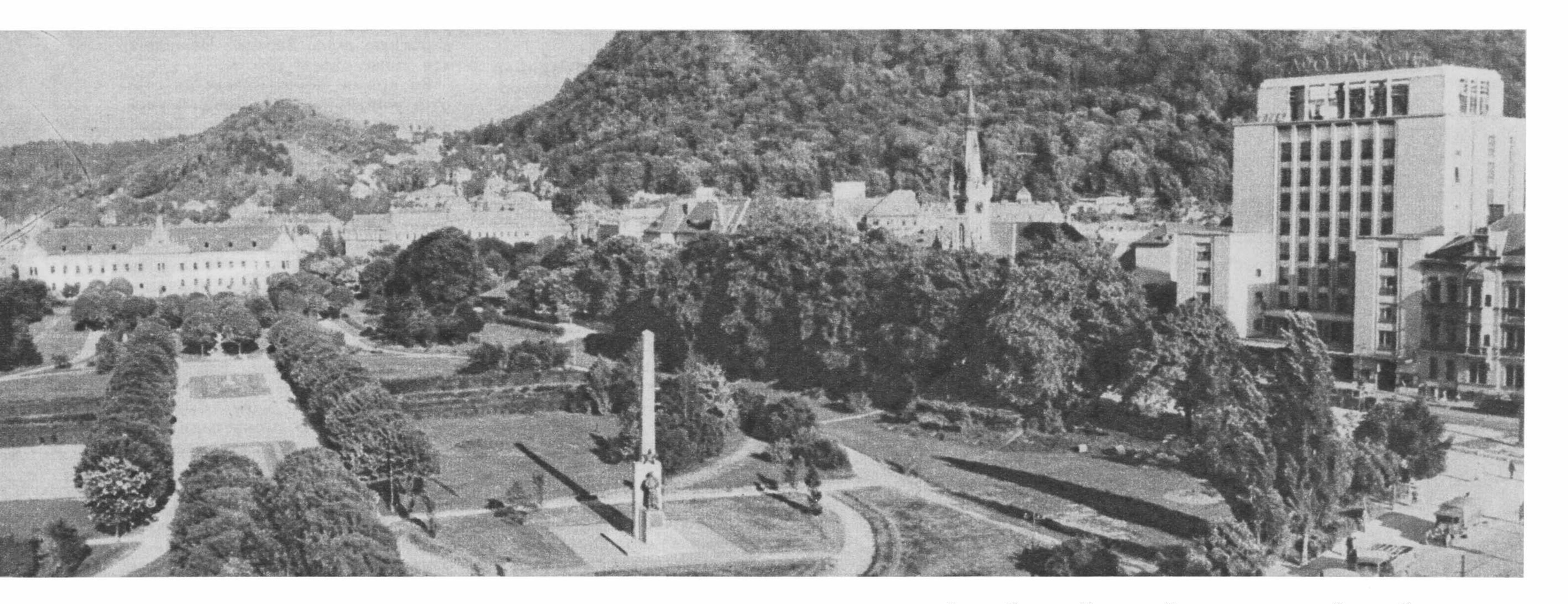
Владимир прихорашивался, красился. Во всех городских организациях чувствовалось предпраздничное оживление. Шутка ли: такой почтенный именинник! Подарков Владимиру готовится немало: к 850-летию промышленные предприятия должны перейти на 7-часовой рабочий день; город должен получить новые кинотеатр, клуб, баню, школу, три детских сада, стадион, тысячи метров жилой площади, газ для 2 500 квартир...

Порадуемся и все мы, советские люди, празднику древнего Владимира. Ведь и для Москвы, столицы нашей Родины, Владимир — старший брат.

Восемь с половиной веков стоит славный Владимир на крутом берегу Клязьмы, отражая в ее водах свою древнюю красу. Не раз он сидел в жестоких осадах, не раз горел, покрываясь руинами и пеплом, но всегда возрождался вновь на радость русской земле. И сейчас он вольготно и широко раскинул свои концы, расправил плечи и растет, крепнет, красуясь и своей почтенной стариной и юной новью.

Конвейер Владимирского тракторного завода.
Фото Я. Рюмкина.

Город Сталин. Бульвар Советско-румынской дружбы.

РУМЫНИЯ, 1958...

Евг. ПОПОВКИН

Есть в истории дата, которую румынский народ отмечает как свой торжественный национальный праздник,— 23 августа 1944 года.

В этот день советские воины освободили Румынию от гитлеровского ига. В этот же день патриотические силы Румынии, свергнув в Бухаресте военно-фашистскую диктатуру генерала Антонеску, открыли перед своим народом новый путь исторического развития, путь независимости и расцвета.

...Впервые предстали передо мной густые сады, голубые озера, тенистые улицы и просторные стадионы и площади Бухареста совсем недавно, в пышущий зноем июньский полдень, когда самолет шел над румынской землей.

Я, конечно, знал, что во время войны многие промышленные предприятия, общественные здания, жилые дома Бухареста, Плоешти, Брашова, Констанцы были превращены в развалины. Тем сильнее охватило желание как можно лучше узнать, чего достигла за четырнадцать лет созидательного труда Румынская Народная Республика.

Мы шли с румынскими друзьями по многолюдным, ярко освещенным солнечными лучами улицам столицы, и нам открывались и старинные, увитые плющом особняки, и новые, еще не утратившие запахов известки и малярных красок монументальные здания, жилые дома.

Бухарест строится стремительно и с той практической целесообразностью, которая была неведома его жителям при королевской власти. Теперь уже с иронией вспоминают здесь о том, как буржуа и помещики, именуя Бухарест «маленьким Парижем», стыдливо закрывали глаза на нищенские лачуги, окраинные трущобы, где в тесноте и ужасающей антисанитарии ютился рабочий люд.

В июньскую пору улицы-аллеи румынской столицы наполнены ароматом цветущих лип. Пряно-медовый запах их еще больше обволакивает вас в уютном парке Свободы или в раскинувшемся в центре города живописном саду Чишмиджиу.

Здесь любят отдыхать целыми семьями. Глядя на веселые, покрытые завидным загаром лица мужчин и женщин, слушая оживленный говор, беспечный смех ребятишек, парней и девушек, ловишь себя на мысли: так могут, так умеют и так имеют право отдыхать лишь люди, хорошо, добросовестно потрудившиеся.

А трудятся в свободной социалистической Румынии отлично. Как о навсегда минувших, бесславных временах вспоминают здесь о монархической Румынии, в которую ввозился из-за границы даже такой бесхитростный товар, как спички. Теперь в Румынской Народной Республике производятся первоклассные машины и станки, паровозы и вагоны, комфортабельные автобусы и мощные тракторы, ротационные машины и компрессоры, комбайны и электроприборы.

Страна, еще не так давно бывшая полуколонией империализма, утвердив у себя народно-демократический строй, в короткий срок стала независимым государством с высокоразвитой индустрией, передовым сельским хозяйством, бурно расцветающей наукой и культурой.

Нам представилась возможность побывать в долине реки Праховы, где еще недавно хозяйничали вместе с румынскими капиталистами американские и английские нефтяные тресты. Теперь здесь, в основных нефтяных районах республики, Плоешти, Морени, Кымпина, создана могучая социалистическая индустрия, применяются новейшие способы разведки и добычи черного золота. Соревнуются по благоустройству города́ румынских нефтяников.

С теплым чувством говорят румынские нефтяники о советских мастерах-бурильщиках, приезжавших сюда, чтобы поделиться своим богатым опытом.

Побывали мы и в городе Сталин (прежде Брашов). Некогда экзотическая крепость на рубеже Трансильвании и Валахии, построенная немецкими рыцарями, Брашов превращен усилиями трудящихся в крупнейший промышленный центр страны. И сам город, с прекрасными новыми клубами, театрами, комфортабельными жилыми домами рабочих и интеллигенции, с памятниками, парками, отелями, справедливо считается одним из красивейших в Румынии.

Искренне восхищались мы знаменитыми спортивными и туристическими центрами страны в Карпатах, живописнейшими уголками Синая, Пояна, Предял — некогда излюбленными местами развлечений королевской семьи и румынской знати и, разумеется, недосягаемыми для простого люда. Теперь многочисленные роскошные дворцы и виллы стали общенародным достоянием и превращены в санатории и дома отдыха, детские лагеря и туристские базы для трудящихся.

Прошлое румынского народа полно горечи, бесправия, страданий. Его настоящее — вдохновенный труд на благо всего народа.

Общая граница Румынской Народной Республики и Советского Союза протянулась на тысячу с лишним километров. Но ничем не измерить тех искренних братских чувств, которые объединяют советский и румынский народы, борющиеся вместе с другими народами социалистического лагеря против происков поджигателей войны, за мир, за счастливое будущее.

СОВРЕМЕННЫЕ ХУДОЖНИКИ НЕПАЛА

Непал населен талантливым народом, обладающим древней своеобразной культурой. Искусство Непала отразило тесные связи страны с соседями — Индией и Тибетом.

В последнее время в Непале быстро развивается станковая живопись современного типа. Около 15 лет назад художник Чатуратна основал в Катманду школу искусств — «Кала Патшала». Теперь это правительственное учебное заведение с пятилетним курсом. Во главе школы стоит художник Тедж Бахадур.

Впервые советский зритель мог ознакомиться с современным искусством Непала по живописи художников Ч. М. Маскея, Бала Кришна Сама и Джуала Сами на выставке в Государственном музее восточных культур.

Маскей, который работает при дворе короля и является сейчас директором Государственного непальского музея материальной культуры, получил художественное образование в Калькутте.

В центре внимания Маскея человек. Художник создает портреты, жанровые сцены на сюжеты из жизни непальского народа, его труда и быта, на исторические темы.

Художница Джуала Сами пишет маслом в чисто европейском стиле живописи XIX века. Очень четко исполнена ею зарисовка документального характера — «Храм Натапала в Бхадгаоне».

Третий участник выставки — Бала Кришна Сама представлен приятным по колориту, живописным портретом художника Чатуратны.

Художественное ремесло современного Непала поддерживается творчеством 3—4 тысяч семей ремесленников — наследственных мастеров разных видов художественных изделий. Среди них много живописцев, расписывающих стены храмов и жилищ. Стенные росписи широко распространены в Непале. Ни одно семейное торжество — свадьба, рождение ребенка — не обходится без новых росписей домов.

Живопись Непала, так хорошо отражающая жизнь страны, развивается в реалистическом направлении, сохраняя всю яркость национального своеобразия.

С. ТЮЛЯЕВ

Ч. М. Маскей. ПЛОЩАДЬ ДАРБАР В ПАТАНЕ

ХУДОЖНИКИ НЕПАЛА

Ч. М. Маскей. ПЕЙЗАЖ.

Джуала Сами. ХРАМ НАТАПАЛА В БХАДГАОНЕ.

Ч. М. Маскей. ОТДЫХ НОСИЛЬЩИКА.

СБОР ВИНОГРАДА.
Гравюра аргентинской художницы Анны Бриз.

ОТКРЫТИЕ ЮЖНОЙ АМЕРИКИ

5. СЧАСТЬЕ ЧЕЛОВЕКА

А. СОФРОНОВ
Специальный корреспондент «Огонька»

Музыкальный экспорт из США

— Что делает сейчас Лолита Торрес? — спросили мы уполномоченного Совэкспортфильма Сергея Константинова.

— Успешно играет роль матери.

— В каком фильме?

— Фильма такого пока нет. У Лолиты недавно родился ребенок, и она полна счастьем материнства.

Таким образом, не только на экране, но и в жизни для Лолиты Торрес пришел возраст любви и материнства. Лолита по-прежнему полна самых дружеских чувств к советским зрителям, которые (а это ей известно) сердечно приняли фильмы с ее участием.

См. «Огонек» №№ 31—34.

Но в аргентинском кинематографе не все так благополучно, как в личной жизни Лолиты Торрес. Не выдерживая конкуренции Голливуда, несколько растерявшись под напором изменений в общественной жизни, аргентинские кинодеятели старательно ищут пути развития своего кинематографа. Уже не могут честные художники выпускать бездумные, легкомысленные картиночки, когда вся атмосфера жизни Латинской Америки насыщена грозовыми разрядами.

Нам довелось повидать один из последних аргентинских фильмов, поставленный по роману парагвайского писателя Аугусто Роа Бастоса, «Гром в листве». В фильме показана жизнь рабочих на лесоразработках в Парагвае, бесчеловечное издевательство предпринимателей над рабочими. Несмотря на некоторые натуралистические подробности, фильм воспринимается как суровый голос протеста против колониального рабства. И, тем не менее, Голливуд со всей своей растленной идеологией пока главенствует на аргентинском кинорынке. Но не только Голливуд...

— Хотите послушать ультрасовременную североамериканскую музыку? — спросили нас друзья.— Но предупреждаем, днем эту музыку слушать нельзя. Она для того времени, когда снятся кошмары.

— Но зачем же добровольно втягиваться в кошмар?

— Некоторым нравится. У себя вы этого не услышите.

И мы пошли. В полутемном зале одного из ночных клубов, где почти не видно даже посетителей, сидящих за соседними столиками, неслышно сновали официанты. В воздух летели пробки от шампанского, висел сладковато-приторный запах пудры и духов. Желающих посмотреть современную звезду североамериканского джаза Била Халея оказалось немало. В час ночи на небольшой сцене появился десяток музыкантов с прилизанными бриолином прическами.

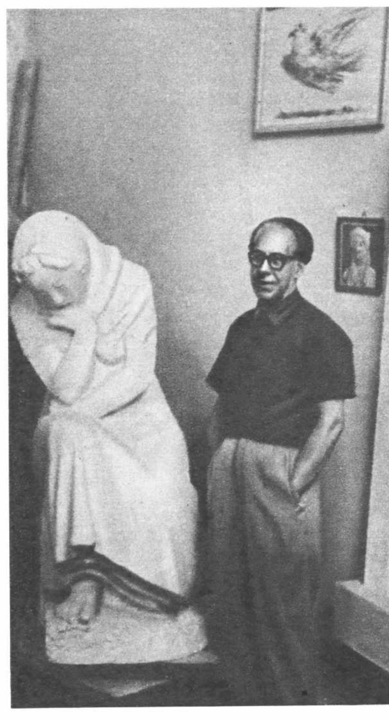
— Слушайте, — начинается,— сказал аргентинский друг.

Но слушать было невозможно. Начался истошный вопль меди, дерева, туго натянутой кожи, бессмысленное дерганье человеческих тел. Конечно, во всем этом был какой-то ритм, музыкальная какофония держалась на каком-то незримом шампуре, и вместе с тем казалось, что на голову обрушивается лавина камня. Исступленные лица, непристойные движения, запах пота заполнили темный зал ресторана.

— А ведь это все-таки издевательство над человеком,— сказал один из наших друзей.

— Машины для нефтяной промышленности они нам не продают, а вот это... — наш друг воздержался от определения, — они экспортируют в избытке в «слаборазвитые страны».

И тут я почему-то вспомнил тихий семейный дом редактора отдела международной жизни одной из газет города Кливленда в Соединенных Штатах. Мы были у него в гостях. На столе возвышался яблочный пирог со сливочным кремом. Горели свечи, у стен стояли мягкие диваны и кресла. В комнате был тот патри-

Скульптор Луис Фальчини.

Фото автора.

ГВАТЕМАЛА.
Гравюра аргентинского художника Норбето Онофрио.

архальный уют, который складывается, когда люди живут десятилетиями в одном доме. Жена журналиста держала на руке годовалого внука. Мы вели спокойную, тихую беседу в семье, радушием которой воспользовались, и всегда с благодарностью будем это вспоминать.

Но почему же, по какому праву растленная, бесчеловечная музыка, после которой единственно что и остается человеку, как брать кухонный нож и резать своих ближних,— почему эта музыка с такой щедростью экспортируется из США в «слаборазвитые страны»?! И почему многие благонравные журналисты, гордящиеся яблочным пирогом и холодильником, спокойно взирают на растление и поругание человеческих душ?!

Дикий цветок и белая голубка

Нас пригласили в школу национального танца.

Мерседес Аривала, стройная молодая женщина в строгом сером костюме, привела нас в большой зал, где собрались юноши и девушки. Мерседес сказала:

— Нам хочется, чтобы вы узнали, что такое наш танцевальный фольклор. Я буду рассказывать содержание танца, который будут исполнять наши юноши и девушки. Вот танец «Триумф».

На середину зала вышли четыре пары, полилась мелодичная музыка. Танцоры закружились в плавном движении, перешедшем вдруг в вихревую пляску.

— Вот видите: девушки празднуют свою победу. Они победили юношей в танце.

Мы ничего не замечали, но, видимо, это было так. Танцоры снова вышли в центр зала.

— Это танец «Куэка»,— сказала Мерседес.— Вы на минуточку представьте, что на наших девушках пестрые шали, а на головах юношей — широкие сомбреро. Девушки не выпускают юбку из левой руки, в правой они держат платочки. Этим платочком передаются мысли и чувства танцующих. Вот девушка приветствует своего избранника, вот она с ним кокетничает, вот прощается. Обратите внимание: партнеры не берут друг друга за руки, они все время рядом, все время близко, и в то же время не касаются друг друга. Это и есть очень распространенный у нас танец «Куэка». Он идет из предгорий Анд и, как видите, очень красив,— говорила Мерседес.

В школе народного танца были хорошие юноши и девушки, простенько одетые, с открытыми, честными лицами. И так было радостно, что этих молодых людей не трогают судороги Била Халея и музыка, из-за которой невольно сожалеешь о том, для чего используется такой хороший металл, как медь.

Уже совсем перед отъездом нам показали небольшой коллектив певцов и танцоров во главе с Антонио Пантохи. Индейская танцовщица Аманкай, что по-индейски значит «дикий цветок», исполняла народные танцы с удивительной грацией. Казалось, что перед нами действительно расцвел дикий цветок, удивительно нежный и поэтичный. Мелодии песен были настолько хороши, что к концу показа мы пели вместе с исполнителями.

И уже совсем в другом ритме, в ритме, идущем от испанских танцев с кастаньетами, танцевала Урпилай — белая голубка. Это был совсем не голубиный танец, но белое легкое платье танцовщицы и дробный цокот сапожек ее партнера, чудесная мелодия наполняли сердца радостью, верой в человека.

Скорбь Испании

В жаркое утро мы неслись по улицам Буэнос-Айреса к скульптору Луису Фальчини.

Осенние желтые листья летели к дому, у входа в который стояло изваяние пожилой женщины. Дверь открыл нам сам Фальчини и провел в прохладную, пахнущую глиной мастерскую. На столах, на подоконниках стояли разных размеров модели, на стенах висели рисунки, сделанные углем.

Среди других работ выделялась фигура сидящей женщины, покрытой платком. В ее печали чувствовалось что-то большое, пережитое.

— Как называется эта скульптура?

— «Скорбь Испании». Скорбь женщины, плачущей по своим погибшим детям.

Различные горельефы изображали сильных рабочих людей. На одном из них четверо мускулистых рабочих как бы в присяге поднимали руки.

Мы спросили Фальчини:

— Какие идеи вы как художник ставите перед собой?

Фальчини снял очки и посмотрел на стену, где в рамке висел известный всему миру «Голубь» Пикассо.

— Вот идея, которая руководит мною во всей моей работе,— идея мира,— сказал Фальчини.

На стене неподалеку от «Голубя» висел портрет Ленина.

— Это ваша работа?

— Нет, подарок студентов Киевского художественного института. Я был в Советском Союзе.

Когда Фальчини сказал, что ему 68 лет, мы очень удивились.

— Но я их не чувствую, я всю жизнь работаю. Только в 1941 году, когда мне было уже 50 лет, я получил возможность приобрести вот эту студию, в которой вы находитесь и за которую я буду расплачиваться до гробовой доски. Но я не хочу об этом думать. Я работаю. Когда-то в юности я получил возможность поехать в Европу, многое видел, учился в Италии, во Франции. Я работал тогда за похлебку. Сейчас я счастлив: у меня есть возможность целый день быть здесь, с глиной, с гипсом, со своими мыслями. Сейчас нам стало легче. Две мои работы сейчас на Брюссельской выставке. При Пероне они были конфискованы. У меня много учеников. Правда, мне долгое время не разрешали преподавать в училищах, считали, что я коммунист, хотя я и не коммунист. Но просто потому, что я верен своей идее...— И Фальчини снова посмотрел на голубя.— Из-за этой идеи меня и отлучали от общения с учениками. Правда, они и раньше бывали и сейчас бывают, вот как Леа Люблин.— И он указал на молодую женщину, молча слушавшую нашу беседу.

Мы спросили молодую художницу:

— Как вы относитесь к абстрактной живописи?

Она пожала плечами:

— Никак.

— Вы понимаете ее или нет?

— Я ее могу понять, но я ее не принимаю.

— Почему?

— По своей идеологической убежденности,— сказала даже несколько строго Леа.

Это было очень хорошо и точно сказано и как-то соответствовало тому, что мы видели в студии Луиса Фальчини, соответствовало строгому и простому облику скульптора.

В синей трикотажной рубашке, в простых серых брючках, Фальчини был полной противоположностью распространенному представлению об «артистических натурах».

Фальчини и Леа вышли нас провожать.

— А это что за скульптура? — спросили мы, указывая на фигуру женщины, поставленную у порога дома.

— Памятник моей матери. Он стоял на ее могиле. При Пероне было приказано убрать памятник с кладбища. Если бы я ослушался, он был бы уничтожен. Тогда я перенес его сюда. Душа матери охраняет мой дом.

Жизнь Мариа Роса Оливер

На приеме в советском посольстве мы увидели сидящую в коляске маленькую женщину с серебристо-черной головой. У нее было красивое, знакомое по портретам лицо. Она сидела в стороне, много курила, небрежным жестом стряхивая пепел с сигареты. Около нее всегда были люди, внимательно ее слушавшие. Когда нас представили ей, она встретила нас как старых знакомых и сказала:

— Очень хорошо, что вы приехали... Но самое замечательное, что эти поездки стали возможными.

Вместе с Алексеем Аджубеем мы попросили у Мариа Роса Оливер согласия уделить нам некоторое время для того, чтобы мы могли записать рассказ о ее жизни.

Утром мы отправились на улицу Гидо. Лифт поднял нас на третий этаж. На звонок вышла женщина с широким смуглым лицом и пригласила в большой светлый кабинет, сплошь уставленный книжными полками. На одной из стен висел вышитый шелком портрет Ленина, под ним была надпись: «Борцу за мир Мариа Роса Оливер от детей детского дома № 3 Пермской области».

Мы рассматривали портрет, когда в комнате появилась Мариа Роса Оливер.

— Ленинцев сейчас на свете значительно больше, чем думают,— сказала она.

Мы присели к маленькому круглому столу.

— О, вы знаете, это тяжелый труд — рассказывать о самой себе. Давайте немножко соберемся с мыслями. Я очень довольна,— сказала она,— что для вручения мне медали лауреата Ленинской премии приедет Борис Полевой, автор «Повести о настоящем человеке»...

Перечитывая в Москве записи, сделанные мною, я долго думал, как передать то, что было рассказано Мариа Роса Оливер о ее жизни, и решил воспроизвести все это так, как было записано в тот день, когда мы были у нее в доме.

— Моя мать — аргентинка, отец — из католической испанской семьи. Родилась я в Буэнос-Айресе,— начала рассказ Роса Оливер.— В сентябре этого года мне будет шестьдесят лет. Но, откровенно вам скажу, чувствую я себя тридцатилетней... В годы моего детства Буэнос-Айрес только начинал становиться настоящей столицей. Но уже были большие дома. Я родилась в одном из таких. В этом доме одних спален было около пятидесяти. Дом принадлежал моему деду по материнской линии. У деда было восемь детей, моя мать была самой старшей. Она жива и сейчас, ей восемьдесят пять лет. Когда-то она была очень хрупкой. В памяти осталось, что она всегда носила меня на руках. Она была богатой, но в отличие от многих богатых не была жадной и сварливой. Она сама стирала и убирала комнаты, приучала детей к труду. Все, что я видела в детстве в нашем доме, я хорошо запомнила и очень хорошо знаю, что если я и добилась чего-либо в жизни, то во многом обязана своей матери.

Я хочу отметить еще один момент из биографической канвы моей жизни. Моя мама была какой-то далекой родственницей нашего национального героя генерала Сан-Мартина. Она рассказывала такую историю. Когда Сан-Мартин женился, знакомые и друзья принесли его молодой жене туфли из очень дорогой кожи. Сан-Мартин вернул друзьям туфли и сказал:

— Жене солдата не пристало ходить в таких туфельках...

Когда-то мой отец, будучи еще молодым адвокатом, сказал:

— Если когда-либо я стану министром, я не допущу, чтобы в нашей стране хозяйничали иностранные компании .

...Открылась дверь, и в комнату вошла седая женщина с широким лицом. В руках она держала портрет. Оливер сказала, указывая на вошедшую:

— Я хочу вас познакомить с моим другом жизни, с Пепой. Мы так все ее зовем. У нее, правда, есть другое имя, Хосефа Фрейре, но все мои друзья знают ее как Пепу. Правда?

Пепа улыбнулась:

— Правда, конечно, правда! — И перевернула рамку.

С портрета смотрела на нас Мариа Роса Оливер.

— О, кто же это так хорошо нарисовал?

— Это мой самый любимый портрет. Когда я была в Советском Союзе, я ездила в Ленинград. Ленинградский художник Владимир Соколов нарисовал меня. На сессии Всемирного Совета Мира в Коломбо ваша делегация подарила портрет мне.

Пепа подошла к стене, примерила портрет к ней и спросила:

— Как, хорошо здесь будет? — И сама себе ответила: — Нет, пожалуй, слева будет лучше.

— Соколов не успел сделать копию, и, как мне сказали, он отдавал портрет с болью в сердце. Портрет был напечатан в ленинградском журнале «Нева».

Повесив портрет, Пепа ушла так же неслышно, как и вошла.

— Как и все испанцы, она очень анархична,— сказала вслед ей Оливер.— Мы с ней живем уже двадцать пять лет. Самые большие дискуссии у меня были с Пепой. На эти дискуссии я потратила, пожалуй, больше времени, чем на разговоры со всеми остальными женщинами мира. Пепа была раньше абсолютно аполитичным человеком. Но после того как побывала в Москве, она стала другой, стала политиком. А когда побывала в Мавзолее Ленина и Сталина, она расплакалась и долго не могла успокоиться. Да,— задумчиво проговорила Оливер,— у меня много друзей в мире, но Пепа — один из самых близких для меня людей...

Когда мне было шесть лет, меня разбил детский паралич. Первая атака была страшна. Я была парализована вся, до шеи. Потом паралич отпустил немного, сейчас у меня не действуют ноги и спина. Вы сами можете понять, какая это была трагедия в нашей семье. Родители решили вылечить меня во что бы то ни стало. Они повезли меня в Европу. Я была маленькой и еще не отдавала себе отчета в том трагическом положении, в какое попала. Больше того, я даже радовалась, что имела возможность много лежать и читать.

Я очень полюбила книги с того момента, когда начала буквы складывать в слова. Желая как-то развлечь, родители возили меня в Париж, Милан, Берлин. Я рано узнала театр. Жизнью на сцене родители хотели восполнить для меня действительность. Мои младшие сестры протестовали. Как все дети, они были эгоистичны и говорили, что моя мать слишком много уделяет мне внимания и времени. Мать отвечала им:

— Девочки, вам еще предстоит в жизни много путешествовать, а Мари уже никогда не вернется в Европу.

Родители брали меня с собой всюду. Отец очень интересовался живописью, и я вместе с ним побывала во всех картинных галереях Европы. Мы жили в Европе до 1910 года. Я многое видела там, много наблюдала и очень многое запомнила. Я совсем не знала французского языка, но там же, в Париже, начала учить язык и стала читать по-французски.

Так же, как и отец, я очень полюбила живопись... И — странное дело для девочки, которая находилась в моем состоянии,— я очень полюбила авиацию! В 1910 году над Парижем я впервые увидела аэроплан. Я была потрясена, и все, что было связано с авиацией: книги, рисунки, журналы,— все просила покупать для меня.

Детство и юность мои прошли,— у Росы Оливер залучились глаза,— в любви и привязанности к знаменитым летчикам.

В 1914 году произошло первое знакомство с русским балетом. До этого я видела вашу Павлову, но в 1914 году, когда я уже была подготовлена эстетически, русский балет потряс меня на всю жизнь. Это было что-то необыкновенное, чистое, волнующее, как сама поэзия.

Вы знаете, в жизни каждой девушки наступает очень сложный период. Это период, когда она ни о чем не думает и вся отдается одному чувству — чувству любви. У меня две сестры, я всегда с ними дружила. Они поверяли мне все свои горести и радости. Через своих сестер я знала, что это такое. Меня это успокаивало... Я как бы жила их жизнью, отдавала им какую-то часть своего сердца.

Мариа снова улыбнулась, на этот раз немного застенчиво:

— Теперь я уже могу сказать, что когда-то я была очень красивой. Теперь я смотрю на это со стороны, со своих почти что шестидесяти лет, но тогда, в те годы, было все для меня не просто. Мне пришлось смириться и всю свою энергию обратить на чтение и на образование.

Однажды пришел отец и сказал довольным голосом:

— В России пал царизм!

Для меня тогда эти слова еще не были очень значительными, но я их запомнила. Я запомнила и то, что мой дед и отец никогда не говорили ничего плохого о русской революции и Ленине.

Но как-то именно с этого года меня особенно стали привлекать революционные идеи и общественные вопросы, хотя, если говорить точнее, все это началось раньше. Я помню, в 1910 году один анархист в Буэнос-Айресе бросил бомбу. Вы можете меня спросить: куда, в кого он целил? Я не знаю. Просто в сборище людей. Он потом сказал на суде: «Я бросил бомбу в современное общество». Я это запомнила. А в 1914 году в театре «Колонн», в этом старом театре, построенном в испанском, или, как принято у нас говорить, колониальном стиле, я была на церемонии вручения премий бедным женщинам. Тогда существовала Ассоциация женщин «высшего общества». На сцене сидели разряженные женщины в шелках и в золоте, а в зале находились женщины в стоптанных башмаках. Я не помню имен всех тех, кто получал эти премии. Предположим, премию получила Мариа Гонсалес. Ее премировали за добродетель. Она имела 10 детей, больного туберкулезом мужа и награждалась за долготерпение и непротивление злу премией в 100 песо.

Мариа Роса Оливер. Фото автора.

Или вызывалась какая-нибудь Роса Фернандес, которая ухаживала за своими больными родителями. Эта девушка в ситцевом платье также получала премию в 100 песо.

Мне было тогда 16 лет, я уже немного знала жизнь и знала этих дам в золотых кольцах и ожерельях. Вся их грязная жизнь была мне известна. На меня вся эта церемония произвела жуткое впечатление. Вернувшись домой, я сказала родителям:

— Вот в кого надо было бросать бомбу.

Я и сейчас об этом думаю и хочу об этом написать. Вы понимаете меня? — спросила нас Оливер.

—34 года тому назад, — продолжала она,— в январский вечер ко мне подошел отец с газетой и сказал печальным голосом:

УНИЧТОЖИМ УГРОЗУ!
Гравюра Анны Бриз.

— Вчера умер один из самых выдающихся, если не самый выдающийся человек. — И он показал мне портрет Владимира Ильича Ленина.

Этот момент остался прочно в моей памяти, ибо он был одним из самых последних воспоминаний о моем отце. Вместе с тем он приобщил меня к изучению творчества Ленина, великого человека, великого своими трудами, великого своими действиями и своей ролью в истории.

Снова в комнату неслышно вошла Пепа.

— Вы уже совсем устали,— сказала она, неся в руках чайник, прикрытый русской матерчатой «матрешкой».— Выпейте по чашке чая... пожалюста,— сказала она по-русски.

— Пожалуйста,— начали мы учить Пепу.

Пепа взяла карандаш и, записывая слоги, произнесла:

— По-жа-лу-ста...

— Я очень люблю природу, зелень, луга, озера. Я люблю плавать,— рассказывала Оливер.— Я надеюсь, что теперь мне удастся где-нибудь купить маленький домик у воды. Вы обратили внимание на дерево, ствол у которого раздут наверху? Правда, странное дерево? Называется оно у нас «пьяный ствол». Оно впитывает воду и раздувается, принимая форму бутылки...

У нас очень богатая природа, здесь прививаются самые разные растения, даже такие, как драконово семя, которое я видела в Китае и в Дели. Но, к сожалению, березок у нас нет.

Когда я через Украину ехала с Венского конгресса в Москву, мне очень понравились березовые рощи. Вообще человек должен знать свою природу и любить ее. У нас же многие люди ходят и не знают, что их окружает.

Большую роль в моей жизни сыграл писатель Хадсон. Он родился в пампе, воспитывался вместе с гаучо, очень увлекался птицами. Он написал книгу «Птицы пампы». Когда ему был тридцать один год, он уехал в Англию. Это был трагический год в его жизни. Он написал хорошую книгу о гражданской войне в Парагвае — «Давно и далеко отсюда». Он писал ее в конце жизни, будучи уже больным и старым, вспоминая свое детство и юность, проведенные в пампе. У нас есть цветок, он называется «цветком доброй ночи». У него удивительно красивый и нежный запах. Когда Хадсон уезжал из Аргентины, он взял этот цветок с собой и, умирая, просил, чтобы этот цветок положили ему в гроб.

Когда я познакомилась с книгами Хадсона, они произвели на меня такое же впечатление, какое пампа произвела на Хадсона. Если можно так сказать, я полюбила Аргентину, почти не выходя из дома... И, что очень важно, я отходила от идей космополитизма, которые не были мне чужды благодаря чтению различных книг, отходила от этих идей именно через возросшую любовь к людям нашей страны и родной природе. Я поняла, что мир, страна состоит из очень простых вещей: травы, птицы, растения, цветы, звери... Я поняла, что природа окружает людей, живущих в моей стране. Когда мне было 30 лет, я первый раз решила писать. Я познакомилась с многими аргентинскими писателями. Начала сочинять статьи о современной аргентинской литературе. Скажу честно, мне не были чужды и формалистические заблуждения. Мои статьи были излишне цветисты, мне хотелось писать все каким-то особым, изысканным слогом. Пожалуй, первый человек, который направил меня на более верную дорогу, поближе к жизни, был Рикардо Гуиральдес. У него очень известная книга — «Дон Сегундо Сомбра». Она, кажется, переведена на русский язык... Это книга о тяжелой жизни аргентинских гаучо. Она романтична и вместе с тем проникнута большой любовью к простому человеку. Именно он был тем человеком, который и критиковал и вместе с тем поддерживал мои статьи.

В эти годы началась моя активная общественная жизнь. Именно тогда я впервые почувствовала, что должна обязательно посетить Советский Союз. Это стало моим самым большим желанием, я заявила об этом во всеуслышание. В 1930 году у нас был большой экономический кризис. Мать сдала наш дом жильцам. Вся семья переехала в предместье Буэнос-Айреса. Если мыслить литературными ассоциациями, это несколько похоже на «Вишневый сад». Такие же переживания. Дом этот и сейчас цел, но он уже не наш, его давно по частям продали. Я всегда, всю первую половину моей жизни переживала как трагедию обеспеченность моей семьи и бедноту народа. Я всегда видела два полюса — бедных и богатых... Но мне все-таки было больно смотреть, как вырывают с корнями деревья возле нашего бывшего дома.

Четыре года, которые я прожила в предместье Буэнос-Айреса, не пропали для меня даром. В это время появились новые, молодые писатели. Они говорили мне о том, что мир надо изменить таким образом, чтобы в нем не было богатых и бедных. И они говорили это не только в теоретическом плане, но и в практическом и приводили в пример Советский Союз. С их помощью я начала изучать марксизм. Изучение марксизма дало мне силы и уверенность в том, что это — правое дело.

Через четыре года я получила возможность вернуться в Буэнос-Айрес. И я поняла, что меня не интересует литература ради литературы и форма ради формы. Я все больше втягивалась в общественную жизнь и не могла уже относиться спокойно к некоторым вопросам. В это время страна обсуждала реформу нашей конституции. Консерваторы хотели отнять у женщин право голоса, хотели отнять у женщин право работать без разрешения мужа.

Тогда был создан Аргентинский союз женщин, который требовал предоставления женщинам права голоса. Меня избрали вице-президентом этого союза. Мы требовали предоставления прав женщинам-одиночкам, требовали изменения законодательства о труде. Эти требования вызывали нападки со стороны католической церкви. На меня нападали, но это не производило на меня большого впечатления. Я должна вам сказать, что католицизм у нас в Аргентине довольно своеобразный. В этом отношении одна семья похожа на другую: в воскресенье мужчины ходят в церковь, а женщины сидят дома. Я сама не религиозный человек, но уважаю религиозные чувства людей. Вместе с тем я знаю, что католическим священникам не всегда нравится, когда им напоминают слова евангелия: «Легче верблюду пролезть через игольное ушко, чем богатому попасть на небо».

Когда начались события в Испании — особенно в это время,— я поняла, к какой стороне я принадлежу. События в Испании были как бы водоразделом, который определял отношение людей к политике.— Мария Роса Оливер закрывает глаза и, словно вспоминая что-то, говорит: — Страшное впечатление на меня произвел расстрел испанского поэта Гарсиа Лорки. За два года до этого он был в Аргентине... И мы тогда очень с ним подружились.

События в Испании нас мобилизовали. Мы собирали и посылали республиканцам еду, одежду, медикаменты. Писали письма и статьи. Но в эти дни не только мы заняли активную позицию, — фашизм в нашей стране тоже поднял голову. Моя семья стала получать анонимные письма, в которых я объявлялась «красной».

Мать моя — очень религиозный человек; когда она ходила в церковь, ей говорили, что ее дочь принадлежит к красным, которые уничтожают религию... Однажды мать, которая была всегда очень сдержанным человеком, упрекнула меня. И я вынуждена была резко ответить, что давно вышла из детского возраста и буду поступать так, как считаю нужным.

Обстановка в семье осложнилась. За столом меня укоряли в поддержке борьбы революционной Испании. В те дни я посетила посла республиканской Испании, католика, очень верующего человека. Я ему сказала, какие обстоятельства сложились у меня в семье. Посол ответил:

— Почему вы не пришли раньше? Я бы вам помог.

Во время нашего разговора присутствовал священник из той церкви, в которой всегда молилась мать. Он слышал наш разговор и сказал, что также поддерживает республиканскую Испанию.

— А знаешь, что я с твоим священником нахожусь в одном лагере? — сказала я однажды матери.

— Знаю,— ответила она и опустила глаза.

— Скажи, беседовала ли ты с ним когда-нибудь о политике и обо мне?

— О политике не беседовала, но сказала, что меня все упрекают в том, что дочь моя — коммунистка.

— Что же он тебе ответил?

— Он мудрый человек, он ответил, что если все будут христианами, то все будут коммунистами.

— А что ты думаешь по этому вопросу?

— Я ничего не думаю. Я не могу спорить со священником.

— Между христианским и коммунистическим учениями есть некоторая разница,— сказала я матери.— Христианство говорит, что все будут хорошо жить на небе, а коммунисты борются за то, чтобы всем людям хорошо жилось на земле.

В этом же году мы создали комитет, который добивался, чтобы все беженцы из Испании были допущены в Аргентину. Это было нелегко, но мы все-таки добились. Сейчас в нашей стране жи-

вут замечательные ученые, такие прекрасные поэты, как Рафаэль Альберти, драматург Алехандро Касона, пьеса которого «Деревья умирают стоя» как будто широко идет у вас в стране...

Оливер остановилась. Мы взглянули на часы. Беседа продолжалась уже около четырех часов.

— Вы устали?

— Нет, но всегда, когда перебираешь страницы своей жизни, волнуешься. Я хочу вам рассказать все.

22 июня 1941 года моя мать вбежала в комнату и закричала:

— Гитлер напал на Россию!

Я не могла сдержаться и воскликнула:

— Господи, помоги русским победить Гитлера!

В этот же день, за тем же столиком, за которым мы сегодня с вами сидим, мы написали Обращение к народу Аргентины о помощи Советскому Союзу. Мы собирали пожертвования, подарки. Все взносы, подарки отмечали буквой «В»: синей буквой — те, кто хотел помочь Англии, белой — Франции, красной — Советскому Союзу. Все точно выполнялось: кто какую букву ставил, в те страны и посылалось. Надо ли мне вам говорить о том, что подарков с красной буквой «В» было вдвое больше, чем остальных?

Во время войны у нас поднялось влияние нацистов, не только у нас в Аргентине, а и во многих странах Латинской Америки. Для того, чтобы преодолеть нацистское влияние, Рузвельт пригласил к себе различных прогрессивных деятелей Латинской Америки. В июле 1942 года я была в Вашингтоне. До этого в Бразилии, в Рио-де-Жанейро, там познакомилась со многими писателями и почувствовала единство латиноамериканских народов. Но когда я была в Вашингтоне, то убедилась в том, что если Рузвельт действительно хотел победить Гитлера, то многие из людей, которые его тогда окружали, думали только о том, как сохранить капитализм.

Я видела многое в Соединенных Штатах Америки и должна сказать, что мне многое там нравится. Я была восхищена женщинами-работницами, которые, несмотря на тяжелую работу, хорошо смотрят за домом, у них всегда в комнатах чисто и уютно. Мне понравился Нью-Йорк — город, который я очень люблю и в котором у меня много друзей. И в то же время я видела в Соединенных Штатах то, чего не могла никогда простить и не могла никогда принять. Это расовая дискриминация. Дискриминация негров в Соединенных Штатах не давала мне покоя. Находясь там, я стала добиваться дружбы с неграми. Первое мое публичное выступление в Штатах было в негритянском университете. Новый, 1943 год я встречала в негритянской семье. На завтраке в высоком учреждении мне представили очень влиятельного чиновника. У нас была глубокая философская беседа о послевоенных судьбах мира. Этот чиновник сказал, что мир после войны станет лучше.

— Даже в капиталистических странах? — спросила я его.

Он сказал:

— Даже в них.

— Вряд ли это возможно до тех пор, пока не исчезнет расовая дискриминация. У нас, в Латинской Америке, ее нет, а у вас она всюду.

Тогда этот человек, с которым мы только что дружески разговаривали на всякие философские темы, подозрительно посмотрел на меня и спросил:

— Вы, вероятно, коммунистка?

Так я убедилась, что в Соединенных Штатах Америки даже среди культурных людей сильно развит дух расизма.

Я видела там громадную разницу между богатыми и бедными. Противоречия Севера и Юга до сих пор не сняты. Там не хватает университетов, у профессуры нет широких горизонтов.

Я вернулась в Аргентину настолько антикапиталистически и антиимпериалистически настроенной, что если бы даже я потом не побывала в социалистических странах, то была бы самым активным их сторонником и защитником. Именно там, в Соединенных Штатах Америки, я увидела, что в период самых добрососедских отношений некоторые государственные деятели вели двойную политику по отношению к Советскому Союзу.

В комнату снова вошла Пепа. На этот раз в руках у нее была коробка шоколадных конфет. Она вошла и сказала по-русски:

— Как поживаете?

— Мы скоро заканчиваем, Пепа,— сказала Оливер, закуривая сигарету.

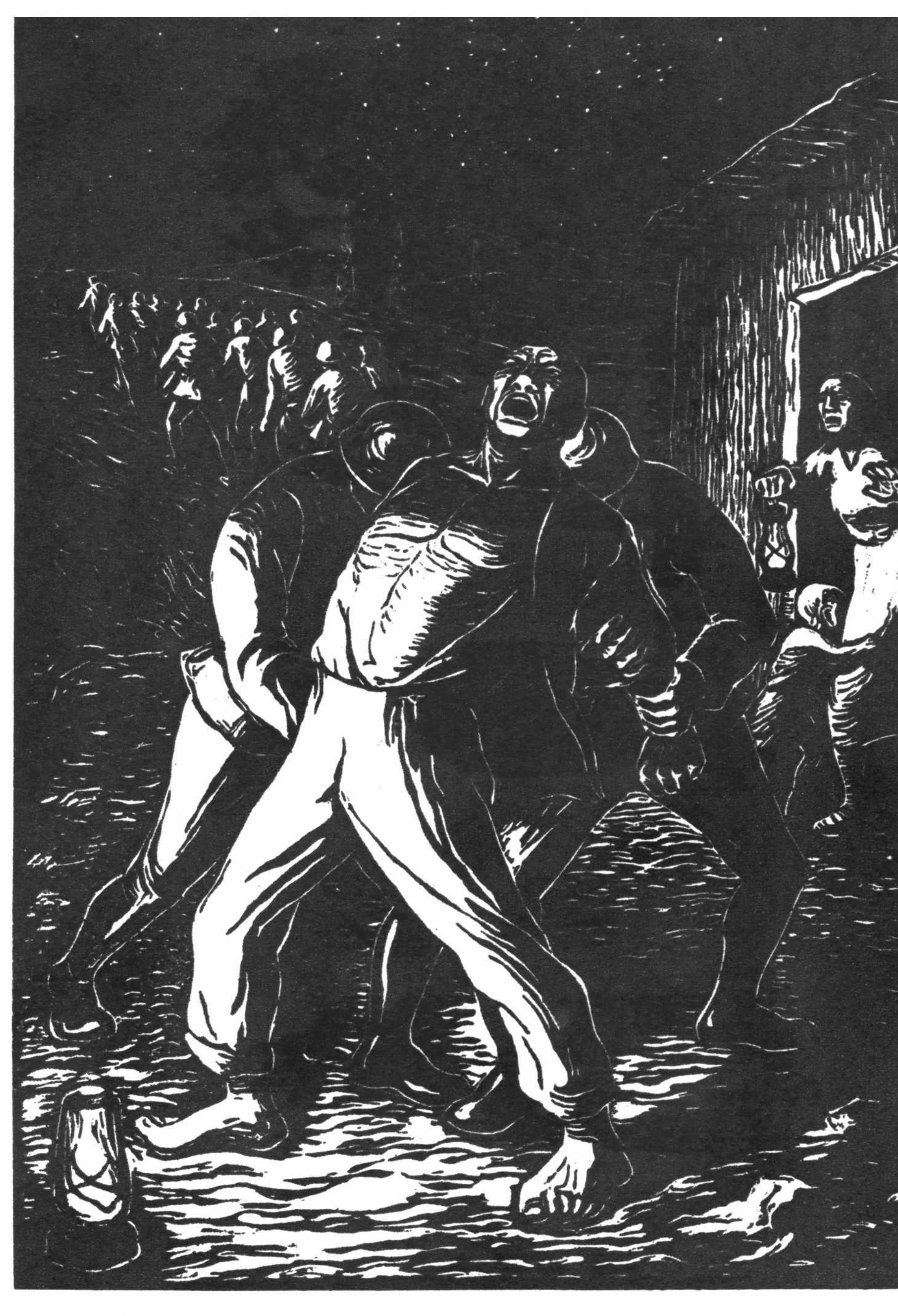
Мне снова довелось побывать в Соединенных Штатах уже после смерти Рузвельта и после прихода к власти у нас Перона. Меня пригласили для чтения лекций о латиноамериканской литературе. Это совпало с выступлением Черчилля, когда он впервые изрек формулу о «железном занавесе».

В Соединенных Штатах тогда резко изменилась обстановка. Все газеты начали кричать о войне. Если раньше меня там спрашивали о том, много ли в Аргентине фашистов, то сейчас главным вопросом было: много ли у вас коммунистов?

Когда я вернулась в Аргентину и рассказала о том, что видела в Северной Америке, меня стали называть врагом Соединенных Штатов.— Оливер, откинулась на спинку кресла.— Что же было потом? Мы организовали ассоциацию «Друзья мира», она явилась основой движения сторонников мира в Аргентине. Я была в Варшаве, была в Вене, была в Советском Союзе, Китае...

Аргентинское движение сторонников мира было первым, которое сообщило народу о намерении Перона передать Соединенным Штатам Америки часть Патагонии, богатой нефтью. Эти районы очень нефтеносны, но не разработаны. Мы поняли этот маневр. Соединенные Штаты построили бы там аэродромы, создали бы военные базы. А зачем нам в Аргентине — на юге или на севере, где угодно, — иностранные военные базы? Но мы знали, почему это происходило. Одна бомба, которая упадет на Панамский канал, если случится война, заставит американцев вести корабли мимо Огненной Земли.

Иногда я вспоминаю слова моей матери, сказанные моим сестрам, когда я была маленькой: «Ей не придется ездить». Сейчас я думаю: как все бывает в жизни не так, как предполагается в детстве. Я объездила почти весь мир, а мои сестры, к сожалению, почти никуда не выезжали.

ЗАБРАЛИ КОРМИЛЬЦА.
Гравюра Анны Бриз.

Я очень люблю литературу. Шесть лет назад начала писать роман. Но у меня даже нет еще названия. Мне хочется в романе показать девушку, ее переживания, ее друзей. Война в Испании должна быть в романе. Но главное, провести мысль, что единственное счастье в жизни — это солидарность людей. Когда все это я напишу, не знаю: у меня очень много дел...

Мы взглянули на часы: шел шестой час нашей беседы с Мариа Роса Оливер.

И, словно прислушиваясь за дверями, в комнату вошла улыбающаяся Пепа. Она несла горячие сосиски и маленькие бокальчики красного аргентинского вина...

Чао

Вот и настал день нашего отъезда из Аргентины, из страны, о которой мы так мало знали и в которой теперь оставалось у нас много хороших друзей. Конечно, не в полной мере и не со всеми тонкостями узнали мы жизнь аргентинского народа, но, улетая в Уругвай, мы увозили самые добрые чувства и воспоминания об Аргентине. И невольно, еще в самолете, ложились на страницы записной книжки стихотворные строки:

Вот уже и пора говорить нам
прощальное слово,
Вдоволь нас потрясло и в горах
покачало;
Руку дайте, друзья, мы
увидимся снова!
— Чао, амигос, чао! *

Как забыть вновь открытые
нами картины,
Снежных гор в синеве силуэт
величавый?
Как забыть нам веселый народ
Аргентины?!
— Чао, амигос, чао!

Трепетали закаты, как пестрые
ленты,
Проплывали сады и речные
причалы.
Не забыть нам места,
что взрастил Сармиенто...
— Чао, амигос, чао!

Мы запомним тебя, земля
Аргентины,
Ты, как песня, на струнах
сердец зазвучала!
До свиданья, друзья!
До свиданья, сыны
Сан-Мартина!
— Чао, амигос, чао!

* Пока (до встречи), друзья!

Разгрузка рыбачьего мотобота.

СТРАНА ДОБРЫХ ДРУЗЕЙ

На Варненском судостроительном и судоремонтном заводе имени Г. Димитрова.

Николай КРУЖКОВ

Фото Б. КУЗЬМИНА.

Специальные корреспонденты «Огонька»

Тысяча орлиных гнезд и Золотые пески

Вообразите себе тысячу орлиных гнезд, усеявших скалы. Гнезда лепятся одно к одному, и кажется удивительным, как это до сих пор они не свалились в реку Янтру, протекающую глубоко внизу, в окружении извилистых берегов. Но скалы эти созданы природой на диво, и вот уже добрую тысячу лет стоит древний болгарский город Тырново на скалистых уступах.

Город этот полон очаровательной красоты. Он невелик, но в его узких улицах, то взбирающихся на непостижимую крутизну, то убегающих вниз, в его Янтре, которая бывает и голубой, и зеленой, и розовой, в его холмах, возникающих подобно крепостям, в его красноречивой старине, следы которой встречаются всюду, столько заключено прелести, что, однажды побывав в Тырнове, вы запомните его навсегда. Он будет грезиться вам во сне, никогда вы не окажетесь в состоянии отделаться от тырновских впечатлений.

Окончание. См. «Огонек» № 34.

Тырново пленит вас совершенно неповторимым своеобразием: другого такого города наверняка не найдешь на свете. Как он хорош, весь залитый солнцем, когда Янтра в своих струях покорно отражает его дома, мосты и сады и когда кажется, что в воде зародился и живет другой, призрачный, сказочный город, словно нарисованный на театральном занавесе! Он хорош и вечером, когда тысячами огней убегает в темные горы, создавая впечатление, будто какой-то великан пригоршнями разбросал светлячков в самом причудливом беспорядке. На его улицах можно увидеть и современные машины, с трудом пробирающиеся среди тесноты, и маленьких осликов, на которых сидят дюжие крестьяне, приехавшие на рынок, и старинные коляски, запряженные лошадьми с непременными красными помпонами у челки. Впрочем, некоторые улицы доступны только пешеходам, столь они тесны.

Одна из таких улиц, носящая имя генерала Гурко — когда-то она была главной улицей и по ней вступили в город русские войска,— сейчас тихо дремлет под сенью своих домов, у которых второй этаж всегда шире первого. Так и представляешь себе юношу с гитарой внизу, а молодую девицу — на террасе второго этажа, внимающую романсу. Но такой сцены, прямо надо сказать, мы не увидели. На лирических террасах сушилось белье, вдоль улицы, прыгая по камням, играли в мяч девчонки и мальчишки, а у дверей одного из домов сидел почтенный старец и щурился на солнце. Девочка по имени Маргарита спросила нас, откуда мы, и, узнав, что из Москвы, заметила: «Знаю, это вблизи Советского Союза». А старик, оказавшийся ветераном нескольких войн и доблестным в прошлом юнаком, отрекомендовался: «Я Цанко Харламбиев» — и с готовностью показал нам рубцы от старых ран: «Это Люле-Бургас, а это Одрин».

Мы ушли, старик задремал, дети продолжали прерванную игру в мяч, солнце, яркое болгарское солнце, обшаривало своими лучами тихую тенистую улицу, где дома падают в объятия друг другу...

Зато вечером мы были вознаграждены необычайным многолюдьем на главной улице, более широкой, чем все остальные. Все красавицы и все элегантные молодые люди города были там, все отцы и матери семейств со всем своим способным передвигаться потомством! Не отставали от них и люди совсем уж почтенного возраста, согбенные годами. Что уже это тут происходит? Может быть, какая-нибудь манифестация?

Нет, это обыкновенное для этих мест «стыргало»: люди гуляют, «стругают» подошвами о тротуар — отсюда и такое, не лишенное остроумия название. Каждый житель почитает своим долгом в летний вечер, когда горячее солнце несколько умерит свой пыл, выйти на улицу, себя показать и людей посмотреть. К тому же тут и кинотеатры, и обязательные сладкарницы, и кафе со столиками на тротуаре.

Тырновское «стыргало» запомнилось нам особенно потому, что проходило оно при поэтичных отблесках заката, в городе, каждая черта которого самобытна и неповторима. Террасы улиц уходили ввысь, сумрак медленно окутывал их, внизу журчала Янтра, загорались огни, говор толп постепенно стихал.

Мир тесен! В Тырнове мы познакомились с редактором местной газеты «Борба» Христо Консуловым, и оказалось, что он бывал в Союзе, ездил в Иркутск и знает многих моих иркутских друзей. Мы набросились друг на друга с расспросами.

На холме Царевец, где сейчас археологи раскапывают остатки дворца болгарских царей, откуда видна башня, где был заточен злосчастный Балдуин, император недолговечной Латинской империи, мы вели беседу о Восточной Сибири, о Байкале и укрощенной Ангаре. В разговор этот то и дело вмешивалось полдневное болгарское солнце — сибирская тема беседы явно не устраивала его,— и нам приходилось прятаться в тень.

Так не хотелось покидать Тырново, в который мы все решительно влюбились, но путь наш лежал дальше, к Черному морю, в город Варну.

...И снова побежала дорога по горам и долинам. Горы становились все более пологими, долины расширялись, ветер с востока доносил до нас запахи соли и йода.

Вблизи Варны мы увидели зрелище необычное — каменный лес. Деревья умерли стоя? Но каменные столбы не были деревьями. Балканские и морские ветры в своем постоянном состязании разрушили скалы, весенние и осенние потоки довершили их работу, и вот на большом протяжении стали в строй окаменевшие великаны, и кажется, будто готовятся они к грозному штурму.

Варна встретила нас шумным и веселым многолюдьем улиц. Наступил вечерний час, варненское «стыргало» было в разгаре.

Море дышало медленно и глубоко. Над портом тучей вились чайки. Боже, какие это нахальные и настырные птицы! Вечно у них какие-то драки, склоки, возня. Гвалт, поднимаемый ими, напоминает базар, где все кричат, торгуются, зазывают покупателей. Нет, право, чайка не заслуживает посвященных ей нежных романсов!

А море, как всегда, было прекрасно. В шумном порту стояло несколько иностранных пароходов, от пассажирских причалов отваливали катера, наполненные оживленным, веселым народом. В отдалении в солидном порядке серыми коробками виднелись болгарские военные корабли. Болгарский флот невелик, но приятно было видеть на варненских улицах подтянутых, щеголеватых болгарских моряков с развевающимися лентами на бескозырках: на Черном море есть у нас боевой славный брат!

Варна — морские ворота Болгарии, здесь все связано с морем. Самое большое предприятие города — судостроительный и судоремонтный завод имени Георгия Димитрова. Раньше, до народной власти, варненский завод строил только маленькие суда для прибрежного плавания, теперь это — вполне современное большое предприятие, способное выполнять крупные заказы. Мы видели ремонтируемые и строящиеся суда в 3 200—4 200 тонн водоизмещения. Вокруг завода высятся кварталы новых красивых домов, построенных в последние годы, завод ширится, число его рабочих растет.

Оживленная, шумная портовая Варна незаметно переходит в город-сад, город-курорт, заканчивающийся знаменитыми Золотыми песками.

Уже сейчас на Золотых песках восемь первоклассных отелей, а всего их будет двадцать пять. Это настоящие отели-дворцы, в которых отдыхающий найдет все удобства и самое лучшее обслуживание. Несомненно, Варне и Золотым пескам предстоит будущность курорта мирового значения.

Мягкие, нежные, поистине золотые пески делают варненские пляжи восхитительными. Красивые, то скалистые, то пологие берега, поросшие лесом, создают ландшафт, радующий глаз. Отели стоят в окружении парков, полных цветов. Море здесь ласковое, теплое, воды его прогреты солнцем. Хотя горы остались позади, но временами с далеких Балкан доходят и сюда струи живительной прохлады.

Мы были здесь в начале купального сезона, но на пляжах и в парках уже кипело великое смешение племен и лиц. Немцы, венгры, чехи, поляки, французы приехали сюда погреться на южном солнце, насладиться чистым воздухом, морским купанием. Попадались и наши советские туристы. На пляже мы увидели группу молодежи, оживленную, беседовавшую между собой на севернoм окающем диалекте.

— Откуда, земляки?

— Вологодские...

Эк, куда вас занесло из вашей милой старинной Вологды — столицы лесного края!

По вечерам курортные рестораны полны разноплеменным народом, на столиках флажки разных наций, танцплощадки с трудом вмещают всех желающих танцевать.

Старый официант, оказавшийся русским эмигрантом, принял нас с чрезвычайным усердием. Красный флажок мгновенно появился на нашем столике. Старик умиленно смотрел на нас и ахал:

— Ах, Москва, Арбат, Покровка!.. Хоть бы одним глазком увидеть их! Недавно по специальной просьбе сестра мне прислала из Мариуполя тарань. Прямо скажу: ел и плакал.

Над шумным курортом ярко вспыхнули балканские звезды, по аллеям парков гулял ласковый ветерок, вздохи моря покрывал гомон веселых человеческих толп. Где-то вдалеке подмигивал огонь-ком маяк. Южные цветы источали нежные запахи.

...Нет, быть Золотым пескам черноморским Биаррицем! Да, собственно, вся Болгария — сущий рай для туристов. Где вы еще найдете такое соединение цветущих долин и заброшенных высоко к небу гор, такие звонкоструйные

Болгарские школьницы Донка Кандрова, Милка Казанкина, Катя Кандрова.

реки, серебром переливающиеся в горных провалах, такое небо, синее и золотое! Хороша и уютна страна Болгария, приветлив и добр ее народ.

Город рыбаков, чаек и ласточек

— Наш город самый древний в Болгарии, ему 2 600 лет,— сказали нам в Созополе.

Мы с большим почтением отнеслись к Созополу — очаровательному городку южной Болгарии, взгромоздившемуся на прибрежные скалы, обрамляющие созопольский залив. Созопол — в переводе с греческого «Город спасения». Может быть, здесь и впрямь спасались эллины от всяких военных и морских напастей, отсиживаясь в бухте, с трех сторон закрытой для ветров. Может быть, аргонавты, отправившиеся в далекую Колхиду за золотым руном, встретившись с черноморскими бурями, нашли здесь короткий приют и отдохновение. А может быть и так, что эллины избрали это место для своего поселения, прельщенные его красотой: ведь первоначальное название города — Аполлония, в честь светлого и прекрасного бога солнца.

Нынешний Созопол — город рыбаков, чаек и ласточек. Из 4 тысяч жителей 3 тысячи связаны с морем. Лодки стоят у каждого двора, а каждый двор висит над морем, чудом прилепившись к крутому берегу. Улицы Созопола идут вкривь и вкось, то взбираясь на холмы, то падая вниз. Старинные деревянные дома, посеревшие от времени, кажутся насквозь обожженными черноморскими ветрами. Но они очень уютны внутри, и каждый чем-нибудь славится: резным деревянным потолком с замысловатым искусным узором, какой-нибудь необычайной дверью, сделанной сто лет назад, или, наконец, тем, что десятки ласточкиных гнезд украшают его карнизы. Мы видели в Созополе ласточкино гнездо в парикмахерской у потолка, существующее тридцать лет. Меняются хозяева парикмахерской, старятся и уходят на покой мастера, а ласточки продолжают каждую весну заселять свой домишко, устроенный в довольно шумном и беспокойном коммунальном заведении.

Рыба кормит город. Обычно ранним утром приходят рыбачьи сейнеры и мотоботы с дельфинного лова: ходят созопольские рыбаки за дельфином далеко, к самому Босфору, возвращаются с лова, опаленные солнцем и ветром. Зычные голоса их далеко раздаются в утренней тишине.

У причалов к приходу рыбачьих мотоботов всегда собираются жены, матери, ребятишки, сходится все рыболовецкое начальство, шумно и весело закипает работа, грузно шлепаются дельфиньи шкуры. Улов хорош, и заработок хорош!

В Созополе государственное рыбное хозяйство. Оно дает рыбакам все, что нужно для лова: мотоботы, снасти... Дело рыбака ловить, об остальном он может не думать. Каждый рыбак имеет гарантированный заработок. При удачном лове заработок этот возрастает во много раз. Удача рыбака — это результат его искусства, силы, выносливости, мужества. Да, мужества! Вовсе не так просто на небольших суденышках уходить в открытое, всегда капризное море, способное на всевозможные подвохи, вовсе не так просто найти добычу: дельфин хитер. В рыбацком промысле всегда есть риск, но этот риск и выковывает сильные характеры.

Восемьдесят процентов всей черноморской рыбы дает Болгарии Созопол. Ловят, конечно, не только дельфинов. Скумбрия, ставрида, карагез, камбала — желанная добыча рыбаков.

Дружно работают и береговые рыбацкие бригады. Хитро расставляются сети: легко попадая в них, рыба уйти в открытое море не может, ходит в заставах серебряными струями, ждет своего часа...

Мы приехали в гости к бригадиру Христо Дземеренову. Небольшой домик, где живут рыбаки, стоял у самого края обрыва. Кругом сушилась на веревках ставрида, развешанная гирляндами, рыбья чешуя шуршала под ногами, как песок. Христо и его бригадники встретили нас с ослепительным радушием. Загорелые, мужественные лица сияли улыбками, пожатия рук были так сильны, что слипались пальцы.

— Другари! Товарищи! — слова эти звучали в устах рыбаков с особым теплом.

Экий коренастый, здоровенный народ — рыбаки Христо Дземеренова! Каждому под пятьдесят или за пятьдесят, но сколько в них еще бодрости и той славной жизнерадостности, какая наполняет человека, постоянно общающегося с природой в своем труде. Тут же весело щебетали девчонки-школьницы, приехавшие навестить своих отцов и братьев: Донка Кандрова в важных темных очках, Катя Кандрова с точеным классическим профилем и кудрявая хохотушка Милка Казанкина. Они казались здесь, среди просоленных своих отцов и братьев, яркими цветами, занесенными невесть каким ветром.

— А ну, поднимать сети! — скомандовал старый Христо.

Вся бригада вместе с девчонками села в большую лодку, рыбаки весело заработали веслами, и через пять минут мы были у сетей. Море нехотя раскачивало лодку, зеленая волна то набегала на борт, то, как бы играя, сваливала нас вниз, в синий провал. Но рыбаки, выстроившись фронтом, дружно схватили сеть и, балансируя в лодке, как на качелях, потянули ее вверх. Каждый день выбирают рыбаки улов, и всегда это сопровождается веселым гомоном и радостными криками. Особенно звонко смеялись и пищали девчонки, хотя и они трудились изо всех сил. Серебром и золотом стекала ставрида в лодку, рыба трепетала и билась, переливаясь всеми волнующими красками моря. Христо Дземеренов великаном возвышался на корме, рядом с ним стоял Тодор Бахаров с головой, картинно повязанной платком,— вылитый корсар из романов Марриэта; закатное солнце освещало их довольные, улыбающиеся лица.

Через полчаса рыбаки угощали нас свежей рыбой; она горками лежала на деревянном столе, никаких ножей и вилок не было, все управлялись руками, но это было поистине великолепное пиршество. Шла неторопливая дружелюбная беседа на причудливо-смешанном болгарско-русском языке. Рыбаки рассказывали о своей работе, о том, что живут они теперь хорошо, многие построили новые дома, ребята, слава богу, учатся — кто здесь, в Созополе, а кто в Бургасе и в Софии.

Созопол облюбован не только чайками и ласточками. Тихий и поэтический городок этот любят художники, писатели и слетаются сюда, как пчелы на мед.

Здесь мы познакомились с писателем Павлом Вежиновым и кинорежиссером Захарием Жандовым. В Созополе проходят съемки картины «К дальним берегам» по сценарию Вежинова. Мы застали друзей в клубах дыма, горячо спорящими о названии будущей картины. Режиссер требовал названия громкого, пронзающего душу, писатель упорно отстаивал свои «берега». Наш приход прекратил «спор славян между собой».

— Завтра поедем на реку Ропотамо,— вскричал Жандов,— там будут происходить наши съемки. Вот где истинная поэзия! Сказка!

Но эту реку со столь звучным названием нам так и не довелось увидеть: рано утром нежданно-негаданно подул жестокий нордост, залив закипел белой пеной, по морю заходили гигантские волны, и о том, чтобы на маленьком катере добраться до «истинной поэзии», не могло быть и речи...

А рыбачьи мотоботы пришли и в шторм и, как ни в чем не бывало, стали под разгрузку.

В долине Марицы

Пловдив — второй по величине город Болгарии — на протяжении своей долгой жизни много раз менял свое имя. Эллины именовали его Эвмолпиада, македонцы — Филиппополь, фракийцы — Пулпудева, римляне — Тримонциум, турки — Филибе.

Пловдив — славяно-болгарское произношение фракийского названия.

Стоит город меж семи холмов, возвышающихся грозными бастионами, спокойно и медлительно несет через него свои воды Марица — самая большая река Болгарии, начинающаяся в горах буяном-ручейком, прыгающим с камня на камень. Город величав, древен, славен своими боевыми революционными традициями. Близко-близко зеленеют и синеют Родопы, оставляющие позади Балканы крутизной своих вершин, громадами горных цепей. Красив Пловдив, когда, взобравшись на холм Бунарджик, названный ныне Холмом Освободителей, вы увидите его как бы плывущим в широченной плодоносной долине Марицы. На холме возвышается гигантская фигура советского воина с развевающимся плащом, на фронтоне памятника надпись: «Слава непобедимой Советской Армии-освободительнице». Неподалеку от него памятник в честь русской гвардии, победоносно сражавшейся в январе 1878 года под Пловдивом. Понятно, почему старый Бунарджик назван теперь Холмом Освободителей.

В городе развита табачная, текстильная промышленность; многочисленный рабочий класс Пловдива всегда давал образцы революционного действия. На плохом счету был Пловдив у жандармов царя Бориса и у немецких оккупантов.

Рассказывали мне, как одному гитлеровскому полковнику показали с высокого холма рабочий пригород и сказали: «Его называют у нас Кучук-Париж (маленький Париж)». «Нет,— ответил, видимо, недурно осведомленный полковник,— это Kleine Moskau (маленькая Москва)».

«Кучук-Париж» состоит из десятка тихих улиц с небольшими домами, окруженными садиками. Но в тихие улицы эти боялись заходить в одиночку царские полицейские, зато партизаны, подпольщики чувствовали себя здесь как дома: и укроют и спрячут так, что никаких концов не найти. Здесь бесстрашно работала революционная молодежь. Отсюда шли пополнения и припасы партизанским отрядам, сражавшимся в горах. Здесь знают и помнят в качестве подпольных работников Антона Югова и Звездова, нынешнего секретаря Пловдивского окружкома.

Жандармерия схватывала одних, на их место становились другие. Около двух тысяч борцов погибло в открытых схватках и в царских застенках, но революционный пыл пловдивского пролетариата не ослабевал. «Кучук-Париж» всегда был тлеющим революционным костром, готовым каждую минуту вспыхнуть ярким пламенем. И он вспыхнул, когда грянул час борьбы за свободу.

Если посмотреть карту вооруженной освободительной борьбы болгарского народа в 1941—1944 годах, то вся Болгария предстанет перед нами в огненных молниях — ими обозначены действия партизанских отрядов, боровшихся против гитлеровских оккупантов и царской клики. Особенно много молний вокруг Пловдива.

Мы были в славном селе Батак, заброшенном в глубину Родопских гор. Здесь героически сражался отряд «Антон Иванов» — имени секретаря ЦК Болгарской Рабочей партии, расстрелянного фашистами в 1942 году. На упомянутой нами карте Батак отмечен знаком особого отличия. Многие из доблестных родопских партизан сложили головы за дело народа. Печальный список погибших мы видели в Батаке:

Георги Чолаков убит в 1944 году,
Никола Чолаков убит в 1944 году,
Тодор Коларов убит в 1944 году,
Ангел Чаушев убит в 1944 году,
Илья Чаушев убит в 1944 году...

А рядом с их прахом прах неукротимых батакцев, восставших против турок в 1876 году.

И всех их равно осеняет надпись «Българио, за тебе умреха!»

Новой, народной Болгарии рабочий Пловдив дал крупных деятелей во всех областях жизни: партийных руководителей, хозяйственников, офицеров и генералов...

Богаты долины Марицы, богата земля южной Болгарии. Сельский народ здесь живет в добром достатке. Болгарский крестьянин любит свою землю, добросовестно работает на ней. Сельское хозяйство Болгарии сейчас почти полностью кооперировано. Болгарский крестьянин пошел в сельскохозяйственные кооперативы потому, что увидел в них могучую силу, способную дать ему благополучие.

Были мы в селе Куклен, Пловдивской околии, в кооперативе

В БОЛГАРИИ

На Шипке все спокойно...

Фото Б. КУЗЬМИНА

Хорошо живется ребятишкам в детских яслях села Куклен.

Знатный табак растет

Улов созопольских «охотников за дельфинами».

Отдых на склонах
(София).

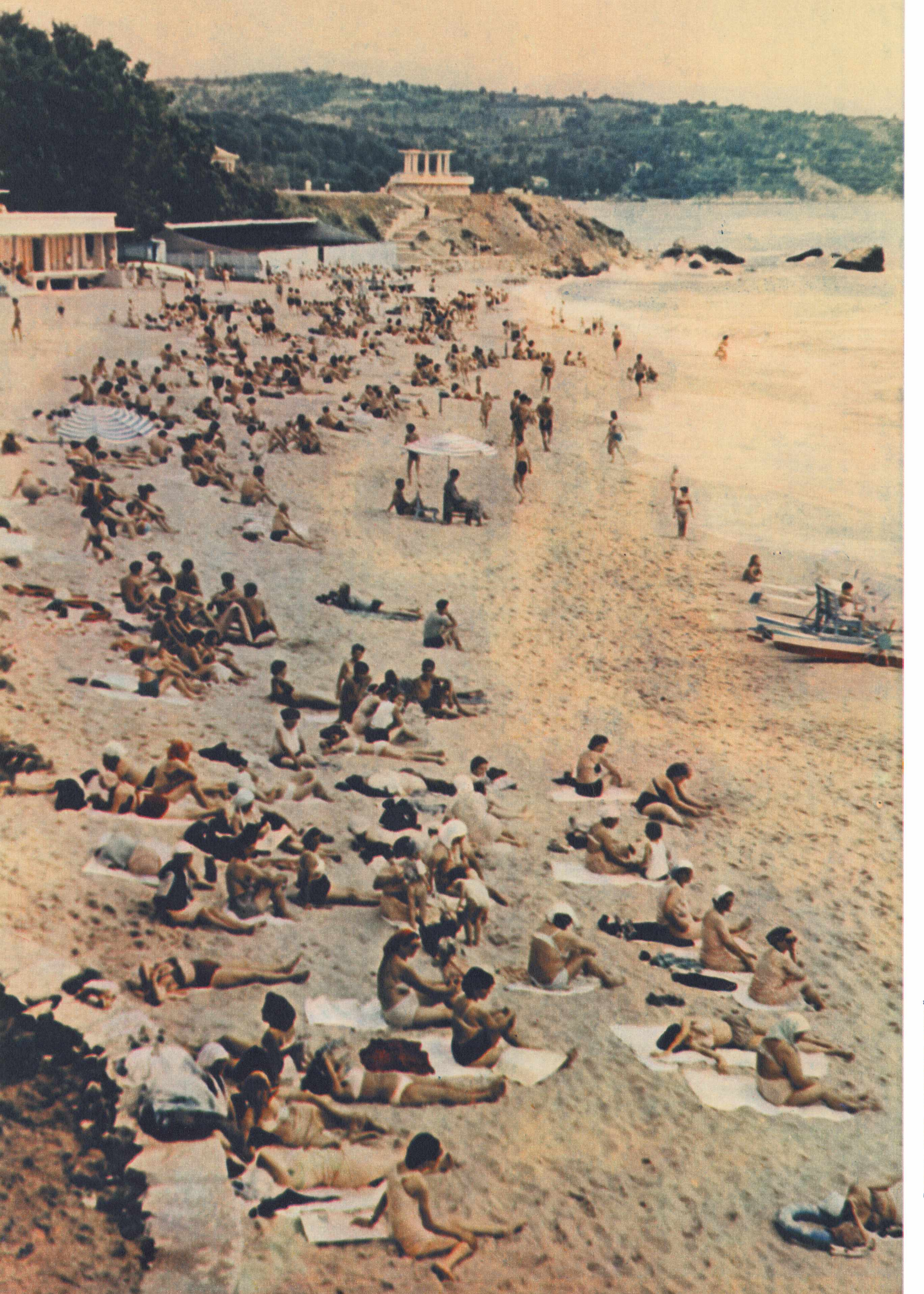

в долине Марицы.

Обед на поле (село Брестник).

Витоши

Золотые пески варненских пляжей.

«XX конгресс». Полсела в стройке! Крестьяне с помощью кооператива строят дома, да притом добрые дома. А ведь кооператив здесь существует только три года. В семье кооператора Трайко Терзиева двое трудоспособных, а заработали Терзиевы за 1956 и 1957 годы по 15 тысяч левов в год. Сейчас хозяин сломал свою старую хибарку и воздвигает кирпичный дом в два этажа. В селе открыты детские ясли на 55 ребятишек и детский сад на 140 мест. На свои средства кооператив строит новое большое читалище: старое пришло в ветхость. В нынешнем году кооператив предполагает выдать на трудодень по 23 лева деньгами, не считая зерновых, винограда, овощей.

Кооператив соревнуется со своим тезкой — колхозом имени XX партийного съезда, Слободзейского района, Молдавской ССР. Недавно молдавские колхозники прислали кукленским кооператорам в подарок десять отборных свиноматок, чтобы положить начало организации свинофермы. Кукленцы не остались в долгу — подарили молдаванам лозы высокосортного винограда.

Неподалеку от Куклена раскинулось большое село Брестник. В селе 350 хозяйств, из них только 3 единоличных.

Здесь уже почти готово великолепное здание нового Дома культуры с отличным зрительным залом на 500 мест.

Мы зашли в первый попавшийся на глаза новый крестьянский дом, таких в Брестнике очень много. Здесь живет со своей семьей Триандофил Русев. Был он рядовым кооператором, сейчас за хорошую работу выдвинут в бригадиры полеводческой бригады.

Дòма была только пятнадцатилетняя дочка Пéтра, ученица 9-го класса пловдивской гимназии, приехавшая к родителям на каникулы; старшие работали в поле. Три светлые комнаты, занимающие весь верхний этаж, носили печать достатка и культуры. Радиоприемник доносил из Софии музыкальный концерт. Аккуратная чугунная плита, занимающая очень мало места, стояла в комнате; ветер развевал чистые, веселые занавески. Нам очень понравилось жилье крестьянина Русева. А еще больше понравилась его дочка — скромная, приветливая девочка с чистым, хорошим лицом и ясными глазами.

Разговорились мы в Брестнике с несколькими крестьянами.

У Василки Бановой, крепкой 55-летней женщины, до установления народной власти был клочок земли в ⅜ гектара. На таком клочке много не разгуляешься. Жизнь была скудной, нищенской. Приходилось батрачить, залезать в долги. Сейчас Василка Банова живет хорошо, построила дом.

Крестьянин Рангел Ботев долго не вступал в кооператив. Было у него крепкое середняцкое хозяйство — 6 гектаров земли. Неоднократно Рангел Ботев выступал на собраниях, кричал: «Не нужно мне кооператива!» В прошлом году вступил.

Сейчас он говорит: забот стало меньше, как гора упала с плеч. Да и работается в кооперативе веселей.

Рангел Пиперов, кряжистый, плотно сложенный человек лет 60, был богатым крестьянином. Еще бы! На 30 гектарах земли расположились его угодья — это в долине Марицы дело не шуточное. Нанимал батраков: самому с семьей управиться с таким хозяйством было трудно. До 1956 года кряхтел, все ждал, чтó из этого нового кооперативного дела получится, может, ничего путного и не выйдет.

Но получилось явно путное и доброе. Старик Рангел Пиперов умен. Старая жизнь разломалась начисто, ростки нового становились все гуще, поднимались выше и выше. Крякнул Рангел, сдал свою землю в кооператив, стал, «как и все». В первый же год Пиперов заработал 1 100 трудодней.

Рангел Пиперов чувствует себя спокойным, уверенным в завтрашнем дне участником честного трудового человеческого содружества. Он так и сказал нам, когда мы его спросили, как живется в кооперативе.

— Хорошо живется. Спокойно.

Разговор этот происходил на поле во время обеденного перерыва. Пристроившись в тени, у какого-то сарайчика, члены бригады весело и дружно обедали. На разостланных скатертях горой лежали огурцы, помидоры, абрикосы, черешня, крутые яйца; стояли бутылки с молоком, крынки со свежей сметаной, тарелки с творогом. Это был сытный крестьянский обед. Он всем видом подтверждал достаток болгарского крестьянина-кооператора.

«Будущее не за дымкой синей»

Возьмите карту Болгарии и попробуйте проследить по ней промышленное развитие страны. Это вам не удастся. Карты безнадежно отстают от жизни.

Двенадцать лет назад ни на какой карте вы не нашли бы Димитровграда. Как писали тогда поэты:

Здесь града нет,
Здесь все в мечте...

Мы приехали в Димитровград вечером и увидели его в ослепительном сиянии огней — большой город лежал перед нами. Морем света был озарен громадный химический комбинат. Мощная ГЭС возвышалась над городом крепостью индустрии. А дальше шли шахты Марицкого угольного бассейна с его несметными подземными богатствами, о которых и не подозревали прежние нерадивые и продажные хозяева болгарской земли. И не верилось, что совсем недавно на месте этого города тихо дремали ничем не примечательные деревушки: Раковски, Марийно, Черноконево... Все в этом городе ново — до последнего камня, до последнего столба!

Люди, создавшие город, остались здесь, из строителей превратились в энергетиков, шахтеров, химиков. Нам рассказали историю одного турецкого парня, Бекира, который явился на стройку совсем неграмотным. Единственная цель его состояла в том, чтобы заработать деньги и купить себе невесту — уплатить калым. Звали его Бекиром-разорителем, ибо за что бы он ни брался, все ломал — лопаты, кирки, рейки. Но был он по натуре парень старательный, научился грамоте, привык к машинам, стал в конце концов машинистом бетономешалки. О покупке невесты перестал и думать: «За меня теперь и так всякая пойдет».

Вблизи Софии волею и трудом народа возник могучий металлургический завод имени Ленина, а вокруг него — город Димитрово. Триста тысяч тонн чугуна и 200 тысяч тонн стали в год дают домны и мартены завода. Димитровцы шутят, что недалеко то время, когда София станет их пригородом.

Подъезжая к Варне, мы увидели меж голых известняковых холмов большой завод, который не был обозначен на нашей карте. Что это за предприятие? Содовый завод.

А вот этот, еще в лесах, еще не завершенный полностью, кипящий людом? Гигант цементный завод! Строители обещают сдать его в эксплуатацию к 1 ноября 1958 года. Со вступлением в строй этого завода производство цемента в Болгарии увеличится примерно на 50 процентов.

Еще три года тому назад на юго-западной окраине Коларовграда можно было видеть обычную сельскую картину — тихие поля, овеянные ветром, огороды, прикорнувший у края дороги садик. Сейчас здесь стоит почти в полной готовности крупный, вполне современный завод автотракторных запасных частей, занимающий площадь в 40 гектаров. К слову сказать, завод этот особенно дорог болгарскому сердцу: здесь много первоклассного оборудования отечественного производства.

Вблизи города Самокова, у подножия Рильских гор, появилось «море» — его соорудили люди. Уже засинели его воды, и кажется, что века стояло оно в окружении дальних холмов. Это — водохранилище имени Сталина, дающее могучую силу целой цепи электростанций. И в Севлиевском районе появилось «море», созданное водами запертой буйной Росицы. И недалеко от Казанлыка раскинулись широкие просторы «моря» имени Георгия Димитрова. И в Родопских горах вы можете увидеть искусственное море, носящее поэтическое название Студен Кладенец. За каких-нибудь пять лет болгарский народ, полный творческой силы, построил четыре больших водохранилища общим объемом в 1 500 миллионов кубических метров, девять мощных электростанций, дающих 1 500 миллионов киловатт-часов электроэнергии, и еще строит три водохранилища с четырьмя электростанциями. Города Болгарии залиты светом, в каждую отдаленную деревушку проникает электролампочка, ставшая обязательным предметом быта.

Нынешняя народная Болгария имеет все, что нужно для ее развития: свое машиностроение, свой уголь, свою химию, свой металл, свою добротную лесную промышленность.

Как все изменилось в стране!

Рассказывали мне об одном заморском госте, который приехал сюда с весьма кислой миной, вооружился блокнотом и записывал свои наблюдения. Увидев завод, рудник, шахту или электростанцию, он спрашивал:

— Кто был раньше владельцем этого предприятия?

И получал неизменный ответ:

— В прошлом этого предприятия не существовало.

— Черт возьми! — вскричал наконец озадаченный иностранец.— Да у вас нет ни одного солидного предприятия-ветерана! Ваша промышленность — дитя по возрасту.

— Правильно. И по возрасту своему она ровесник новой, социалистической народной Болгарии и по силе равна ее силе.

...Болгария! Две недели мы ездили по твоим дорогам, по твоим градам и весям, любовались твоими красотами, смотрели, как живет и трудится твой сердечный, добрый, славный и мужественный народ.

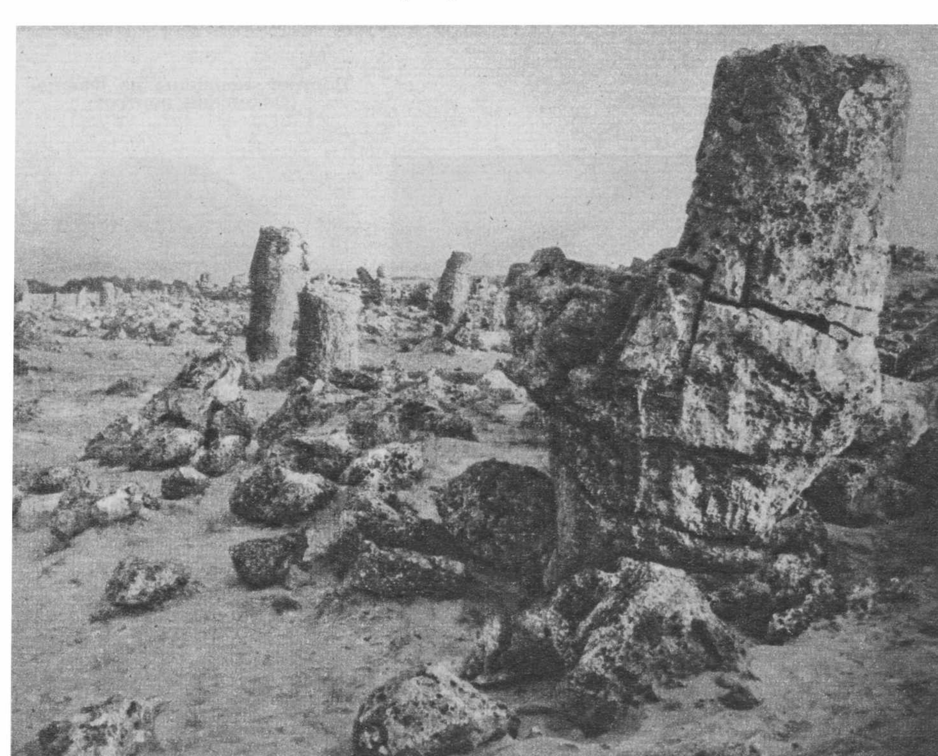
Мало у нас было времени, многое мы не успели увидеть, но и то, что увидели, дало возможность наглядно убедиться в больших успехах братской социалистической страны, оставило в душе неизгладимый след. Мы были в стране добрых друзей, истинных братьев по крови и духу, по мыслям и чувствам, по стремлениям, идеалам и надеждам.

Молодой болгарский поэт Димитр Методиев написал:

Нет! Будущее не за дымкой синей!
Путь выбран, цель не скрыта в темноте —
идем путем, проложенным Россией,
к всеобщей человеческой мечте.
Так что с того, что трудностей немало,
что дни уходят в стройке новой жизни? —
Вдали уже видна под стягом алым
Болгария при коммунизме!..

Да, видна!

«Каменный лес» у Варны.

В ЗАЛАХ ЭРМИТАЖА

Ленинградцы и многочисленные приезжие, туристы и иностранные делегации стремятся в эти дни в Государственный Эрмитаж увидеть необычайную выставку, на которой представлены изумляющие даже завсегдатаев крупнейших музеев мира шедевры. Произведения замечательных мастеров, извлеченные из развалин, найденные в ненадежных убежищах, спасенные в пожарищах советскими войсками во время боев на территории Германии, временно хранились в нашей стране, тщательно исследовались, по мере необходимости реставрировались. Достаточно указать на то, что только через руки реставраторов масляной живописи прошло 970 картин, обреченных, казалось, на гибель.

А сейчас на выставке передаваемых немецкому народу культурных ценностей все они снова изумляют каждого благородством и красотой своих форм, необычайным богатством колорита, глубиной и высокой мудростью замысла их творцов.

Безусловно, замечательнейшим из представленных здесь памятников является колоссальный фриз из Пергама. Творение мастеров II века до нашей эры, изображающее битву богов и гигантов (гигантомахию), поражает необычайной выразительностью пластических образов, мощным ритмом движения, той неподражаемой красотой, которая всегда сопутствует памятникам античности. Хочется назвать его симфонией из мрамора. И даже многочисленные утраты деталей (утраты тысячелетней давности!) не в состоянии лишить его эпической красоты и силы. «...Это мир, целый мир, перед откровением которого невольный холод восторга и страстного благоговения пробегает по всем жилам». Слова великого русского писателя И. С. Тургенева после посещения Берлинского музея в 1880 году как нельзя лучше передают впечатления и всех тех, кто вглядывается сейчас в эти рельефы,— одно из семи чудес света...

Рядом богатая коллекция архаической греческой скульптуры, древнеримские портреты, статуи. У собрания памятников древнеегипетского искусства посетители задерживаются надолго. В центре общего внимания небольшая голова из камня — портрет царицы Нефертити, всемирно известный шедевр XIV века до нашей эры. Живописность и изысканная красота великолепного портрета ставят его на одно из видных мест в истории мирового искусства. Кажется, под этим смуглым, будто покрытым загаром, «кожным покровом» пульсирует живая кровь...

Здесь, в этом отделе, господствуют памятники, созданные из кристаллического песчаника, чудесного по своей фактуре желтовато-золотистого камня.

Настоящий восторг вызывают знаменитые фаюмские портреты. Написанные в I—III веках нашей эры восковыми красками на дереве и холсте, они не утратили ни яркости колорита, ни обаяния и жизненности портретных образов.

Самую обширную часть выставки в Ленинграде занимают памятники западноевропейского искусства — их около пятисот.

Осмотр, начавшийся с первых часов рабочего дня выставки, затягивается до позднего вечера. Проведя в залах Эрмитажа долгие часы, неохотно покидают его люди, усталые, переполненные впечатлениями, взволнованные, какие-то по-особенному просветленные.

А. БРЯНЦЕВ

Фрагмент фриза Пергамского алтаря. Голова Клития.

СОКРОВИЩА МИР

Голова сатира.

Портрет женщины из Фаюма. (Фаюмский портрет).

Мастер «домашней книги». Любовная пара.

Скопас. Менада.

В МУЗЕЕ ИМЕНИ А. С. ПУШКИНА

Непрерывным потоком поднимаются в залы музея москвичи и гости столицы, спеша познакомиться с выставкой памятников искусства из Германской Демократической Республики.

В зале античного искусства всегда толпа зрителей у скульптуры Скопаса «Менада». Слепок с этого произведения мы видели в музее и раньше. Теперь же перед нами мрамор — единственная сохранившаяся римская копия со статуи знаменитого греческого скульптора IV века до нашей эры Скопаса. В бурном, стремительном танце изобразил мастер женскую фигуру. В беспорядке рассыпались по спине волосы, в исступлении запрокинута голова. Греческие мифы рассказывают, что менады, спутницы бога вина и веселья Диониса, на посвященных ему праздниках во время пляски приходили в такое состояние экстаза, что разрывали руками козленка, подняв его над головой. Этот момент передал ваятель.

Восторженно воспел современник скульптора греческий поэт это творение:

«Камень паросский — вакханка. Но камню дал душу ваятель.
И, как хмельная, вскочив, ринулась в пляску она.
Эту фиаду создав, в исступленье, с убитой козою,
Боготворящим резцом чудо ты сделал, Скопа́с».

Время почти не сохранило для нас подлинную греческую скульптуру. Как правило, мы имеем о ней представление по копиям римских скульпторов. Однако римские копии часто бывают довольно свободными. В этом мы убеждаемся, сравнивая две копии со статуи Афины Лемнии работы Фидия или три копии «Геркуланянок». Поэтому особенно интересны немногие сохранившиеся подлинники античности. Среди них скульптура смеющегося сатира. Вихрастая голова юного лесного божества, его живая и лукавая улыбка неизменно привлекают зрителя.

Украшением раздела искусства Северного Возрождения, бесспорно, является картина «Любовная пара» художника конца XV века, так называемого Мастера «домашней книги». К сожалению, до нашего времени почти не дошли биографические сведения о художниках немецкого Возрождения, зачастую история даже не сохранила их имен. На картине изображен граф Ханау со своей невестой или супругой. С большой лиричностью художник написал обнявшихся влюбленных, их нежно склоненные головы. Праздничное настроение придает картине звучный, яркий колорит. Но как бы не довольствуясь этой характеристикой влюбленной пары, над их головами мастер помещает ленту с кокетливыми любовными стихами. Они переводятся примерно так: «Она: та, которая сделала вам этот шнурочек, не очень вас презирала. Он: ей это было нетрудно, так как на ее долю выпала моя любовь». Картина привлекает зрителей своей наивной непосредственностью и редкой красотой выполнения.

Портрет мулата работы Франса Гальса — воплощение веселости и жизнелюбия. Это замечательное произведение голландского портретного искусства XVII века, в котором так мажорно звучит торжество жизни, находит себе самых горячих почитателей и сегодня.

Впервые на выставке мы могли увидеть одновременно такую богатую экспозицию гравюр и рисунков лучших мастеров прошлого, редкие скульптурные произведения итальянских мастеров эпохи Возрождения и, наконец, богатое собрание прикладного искусства мастеров Западной Европы и Китая.

Покидая выставку, уносишь с собой не только чувство восхищения великолепными образцами искусства прошлого, но и чувство глубокой благодарности к тем, кто спас от разрушения во время войны эти сокровища и сохранил их для будущих поколений.

И. ЛЬВОВ

Фрагмент фриза Пергамского алтаря. Гигант.

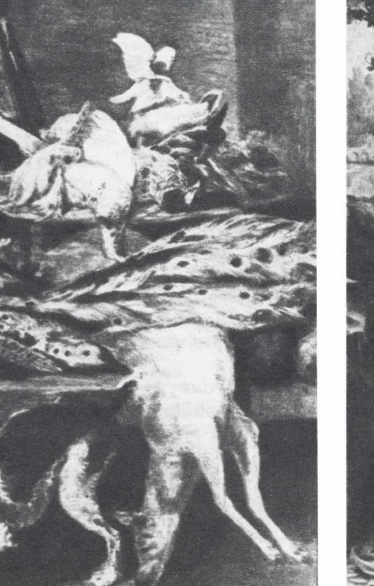
ОВОЙ КУЛЬТУРЫ

Франс Гальс. Мулат.

Франс Снейдерс. Лавка дичи.

Франческо Мельци. Вертумн и Помона.

КРАХ

Рассказ

Сергей НИКИТИН

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

I

Начинаясь в приклязьминском фабричном городке, дорога на лесной кордон идет через луга, через ржаные поля, через пыльные картофельники и, минуя последнюю заречную деревню, пересекает границу лесов. За этим рубежом уже не встретишь ни одного колоса. Сначала по заболоченным кустарникам потянутся бревенчатые гати, потом начнется сосновое мелколесье, а за ним встанут горячо пахнущие смолой, обросшие ломким голубым мохом боры, где за целый день не только живая душа — робкий цветок не заглянет тебе с улыбкой в глаза.

Мир. Тишина. Покой...

Давным-давно, в пору коллективизации, молодой мужик Аверкий Лыков бросил крестьянствовать и поступил на службу в лесное хозяйство объездчиком.

Отцу своему перед отъездом на новое место сказал:

— Мудруют над нами товарищи, вертят и так и эдак нашу жизнь, а выйдет толк ай нет, неизвестно. Может, в трубу вылетим с этим колхозом. Да и несправедливое это дело — все в общую кучу валить. Я, скажем, вполне справное хозяйство вложу, а другой голодранец с одной ложкой прилепится. Нет уж! Я на кордоне буду оклад получать и хозяйством без препятствия заниматься.

— Спробуй,— коротко напутствовал его отец.

К исходу лета в бездорожной глуши еще не освоенных массивов, на берегу лесной речушки, неторопливо струившей густую на вид и коричневую, как чай, воду, Аверкий срубил из сосновых комлей сторожку.

— Вот изба-то! Дворец янтарный! — хвастался он, вводя на резное крылечко жену Настю.— Ничего, что глушь, был бы хлеб да муж. Так, что ли?

— Куда иголка, туда и нитка,— тихо сказала тогда Настя.

Она считала свою жизнь погубленной, и ей было все равно, где жить, хоть с чертями в болоте. Денис, отец ее, по ремеслу был плотник, по виду цыган, по характеру человек веселый и легкий. Крестьянский труд он не любил. Бывало, чуть обтают на апрельском ветру горбатые холмы, отходил он в Москву, в Нижний, в Казань и плотничал там до поздней осени. Когда же износилась и увяла, ворочая в одиночку бедняцкое хозяйство, его жена, он, еще статный, чернобородый молодец, загурил, загулял и сгинул из села на веки вечные.

Шестнадцатилетнюю Настю из благочестивых побуждений (много ли проку в хозяйстве от бабы!) взял в работницы вдовый старик Лыков. Весной, когда она помогала Лыковым пахать дальний прикупной клин, Аверкий замотал ей голову юбкой, изнасиловал и, припугнув расправой, велел молчать.

— Ты что, касатка, глаза-то наревела? — подозрительно спросил старик, когда она вернулась с поля.

Настя бухнулась на лавку, разлилась рекой и покаялась. В тот же день старик позвал Аверкия в лес за жердями и там, в глушинке, больно отхлестал кнутом.

— Для себя берег, папаня? — ядовито усмехнулся Аверкий, вытирая с лица кровь.

— Женю! — рассвирепел старик.— На батрачке женю, на нищей! Жеребчина стоялый!..

Аверкий опять усмехнулся. Молодая, пригожая, сильная Настя нравилась ему, а жениться на батрачке, по его дальновидным соображениям, было даже лучше: очень уж косо стали поглядывать в селе на богатых Лыковых.

— Не испугал, папаня!

— Ну, добро ж!

Старик был крут и не отходчив. Свадьбу сыграли, и вскоре после нее Аверкий отошел от семьи на кордон. Так возник здесь этот маленький островок человечьей жизни, вкрапленный в бескрайний разлив лесов.

Долго, не щадя сил, ворочали вокруг него лес Аверкий и Настасья: выдирали из земли разлапистые пни, вырубались к поречному лужку сквозь ольховую, вербяную, черемуховую крепь, и оттого еще в молодости оба стали кряжистыми, большерукими и по-медвежьи сутулыми. Зато вокруг кордона как непреложное свидетельство их нелегкой победы над лесом легли клинышки посевов, огородов, покосцев и завозилась в хозяйственных пристройках сытая скотина.

Как-то зимой Аверкий увидел чужие, настойчиво петляющие близ кордона следы, а через день наткнулся в лесу на двоих, в полушубках, с наганами на боку.

— Лесник? — коротко спросил один.

— А вы кто?

Те не ответили и быстро ушли в лес, но утром Аверкий опять нашел их свежие следы у самого кордона.

«Нюхают чего-то ищейки»,— думал он.

Вечером, когда по крыше белыми крыльями шуршала метель, когда под окном дымился на ветру гребень сугроба и одичавший в лесу, трусливый и вероломный пес по кличке Шельма протяжно выл у соломенного омета, кто-то тихо поскреб в окно сторожки. Аверкий дохнул на стекло, потер его рукавом и отшатнулся. Из перепутанных волос, из свалявшейся щетины глянули на него зеленые, с желтым крапом лыковские глаза.

Аверкий вышел на крыльцо.

— Братуха, Христа ради!.. — кинулся к нему брат Тихон.— Кору жрал!..

— Чего нашкодил? — угрюмо спросил Аверкий, вспомнив тех двоих с наганами.

— Хлеба дай!..

Сидя на полу у печки и давясь черствым хлебом, Тихон рассказал, что Лыковых раскулачили.

— И все? — помолчав, спросил Аверкий.

— Данилку Фомина, председателя, мы с папаней укокали... вилами... ночью.

— А папаня где ж?

— Данилка, пес... Из нагана пальнуть успел... Остался папаня.

Аверкий долго гладил ладонью крышку стола, словно пробовал ее на остругу, потом решительно встал и снял со стены сыромятные вожжи.

На всю жизнь запомнил он, как вился у него под коленкой Тихон, как ругался, плакал, стукался головой об пол, а потом, уже связанный, напрягся весь и плюнул ему под ноги.

— Не балуй, браток, не балуй,— почти ласково говорил ему Аверкий.— Все одно ты против меня, что комар. Ослаб, оголодал. Куда уж тут баловать!

И, взвалив его в сани, чтобы везти в село и сдать там милиции, прибавил:

— Я, Тиша, из-за вас свою долю в жизни терять не желаю. Потому и сюда отошел, что наперед видел: завяжут Лыковым хвост восьмеркой, доберутся.

— Шкура козлиная! — прохрипел Тихон.— Все одно тебе наше родство не простят!

— Авось, теперь простят,— вздохнул Аверкий и широко перекрестился на шумевшие во тьме сосны.

С тех пор он еще прочней затаился в своем лесном логове и почти не появлялся на людях, чтобы лишний раз не напоминать о себе. Его не тревожили. Теперь только одна постоянная забота не давала ему покоя: Настасья долго не рожала, а первенца, должно быть, от тяжелой работы, родила мертвеньким. Аверкию хотелось наследника.

Долго он сердился на жену и, видя, как ловко она ворочает в печке ведерные чугуны, корил ее:

— Здорова Федора, да дура! Простого бабьего дела исделать не можешь—ребенка родить!.. Тьфу!

Прошло два года, и как-то зимой, подпирая колом увязший в снегу возок дров, Настасья бросила кол, прилегла на снег и тихо сказала сквозь зубы:

— Худо мне, Ильич... Знать, опять не уберегли ребеночка...

Аверкий дрожащими руками раскидал дрова, положил жену в сани и, не жалея лошадь, погнал в город. Там к исходу дня Настасья родила слабую синенькую девочку. Аверкий вместо качки сделал для нее из ивовых прутьев корзину и, пока плел, все приговаривал:

— Не потрафила, мать, не потрафила! Нам с тобой парнишку надо, работягу, наследника! Есть байка одна. Спросили, слышь, мужика, куда он деньги дает. А тот и говорит: одну, мол, часть в долг даю, другой частью долг плачу, а третью на ветер кидаю. Как, мол, так? А так. Сына, значит, рощу — в долг даю. Родителя соблюдаю — долг возвращаю. А дочь кормлю-питаю — на ветер кидаю. Вот как!

И все же по этой суетливой болтовне, по смущенно-радостной улыбке было заметно, что Аверкий очень взволнован и счастлив.

Дочь назвали Устей.

Когда в сорок первом году Аверкия взяли на фронт, ей было семь лет.

Без хозяина кордон осиротел. Все настойчивее маяла Настасью лесная тоска по людному месту, по соседу и даже просто по вспаханному полю, откуда видны огни деревень и слышен запах печного дымка. Часто просыпалась она по ночам и, обняв худенькое тельце дочери, принималась плакать.

— Мам! — окликала ее спросонок Устя.— Ружье-то у тебя заряжено?

— Что?

— Ружье-то заряжено?

— Экая ты! Как же не заряжено-то? Спи! — отвечала Настасья, скрывая от дочери слезы.

А когда наступила осень и ноябрьский ветер насквозь просвистал голые осинники, когда из серого, облачного мутива на лес, на свинцовую речку посыпалась колючая крупа, ей стало совсем невмоготу. По первопутку, забрав весь скарб и скотину, она уехала к матери в село Токовец.

II

Пока Настасья жила на кордоне, вдали от людей, она как-то не ощущала размеров и трагической сущности бедствия, свалившегося на их головы. Аверкия она проводила на войну легко. По дороге в город Устя — веселая, звонкая — забегала все время вперед, возвращалась то с цветком, то с кузнечиком, то с бледной поганкой; Аверкий, смеясь, ерошил своей огромной пятерней ее волосы и — в который уж раз! — давал Настасье последние наставления по хозяйству.

— Телку ты, пожалуй, мясом продай,— говорил он, и Настасья согласно кивала, держась обеими руками за рукав его нанкового пиджака.— А корову пуще глаза береги,— продолжал Аверкий.— Такую корову — не дай бог прогрудеет или еще что — нескоро заживешь. Магазин, а не корова! Овец не нарушай. Утки.. этих нарушь, бестолковая птица, прожорливая. А курей оставь. На зиму их в избу возьми, ежели морозы жать начнут, поняла?

— Неуж к зиме-то не придешь, Ильич? — спросила Настасья.

— Кто его знает...

У первой деревни Аверкий остановился, подозвал дочь и долго тискал ее своими ручищами, крепко терся выбритой щекой о лицо, волосы, плечико. Потом обнял Настасью. Она

повисла на нем, заголосила, повалилась наземь, в придорожные овсы, но, едва он скрылся за деревенскими вишенниками, замолкла, встала и начала поправлять платок, считая обычный бабий ритуал проводов оконченным.

От Аверкия часто приходили письма. Он попал на подмосковный испытательный полигон, и в его письмах, содержавших преимущественно наказы «соблюдать хозяйство» и описания дневного довольственного рациона в армии, совсем не чувствовалась настоящая война, война-бедствие, война-горе, война-смерть.

В Токовце тоже не рвались снаряды, не стелился понизу горький чад пожаров, но всё— от разговоров до молчаливых слез — было отмечено знаком войны. Она каким-то недетским, прочным страданием залегла даже в глазах тринадцатилетнего белобрысого почтаря Кирьки. Он уверял, что распознает «похоронные» в конверте «по хрусту», и, принося в дом эту роковую бумажку, глядел на хозяйку с такой мукой, что иная бабенка послабее нервами заранее рушилась на пол, как сноп. Стосковавшаяся по людям Настасья сразу же приняла к сердцу их беды. Как все, впивалась она тревожно спрашивающим взглядом в лицо Кирьки; как все, с утра до вечера ковырялась в мокрой, холодной земле, выбирая картошку; как все, шила для солдат теплые рукавицы, валяла валенки, стегала ватные телогрейки.

Однажды женщины работали на картофельном поле. Ветер косо нес седую дождевую пыль, шипели и дымили костры, над которыми женщины отогревали сведенные стужей пальцы. Никто не помнил потом, откуда вдруг налетел слух, что в город привезли раненых. Все бросили работу, сбились в кучу и, тяжело дыша, оскользаясь на жидкой осенней грязи, побежали по дороге в город. Напрасно бригадир — старый Илья Нефедов по прозвищу Веселый глаз — махал им вслед руками и кричал:

— Бабы! Остынь, окаянные! Кто сказал, что там ваши? Кто брехню пущал? Слыханное ли дело, чтобы со всей войны ваших непременно сюды собирали! Вернись сей момент!

Женщины даже не оглянулись. Их тесной молчаливой толпой, словно спаянной нерушимой порукой, двигала одна воля, одна мысль, одна надежда, и вскоре, не обращая внимания на крики бригадира, они скрылись в серой дождевой мгле. Настасья бежала вместе со всеми. У нее не было опасения за жизнь Аверкия: лишь накануне она получила от него письмо,— у нее не было надежды увидеть его среди раненых — он находился в безопасном месте,— но, захваченная общим порывом, она все-таки бежала через грязь, лужи, раскисшие луговины, туда, где по какой-то почти невероятной возможности мог оказаться чей-нибудь муж, сын, отец или брат.

Вернулись они, конечно, ни с чем. Из школьного здания, занятого под госпиталь, к ним вышел прихрамывающий комендант. Долго слушал их бестолковый галдеж и наконец, смекнув, в чем дело, гаркнул:

— Тише! Как фамилия?.. Твоего нет. И твоего нет. Что? Гуськов? И Гуськова нет. Тихонов? Звать как? Петром? Нет Петра, Филимон есть.

Так перебрал он всех, и женщины, притихшие, погрустневшие, но успокоенные, медленно поплелись назад в село.

В годы войны Настасье очень пригодилась ее привычка к тяжелому ручному труду. МТС тогда не работала, в плуги и сеялки запрягали коров, жали серпами, и выносливая, прилежная Настасья как-то сразу встала у всех на виду. Когда район выбирал своих делегатов для сопровождения на фронт эшелона с подарками, от Токовецкого колхоза выбрали ее. Бригадир Илья Веселый глаз произнес по этому поводу речь. Еще в гражданскую войну он — молодой взводный — заслужил орден и, хотя ему давно уже перевалило за пятьдесят, был убежден, что новая война без него не обойдется, его обязательно вспомнят и позовут.

— Героические товарищи женщины! — сказал он, взгромоздясь на табуретку.— Бабоньки! Все вы дружно тянули руку за Настёнку Лыкову. Правильна! А я еще скажу. Война, по всей видимости, затеялась немалая, и еще спонадобятся старые краснознаменные командиры. Сегодня я здеся, а завтра на боевом коне. Так что будет вам Настёнка первый пример в труде для фронта и для победы. Тянитесь за ней, чтоб в самую, значит, пяту.

Настасья растерялась. Всю жизнь, с тех пор, как помнила себя, она пахала землю, косила траву, жала рожь, копала картошку, ухаживала за скотиной, но ей даже в голову не приходило, что этот обычный крестьянский труд, который на ее глазах справляли многие женщины, способен приносить не только сытость, а уважение людей и почет.

— Ой, бабы... Да что вы! Да я дальше города и не бывала! Куда мне ехать!..— бормотала она, жгуче краснея и отмахиваясь руками.

А дома после собрания долго с каким-то удивленным вниманием глядела на себя в мутное зеркало и думала: «Настенька... Милая ты моя!.. Да что же это делается с тобой? Любят тебя, уважают! Чего же ты плачешь-то, глупая!»

Земля смутила Настасью своей обширностью, обилием на ней городов, сел, деревень, людей. Стояла глубокая осень. По утрам на бурую траву, на сбитую морозом землю ложился сверкающий иней, в воздухе, блестя на солнце, вилась игольчатая изморозь, и мир под этим холодным солнцем казался Настасье до жути незнакомым и странным. Но вот потянулись места, откуда лишь недавно отступила война. Настасья, не отрываясь, смотрела из дверей теплушки на искореженную землю, на измочаленные в щепы леса, на разбитые станции, на пепелища с разваленными печами и всем своим крестьянским сердцем, не примирившимся с разрухой, запустением, принимала эту общую беду, ставшую ее личной болью.

Войну, как и море, не представить, пока не увидишь ее. Ночью эшелон долго стоял в лесу; вдоль вагонов ходили люди с автоматами и карманными фонарями, переговаривались вполголоса, смеялись. В небе над лесом играло белое мерцающее сияние, шатались столбы голубоватого света прожекторов, и вдали погромыхивало, словно перед грозой.

— Смотри, к дождю,— шутили делегаты, не подозревая, что они уже находятся на той самой войне, которая всегда одинаково рисуется только в тылу, а на самом деле принимает тысячи самых разных обличий.

Утром их доставили на машине в расположение артдивизии. Там, в блиндаже, был накрыт стол; веселый розовощекий полковник с вдавленным шрамом на лбу благодарил делегатов, жал всем руки, целовал со щеки на щеку. Потом им показали пятнистые, как ящерицы, врытые в землю пушки, тягачи, бронетранспортеры, походные кухни и сказали, что вон за тем леском, в пяти километрах отсюда, находится о н.

Настасья во все глаза смотрела на этот голый, окутанный фиолетовой дымкой лесок. Был он точь-в-точь такой же, как под Токовцом,— молоденький, частый, ровненький,— и эта похожесть снова тронула сердце Настасьи уже знакомой болью за родную землю.

Вернувшись в Токовец, она, как с ней ни бились, не смогла ничего рассказать односельчанам про войну.

— Все видела,— твердила она.— И пушки видела, и танки, и бомбы эти самые... Ну право, как поросята, гладкие. И е г о видела. Привели до командира пленного. Конопатенький, белый... Того гляди, зеленые сопли распустит... А городов, сел наших сколько побитых —ужасть! Я вся слезами изошла!.. Не надо вам, бабы, этого слушать, не приставайте.

Последняя военная весна долго выстаивалась в нестерпимом сиянии морозного солнца. Давно уже минул март; зазолотели каждой своей веточкой тополя, навострившие липкую почку, очистились крыши, запахло у скотных дворов оттаявшим на солнечном припоре навозом, а в поле снега все еще лежали чистые, неподточенные и голубовато искрились, словно сахар на изломе.

«Часом кончится»,— говорят обычно про такую весну.

И верно. Ночью ветлы над прудом стучали ветвями, ухало на крышах железо, и тому, кто, полусонный, босиком выскакивал в потемки сеней, чудилась снаружи какая-то возня, какое-то чмоканье и плескание, словно там хлестали по стене мокрой тряпкой. Затем, в дни, наступившие вслед за этой ералашной ночью, все ненадолго смешалось в Токовце. На улицах, разбрасывая клочья свалявшейся шерсти, грызлись собаки; у парней и девчонок ошалело мутнели глаза, раздувались ноздри, а ребятишки, забывая родительские наказы, приходили домой затемно, в мокрых шубенках, и пахло от них овчиной. Именно в эти дни видели, как почтарь Кирька обнял почерневший ствол ветлы, крепко поцеловал его и рывками пошел дальше, наваливаясь плечом на упругий ветер.

Над селом растревоженно орали грачи. Женщины, поехавшие в заречные луга за сеном, вернулись порожняком и рассказывали, как у них на глазах с тихим шелестом и звоном сдвинулся кусок занавоженной дороги и в темной щели заиграла на ветру бойкая волна.

А там и пошло!

Смывая в огородах намерзшие помои и золу, рванулись снеговые ручьи, и уже не тихий шелест и звон доносились с реки, а тяжелая, трудная возня льдин, заставлявшая токовчан изумленно качать головами.

— Ну и сила!

Потом все постепенно вошло в свою колею. Улеглись порывистые ветры апреля, напористое майское солнце уже рождало первую тоску о дожде, и вдруг опять вся жизнь была взбудоражена новой радостью, более сильной, чем весна.

Под утро село было разбужено набатным звоном. Люди выскакивали на улицу полураздетыми, хватали на бегу топоры, багры, ведра. Старухи крестились в темные углы. Но это была не тревога. Кирька, первым услышав весть о победе, не утерпел — ударил железным болтом в вагонный буфер...

К приезду Аверкия Настасья готовилась, как к празднику. Были забыты безрадостные дни на кордоне, жизнь стала для Настасьи шире, светлей, как в доме, где после долгой зимы вымыли и растворили все окна, наполнив его солнцем, сквозняком, запахом молодой листвы, и она с радостью и нетерпением готовилась принять в эту жизнь мужа.

III

Вернувшись с войны, Аверкий как ни скучал по семье, а со станции завернул сначала на кордон. Сторожкой он остался доволен: бревна в срубе лежали одно к одному — звонкие, гладкие — и на солнечной стороне все еще плакали тягучими каплями янтарной смолы; хозяйственные пристройки тоже были как новенькие, но пашня, огороды, лужки заросли ежами сосновых побегов, кустарником, травой и были так удручающе грустны в своем запустении, что Аверкий не чувствовал ни малейшей радости от встречи с домом. На время он даже забыл, что теща его умерла, что изба в Токовце теперь тоже принадлежит ему и Настасье и что он сам давно уже одобрил поступок жены. Он ходил вокруг заброшенного кордона и никак не мог взять в толк, почему Настасья, которая пятнадцать лет бок о бок с ним надрывалась на работе, чтобы всему здесь они имели право сказать «мое», почему она бросила все это и ушла к чужому двору. Скорей с недоумением, чем с укором спрашивал он ее позже об этом. Она равнодушно поводила плечом.

— По ночам боязно было.

— Только и всего?

— Ай мало? Страсть ведь, как боязно-то было! Сплю ночью, вдруг словно кто в бок толкнет. Проснусь и слушаю, как на дворе корова вздыхает. И Устя проснется, спросит: «Ружье-то у тебя, мама, заряжено?» «Как же, мол, не заряжено-то, спи!» А сама прижмусь к ней и плачу... Так и ушли в село.

Аверкий опять ничего не понял. Что-то новое появилось не только в характере, но и во внешнем облике жены. Он привык видеть ее всегда раздраженную от усталости, с жилистой шеей, с большим животом под ломким от печной грязи фартуком, со строгим и темным, как старая икона, лицом, а теперь перед ним была спокойная, опрятная женщина, которая и платок-то завязала не на подбородке, а, как молодая, на затылке, в обтяжечку.

— Изба-то совсем твоя? Смотри, прочно ли дело?— допытывался он.

— Мамашина воля. Она завещание оставила.

— А ты в колхоз, значит, вошла...

— А то нет? Бросить бы нам, Ильич, лесную берлогу-то!

— Ну-ну! — хмурился Аверкий.— Не больно барышно в вашем колхозе-то. Ты покуда оставайся, а я кордона не брошу. Лишний грош карман не тянет.

И только поверив наконец, что изба действительно перешла к Настасье, он успокоился и по-своему объяснил перемену в жене:

«Хо-зяй-ка!»

На третий день он уговорил Настасью поехать с ним на кордон, чтобы подновить к зиме на сторожке крышу. Стояло погожее утро бабьего лета. Ехали мимо изумрудных озимей, мимо буро-красной гречи, мимо жухлых картофельников, и Настасья вся отдалась печали, которой всегда полны такие дни с летящей в ясном небе паутиной, с грачиными стаями на горизонте, с мягким и ласковым теплом последнего солнца.

— А я летось лосей видела,— сказала она, задумчиво щурясь на прозрачную синь неба.— Ехала в Демидовку за обратом, а они с Валежной кручи спустились, матка и два теленочка. Теленочки рыженькие, как у коровы. Я думала, они серые, ан рыженькие. Такие славные теленочки! Перешли мне дорогу и в чащу потрусили... Вспомнила я, как свалил ты тогда лосиху-то, да и топором ее...

— Лося свалить — дело нехитрое,— заметил Аверкий.— Концы спрятать мудрено.

— Слышь-ко, Ильич,— повернулась к нему Настасья.— Бросил бы ты, ей-богу, этот кордон! Не впрок он тебе. Жадный ты, хватачий. Доишь лес, как корову. И все больше да больше тебе надо. А ведь всего-то не ухватишь — рук не достанет. Так и изойдешь завистью.

— Что-то не пойму я тебя, баба,— сурово и подозрительно сказал Аверкий, косясь на нее.

— Ну, ин ладно,— вздохнула Настасья.

— Баба — баба и есть,—усмехался и качал головой Аверкий.— Не можешь ты своим куриным умом сообразить, что на кордоне оклад, потом — земля, покос, дрова. А в колхозе много ли ты заработаешь? Ну скажи, ежели уж учить взялась, много?

Настасья молчала. Война подточила колхоз, и вот уже третий год подряд на трудодень выпадало лишь немного картошки да горсточка проса. Нечем ей было крыть веские доводы Аверкия.

В тот же день, спрятавшись ото всех на погребице, припав лбом к холодному косяку, Настасья плакала, почуяв, что надеждам ее не сбыться никогда.

По чернотропу Аверкий уже переехал на кордон и лишь изредка стал наведываться в село за какой-нибудь надобностью.

Так и раскололась их жизнь, словно полевая торная дорожка разбежалась на две.

IV

Усте шел восемнадцатый год. В непутевого деда Дениса была она смугла лицом, черна волосом и как-то по-цыгански загадочна нравом.

— Ты почему молчком живешь? — приставал к ней Аверкий.— О чем думаешь-то? Ну и дитятко уродилось! Слова у нее не дощупаешься.

Устя в ответ только чуть приподымала густые широкие брови, но зеленовато-серые глаза ее всегда смотрели одинаково: задумчиво, горячо и потаенно.

— Ну, чего ты пристал к ней! Девка, как девка. Не хуже других,— вступалась за дочь Настасья.

И Аверкий, утративший с годами властную твердость хозяина дома и главы семьи, только ворчал на этот непочтительный окрик:

— Замуж ее пора, гладкую!..

К дочери он относился с тем презрением, которое в корыстных душах порождается к женщине, занимающей в хозяйстве второстепенное место. В детях он считал себя неудачником. Устю он любил, как любил все принадлежавшее ему, но с самого ее рождения усвоил, что это не добытчица, вертопрах, журавль в небе, и продолжал жалеть о мальчике. Уж этот был бы настоящим наследником! А дочь... Что дочь! Надев длинную юбку, кривляется на сцене, ловит каких-то козявок, прикалывает эту гадость булавками на картон и вообще занимается черт знает чем.

Замечая на себе недружелюбные, насмешливо-презрительные взгляды отца, Устя бессознательно сторонилась его, оберегая свой интимный мир от грубого и неуважительного вторжения. Эта усмешка, как липкая грязь, поганила все, что было для нее святым. Она собиралась с комсомольцами на воскресник в колхозный сад, и Аверкий, кривя под сивыми усами губы, обязательно говорил: «Выезжает на вас, дураках, председатель-то! Трудодня, небось, не запишет!..»

Устя возвращалась из клуба после репетиции, возвышенная, полная неясного, но сладкого предвкушения артистического успеха, и неизменно слышала от отца: «Ты бы лучше на базар с молоком съездила, чем пыль-то в клубе подолом сметать!..» Она выбегала поутру на крыльцо, босая, счастливая, с туманом смутных снов в голове, охлестывала ладонями седую полынь у плетня, умывалась жгуче-студеной росой, и снова ее радость, как на преграду, натыкалась на отцовскую усмешку: «Росой да через серебро умываться — бела будешь. Мойся, мойся, а то черна, как головешка! Отмоешься — замуж скорей возьмут!..»

Тягостны и как-то мучительно-стыдны были для Усти дни, когда отец приезжал в село.

А тот по целым неделям жил теперь дома, не наведываясь на кордон. Хозяйством он там уже не занимался — землю вокруг кордона запустил, потому что уже не в силах был поднять ее и потому что на сельской усадьбе земля была лучше; скотину держал тоже в селе, где Настасья на правах колхозницы пользовалась выпасом, и только в страдную пору покоса увозил с собой Устю, чтобы та помогла ему выкосить лесные полянки, окрайки и просеки.

— Стари-и-ик, уйми-и-ись! — увещевала его Настасья.— Ну почто тебе это сено с палками? Я в колхозе лугового получу — чистый мед. Под крышу сеновал забьем.

— Ишь, забогатела! И это сгодится,— ворчал Аверкий.

Не в его природе было проходить мимо того, что само давалось в руки...

Зимой зачастил к Аверкию новый лесник, Ванька Жаринов. Был он парень пустой, хвастливый, ломал перед объездчиками большого начальника и нагло вымогал у них на водку. Кроме того, у него была еще одна особенность, доставлявшая окружающим большие неудобства. Начав рассказывать что-нибудь, он тут же сбивался на другое, с этого на третье, и вместо человеческого разговора получалась какая-то чудовищная по своему

изнурительному воздействию на собеседника болтовня без конца и смысла. Да и собой был Ванька непригож: пустоглазый, с вдавленным переносьем, поросячьей щетинкой на белом подбородке и бледными, точно неживыми губами.

Вместе с Аверкием он приезжал в Токовец, садился за стол и сразу же заводил свой бестолковый разговор:

— Присмотрел я, значит, собаку, купил, поехал к Демину пробовать. Стой, говорю! Я тебя, милака, прищучу, ежели догляжу. Дрова сейчас на базаре почем? По сто куб, да? Туда-сюда съездишь, там-сям выпьешь, домой тоже надо. Отец ругается, а я ему: брось, маленький я, что ли!

Первой его болтовню обычно не выдерживала Настасья. Хлопнув дверью так, что сломанные ходики, точно испугавшись, начинали исступленно тикать, она уходила в горницу и, сердито расшвыривая там по кровати подушки, кричала нарочно громким голосом:

— Устинья, спать! Смотри, завтра рано подыму!

За столом перед ополовиненной поллитровкой оставались Ванька и Аверкий.

— Я ему прямо сказал: ты, Кузьма, держи хвост дудкой. За собаку я тебя с потрохами съем,— болтал Ванька, хрустя соленым огурцом.— Мне какая от этого выгода? Смотрю, новую бескурковку купил. Я его прижму, субчика, ежели замечу.

У Аверкия давно уже смыкались глаза, но Ванька после каждой фразы делал короткую паузу, ожидая от Аверкия согласного кивка, и тот кивал, поддакивал, ничего не понимая, пока не засыпал прямо за столом.

В тот год Аверкий рано увез Устю на кордон. Косить еще не начинали, но он сослался на то, что в сторожке грязь, клопы, тараканы и всю ее нужно прошпарить кипятком.

Настасья отпустила Устю неохотно.

— Ты, старик, вижу, не дело затеял,— напутствовала она Аверкия.— Зачем Устинью с Ванькой сводишь? Думаешь, я слепая. Муж с женой, что вода с мукой,— сболтать сболтаешь, а разболтать не разболтаешь. В этом деле ошибиться нельзя.

— Эх, мать, мать! — укоризненно качал головой Аверкий.— Хоть и поставили тебя бригадиром, а ума ты за свой век не нажила. Ведь задушит он меня, как мышь какую-нибудь, ежели Устя за него не пойдет!

— Что-то ты загибаешь, старик...

— Ничего не загибаю. Кто я без лесника? Ноль без палочки. Поленом гнилым не могу попользоваться. Тут какая механика... Не успели, скажем, фабрика или гортоп вывезти в срок дрова, сейчас лесхоз тут как тут. Эти дрова по закону уже его. А сколько их не вывезено, один лесник ведает. И захочет он объездчику потрафить — потрафит, а не захочет — свищи в кулак.

— Уж точно, механика! — усмехнулась Настасья.

— Про то и говорю. Будет Ванька зятем, мы с ним такие дела завертим: тысячные!

— Ну и попадетесь вместе.

— Небось. Так тонко изделаем, комар носу не подточит.

— Я тебе, Аверкий Ильич, вот что скажу,— нахмурилась Настасья.— Брось ты свои темные дела. Не в струю они нашей с Устей жизни. А не хочешь по-людски жить, честно да прямо,— вот бог, а вот порог.

— Настасья! — рассвирепел Аверкий.

— Ну что Настасья? Была Настасья без счастья, да нашла в одночасье.

После этого разговора Аверкий, обычно заискивающе-почтительный с лесником, стал встречать его сухо и неприветливо.

«Одна болтовня с тебя, малый,— думал он, слушая Ваньку.— Эдак я только водку зря травлю».

Надо было показать, что он недоволен лесником, и как только грязно-белая Ванькина лошадь появлялась из-за сосен, Аверкий делал вид, будто занят работой и ему страсть как не хочется отрываться. Он с маху тыкал на стол посуду, хлеб, закуску и грубо говорил:

— Садитесь, что ли! Нечего там топтаться.

Они молча выпивали по первой. Устя сидела в сторонке, остамело прислонясь к печке прямой спиной.

— Видел я сегодня в овраге синюю глину,— заводил Ванька.— Эт-то был, значит, у меня дед — гончар. Так тот, знаешь, сколько мог выпить? У бабы одной, Краюхой ее звали, самогонный аппарат был. Ух, смешная баба! Как-то идем мы с ребятами понад речкой, глядим, ейная корова стоит в воде чуть ли не по самый хребет...

Аверкий громко, протяжно зевал и, направляясь к двери, бросал на ходу:

— Пойти собаку привязать, надсаду эту. Лошадь не напужала бы.

Выйдя, он тихонько подкрадывался к окну и заглядывал в сторожку. Ванька все так же сидел за столом, чуть повернувшись к Усте, наливал стопку за стопкой и говорил, говорил, говорил...

Назад Аверкий уже не возвращался — заваливался в сенной сарай спать.

— А ты, парень, рохля,— сказал он однажды Ваньке, решив наконец действовать в открытую.— Вот уберемся с сеном, уедет Устя к матери — забудь тогда девку. Хочешь, чтоб твоя была,— не зевай. Ведь каждый вечер с глазу на глаз в сторожке-то остаетесь... После этого она уже никуда от тебя не денется, собачкой будет бегать. Учи вас, несмышленышей...

В тот вечер Аверкий уснул рано и, как всегда на закате солнца, спал тяжело, неспокойно. Когда он проснулся, из дверного проема, перечеркивая наискось густые потемки сарая, падал лунный свет. В его полосу попадали большие корявые ступни Аверкия, и он даже вздрогнул от испуга, увидев, какие они белые, точно неживые.

Чтобы не заронить огня, он сел на порожек и закурил.

Над лесом висела чуть подтаявшая с одного бока луна. Ее свет зажег на поверхности всех предметов холодное зеленоватое сияние, и оно мерцало и на коньке тесовой крыши, и на балясинах крыльца, и на стволах сосен, и даже на спине Ванькиной лошади, оцепеневшей, с опущенной долу мордой.

Что-то тупо стукнулось изнутри в стену сторожки.

— Папаня! — раздался оттуда приглушенный крик, и во дворе на него заливисто откликнулась собака.

Дверь в сторожку распахнулась, но ее опять с силой захлопнули. Аверкий бросился на крыльцо, накинул дверной пробой на петлю и сунул в нее железный костыль, висевший тут же на веревочке.

В дверь тяжело, должно быть, всем телом колотилась Устя.

— Папаня! Что же вы делаете?! Папаня!..

Потом на секунду все стихло, и Аверкий, прижавшись ухом к двери, услышал, как Устя, прерывисто дыша, сказала:

— Не подходи, гадина!

— Ишь ты, сдурела! — испуганной скороговоркой забормотал Ванька.— Брось... Брось, говорю! Не тычь в человека... Выстрелит невзначай. Нашла, дура, игрушку... Брось!

Аверкий выдернул костыль и распахнул дверь. Едва не сбив его с ног, Устя метнулась на крыльцо, белой тенью пробежала через залитый светом луны двор и скрылась за серебристыми стволами сосен.

Аверкий поднял с земли брошенное ею ружье.

Ванька, хоронясь за лошадью, дрожащими руками рвал от балясины узду.

— Ну и теля же ты, парень,— презрительно сказал Аверкий.— Дурак. Недотепа. Суслик.

Чтобы как-нибудь избыть душившую его злобу, он вскинул к плечу ружье, прицелился в ущербный диск луны и резко рванул спуск.

V

По звонкой пленке молодого льда на пруду ветер мел сухие листья. Пруд, как чаша, собиравшая в себя дары осени, постепенно наполнялся золотым лиственным тленом, и вскоре ветер начал выхлестывать его через край, мотовски разбрасывая по опаленной первыми заморозками траве.

Утром к пруду подошла лиса. Она была из породы огневок, и когда солнце холодным лучом скользнуло по ее спине, эту рыжевато-красную вспышку заметили с голой березы сороки, тревожной трескотней предупредившие об опасности всех, кому она могла угрожать.

Лиса хотела пить. Из-под ее лапы короткой судорогой пробежал от берега к берегу поющий звон, лед прогнулся, но не лопнул. И тогда она начала лизать его. Сороки не мешали ей. Они не имели памяти и, забыв про опасность, о которой сами предупреждали, слетали с березы на землю клевать бруснику.

И все-таки они не дали лисе насытиться скупой влагой пруда. Их трескотня предупредила мир о новой опасности. Лиса вымахнула

на крутой взлобок берега и расстелилась в беге по ржавой стерне полей, похожая на пламя костра, сорвавшееся с места и, всем на удивление, несущееся к застывшей синеве осеннего горизонта.

Из леса на крупной сильной кобыле выехал верховой. С хрустом руша копытами лед на лужах, лошадь прошла мимо пруда, мимо вертевшихся на березе сорок и, не обратив на них внимания, длинным размеренным шагом продолжала свой путь к селу, которое красновато поблескивало своими окнами сквозь голый березняк.

Верховой этот был Аверкий. Он заметно постарел, усы, поредевшие, истончившиеся, оставленные только по многолетней привычке, уже не украшали его сухого лица; на шее сбежались складки дряблой кожи, виски запали, но все еще твердо и остро смотрели зеленые, с желтым крапом лыковские глаза и уверенно-тяжела была рука, державшая поводья.

Когда Аверкий выехал на широкую улицу села, у прозеленевшего колодезного сруба стояла Устя и, чуть согнувшись набок, старалась поддеть коромыслом дужку ведра. Аверкий подъезжал к ней сзади, но под копытами лошади хрустела примороженная трава, и Устя, вздрогнув, оглянулась на этот звук.

— Мать дома?— угрюмо спросил Аверкий.

Устя не ответила. Она уже справилась с ведрами и быстро пошла к избе, чуть приседая на тонких ногах, которые свободно болтались в разношенных и загнувшихся зубчатыми раструбами валенках. Лишь на крыльце, став к Аверкию вполоборота, она тихо сказала:

— Не тревожили бы вы нас понапрасну. Чего ж теперь ходить?.. А мамы нет. В город на совещание уехала.

Дверь захлопнулась, и в сенях загремел деревянный засов. Не слезая с лошади, Аверкий ждал. Ему почему-то казалось, что Устя стоит за тонкой наружной дверью.

— Доча,— глухо сказал он,— неуж у тебя об родном отце душа не болит? Ведь один я на кордоне, как сыч. Помру, глаза прикрыть некому будет.

— А вы водки поменьше пейте. Оно, глядишь, и проживете еще лет со ста,— ответила из-за двери Устя.

В сенях послышались ее удаляющиеся шаги, и, точно обрезав их, тупо стукнула другая дверь. Аверкий рванул поводья. Лошадь рысцой вынесла его за околицу и снова перешла на свой длинный размеренный шаг.

Уже отпотела трава, на ней засверкала морозная роска; солнце до самой подошвы позолотило соломенные ометы; сытые зобастые вяхири летели от колхозных токов к лесу, а он все ехал по горбылистой дороге, не спеша возвращаться на опостылевший кордон. Над лесом, грозя закрыть солнце и распространяя в воздухе запах снега, громоздилась туча.

Аверкий, щурясь, глядел на нее из-под ладони. Близка уже и его зима, а он остался один, совсем один, как старый, беззубый волк в глухом логове. После той ночи, когда Устя убежала с кордона, он долго не появлялся в селе, потом решил сделать вид, что ничего не произошло, выкопал из ледника кусок мороженой лосятины и поехал домой. Там он бросил мясо в кухне на стол, сел на лавку и спокойно, как только мог, сказал жене:

— Гостинец привез. Кинь-ка на сковородку.

Настасья подошла и наотмашь хлестнула отмякшим мясом Аверкия по лицу. И он даже не пошевельнулся, даже не вытер с лица мясной сок.

...С тех пор прошло почти полгода. Тоска по людям, которой маялась когда-то на кордоне Настасья, подстерегла и Аверкия. Он стал боязлив, угрюм, суеверен. Вот и теперь он вздрогнул, когда под ноги лошади кинулся уже побелевший к зиме заяц, потянул поводья в сторону и долго плутал по объездным дорогам, прежде чем попасть на кордон.

Там его встретил полудикий пес, дальний потомок той Шельмы, которую он впервые привез сюда много лет назад.

Аверкий расседлал лошадь, затопил печь и пристальным, тяжелым взглядом уставился на огонь, теребя мягкие уши пса, пробравшегося к человеческому теплу.

За окном, легкие, пушистые, уже кружились белые мухи.

Владимирские стихи

В. ПОЛТОРАЦКИЙ

ВИШНЯ

Все кругом белым-бело!
То ли снегом замело,
То ли облако упало,
То ли лебедь растеряла
Белый пух из-под крыла?
Это нынче на рассвете
Наша вишня зацвела.

Ей весенний звонкий гром
Выстлал стежки серебром.
Прочертила путь ей молния
Размашистым пером.
Как невеста, ранним цветом
Наша вишня зацвела.
И пошла, в обнимку с летом,
От Владимира на Юрьев,
Мимо Доброго села.

ГРОЗА

Томился день,
Цедя густой
Тревожной духоты настой.
От той
Гнетущей духоты
Поникли травы и цветы.
И речка, тяжело дыша,
Таилась в чаще
Камыша.
И нездоровой желтизной
Над полем
Растекался зной.

Но, медленно
Клубясь, как дым,
Сначала пепельно-седым,
Потом багровым иссиня́,
Край неба
Стала осенять
Предгрозьем туча.
За бугром
Пророкотал
Далекий гром.
И вдруг,
Как бы взмахнув крылом,
Рванулся ветер
Напролом.
Дрожа,
Рассыпавшись, как ртуть,
Едва успевшая сверкнуть,
Слепя глаза,
Пришла гроза...
Напоминало это мне
Атаку танков
На войне,
Когда из-за укрытья
Вдруг
Моторов рвется
Грозный звук
И высверк молний
Режет даль,
Клубится пыль,
Скрежещет сталь;
И жизнь — на грани рубежа,
Как бы на острие ножа;
И вера,
Без которой нет
Ни самой жизни,
Ни побед...

РАДУГА

Текут облака белей молока,
Доносится звон подойника.
Желтые косы моет Ока
Душистым настоем донника.

Дождик косой пройдет полосой
И ляжет в луга незабудками.
Июнь над поймой звенит косой,
Поет пастушьими дудками.

Солнечным медом пахнет куга́,
Глаз веселя и радуя.
Встает над рекой крутая дуга —
Ра-
ду-
га.

АВГУСТ

Еще роса в кустах густа
И небо в ясной просини,
Но лег на щеки августа
Сухой румянец осени.

Под выцветшею челкою
Усталый взгляд с грустинкою
Следит за легкой, шелковой,
Летучей паутинкою.

Легко она, без тяготы,
Плывет над лугом скошенным,
Над вырубкой,
где ягоды
В траву горстями брошены.

За голубикой синенькой,
Меж ельника зеленого,
Горят костры осинника,
Уже посентябренного.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ ОБ ОТЦЕ

(К столетию со дня рождения К. Я. Крыжицкого)

Судьба моего отца решилась рано. Однажды, будучи учеником реального училища, Константин Крыжицкий по ошибке подал преподавателю вместо школьной тетради альбом своих рисунков.

— Да ты настоящий художник!— сказал учитель и посоветовал ему серьезно заняться рисованием. Совет учителя побудил старика Крыжицкого, человека делового и коммерческого, неодобрительно относившегося к увлечению сына искусством, все же согласиться на его поступление в киевскую школу рисования. Когда же молодой Крыжицкий решил продолжать учение в петербургской Академии художеств, отец лишил его материальной помощи.

В Петербурге девятнадцатилетний юноша терпит нужду, за гроши дает уроки, расписывает веера и тарелочки.

Профессор М. Клодт, в класс которого был принят Константин Яковлевич, сразу оценил способности ученика и даже предложил ему обменяться этюдами. Академию Крыжицкий окончил в 1884 году и уже через пять лет удостоился звания академика. Ему тогда шел тридцать первый год.

В своих ранних произведениях он «портретировал», пользуясь выражением Стасова, родную Украину. В дальнейшем отец писал природу Центральной России, Прибалтики, Норвегии, Финляндии.

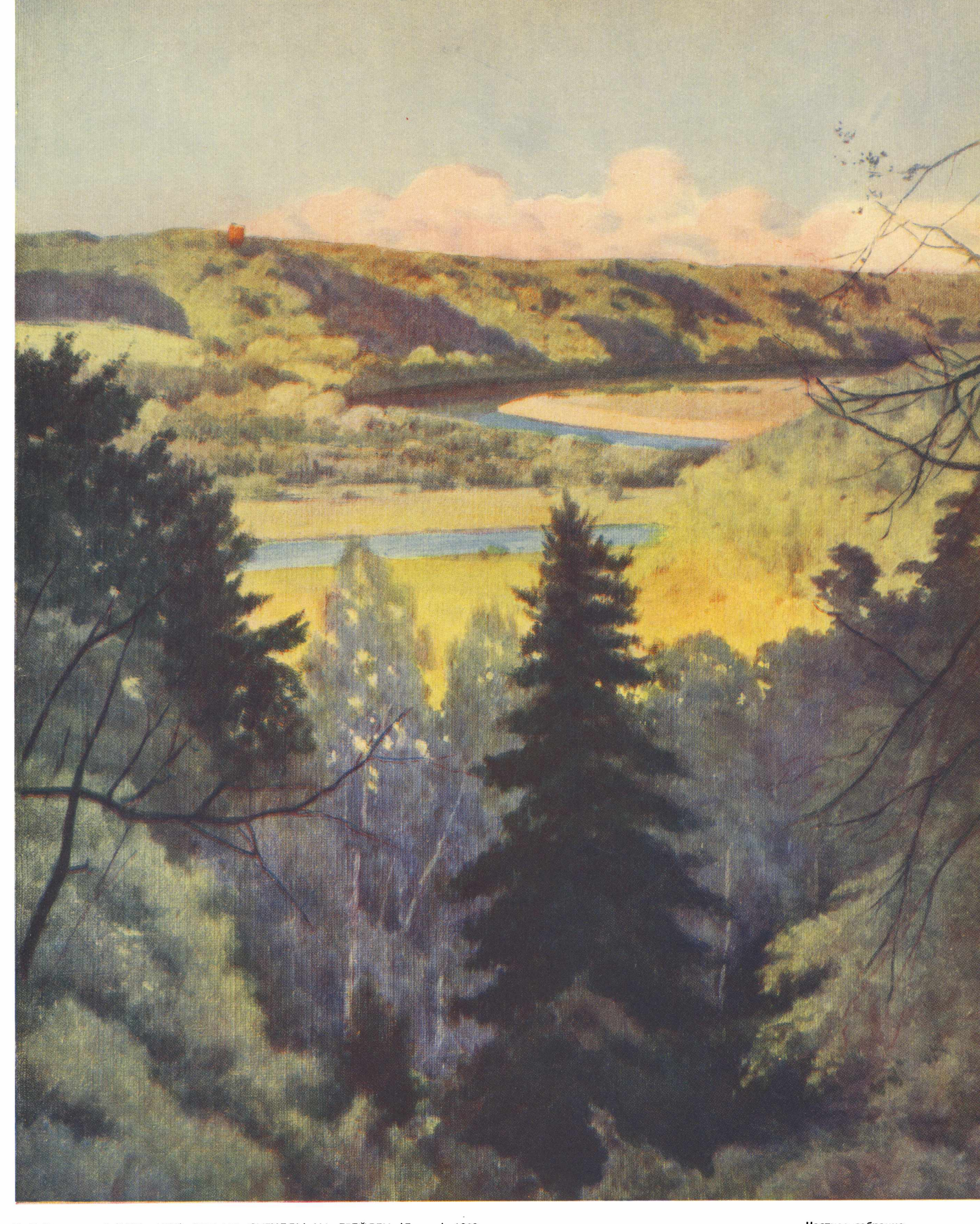
«Пишите все равно чем, только добивайтесь правды», — неустанно повторял он молодым художникам. Он учил их добиваться не внешнего правдоподобия, а раскрывать внутреннюю сущность изображаемого: «Душу природы вы не передадите, не вложив в нее своей».

Строгий реалист, отец был непримиримым врагом декадентов. Он умел совмещать упорный творческий труд с большой общественной работой. Действительный член Академии художеств, бессменный председатель жюри Весенних выставок, он всю жизнь стремился сплотить, объединить художников. С этой целью Крыжицкий создал Общество имени Куинджи и был избран первым его председателем. Общество отмечало и присуждало премии за работы реалистического направления. Это вызывало бешенство декадентов.

На Крыжицкого обрушилась клевета. Весной 1911 года некий Фома Райлян обвинил отца в том, что он якобы сплагиировал чужую картину. Третейский суд установил ложность обвинения. И хотя «это обвинение, — как пишет Рылов, — такого мастера, как Крыжицкий, было совсем нелепо, оно имело роковые последствия для изнервничавшегося художника. Крыжицкий покончил с собой».

Так отец ушел из жизни преждевременно, в расцвете сил и таланта.

Г. КРЫЖИЦКИЙ

К. Я. Крыжицкий (1858—1911). ВИД ИЗ СИГУЛДЫ НА ТРЕЙДЕН (Латвия). 1903 год. Частное собрание.

К. Я. Крыжицкий. ОСЕНЬ. 1908.

Куйбышевский городской художественный музей.

Медная пуговица

Роман

Лев ОВАЛОВ

Рисунки П. КАРАЧЕНЦОВА.

18. ПЛЕМЯННИЦА ГАУЛЕЙТЕРА

В назначенный день я начал собираться в дорогу. Утром спустился во двор, осмотрел и заправил машину, до блеска протер ветровое стекло, чтобы как можно яснее был виден наклеенный на него пропуск. Проверил и зарядил пистолет. Побрился. Зашил в подкладку брюк документы, добытые в Риге. В последний раз обошел квартиру, в которой прожил больше года. В последний раз съел обед, приготовленный Мартой...

Около трех часов я зашел к ней на кухню.

— Дорогая Марта, сегодня я покидаю Ригу,— сказал я.— Меня будут искать и прежде всего будут допытываться у вас, куда я делся. Вам известно, что значат разговоры в гестапо. Мне кажется, вам надо уйти и не попадаться на глаза. Не сердитесь на меня за то, что я осложнил вашу жизнь...

— Не стоит извиняться, господин Берзинь. Вы старались не для себя,— ответила Марта, не изменяя своему обычному спокойствию.— Я все понимаю.

— Так уходите, Марта,— повторил я.

— Хорошо, господин Берзинь,—вежливо согласилась Марта.— Я сейчас соберусь.

Через полчаса она зашла попрощаться.

Продолжение. См. «Огонек» №№ 20—34.

В сейфе оставалось еще несколько золотых безделушек: девушки господина Блейка в последнее время совсем редко посещали меня.

Я протянул их Марте.

— Возьмите себе, это может вам пригодиться.

— Что вы, господин Берзинь! — испуганно произнесла она.— Если госпожа Янковская узнает, мне несдобровать.

— Она не узнает,— сказал я.— Берите, берите, все равно это мне уже ни к чему.

Она взяла эти колечки и брошки с большой нерешительностью. Мы пожали друг другу руки, я проводил ее до дверей.

— Счастливого пути вам,— сказала она уже в дверях.— Да сохранит вас господь!

Я запер за ней дверь и остался один.

В пятом часу я позвонил на квартиру Гренера Янковской.

— Вы никуда не собираетесь вечером? — осведомился я.

— Нет, мы дома, у нас соберется несколько друзей,— сказала она.— Будем рады вам, Август...

— Я приду часам к десяти,— сказал я.— Кланяйтесь от меня профессору.

Я хотел обезопасить себя от неожиданного вторжения Янковской.

Вскоре после ухода Марты раздался звонок, я открыл дверь и увидел перед собой... Гашке!

Пронин быстро вошел и торопливо закрыл дверь.

Мы даже не поздоровались.

— Что-нибудь изменилось? — спросил я.

Он, не раздеваясь, прошел в гостиную.

— Готовы? — спросил он.— Что собираетесь делать?

— Железнов говорил, что он докладывал вам,— ответил я.— В половине восьмого заберу его у «Даугавы» и сразу же двинем в Лиелупе.

— На чем? — нетерпеливо перебил Пронин.

— На моей машине,— сказал я.— Все подготовлено, машина заправлена...

— Далеко ли только уедете? — насмешливо спросил Пронин.

Они-таки появились, непредвиденные обстоятельства, которые предвидел Пронин!

— В связи с участившимися налетами советской авиации отдано распоряжение не выпускать из города ни одной машины без специального досмотра,— сказал Пронин.— И есть особое указание, касающееся вашей машины. Усилены контрольные посты, предупреждены полицейские. Вас задержат, как только вы очутитесь на окраине.

— Что же делать? — воскликнул я.— Как вы это узнали?

Пронин укоризненно на меня поглядел.

— А для чего, вы думаете, находится Гашке в гестапо? Распоряжение было отдано еще вчера. Польман — хороший оперативный работник. Он приказал во что бы то ни стало найти Чарушина и установить наблюдение за вашей машиной.

— Значит, все провалилось?

— Нет, не значит,— сказал Пронин.—Укрыть вас, конечно, мы бы смогли, но самолет вызван, сделает посадку. Риск увеличился, людей подводить нельзя, надо добиваться успеха...

И тут-то вступили в действие «подставные лошади» Пронина, о которых он обещал позаботиться!

— Свободно передвигаться, да еще ночью, могут только военные машины и машины гестапо,— сказал Пронин.— Ни одной из таких машин у нас нет. Но вы получите машину, которую никто не посмеет остановить...

Пронин на мгновение замолчал, прежде чем удивить меня своими словами.

— Вы поедете в Лиелупе на машине гаулейтера,— сказал он.— На машине самого Розенберга! Она подойдет к вашему дому в половине восьмого, может быть, чуть позже. На шофера можете положиться. Захватите у «Даугавы» Железнова и поедете в Лиелупе. Самое трудное — достать машину, но, думаю, удастся. В машине будет находиться дама, она поедет вместе с вами. По дороге вы высадите даму по ее указанию. Шофера возьмете с собой. Рассчитывайте на него, как на самого себя...

И вдруг Пронин замолчал.

Он еще раз взвешивал принятое им решение.

Я еще не видел Пронина таким. Дымка задумчивости пробежала по его лицу, затем он пристально заглянул мне в глаза, точно еще раз взвешивая, чего я стою, и потом уже, отогнав от себя все сомнения, протянул мне руку.

— Вот что, майор Макаров, слушайте внимательно,— тихо произнес он.— Есть еще одно дело. Не через Железнова, а лично хочу я вам дать это поручение. Вам доверяется задание особой государственной важности...

Он достал из кармана небольшой сверток.

Это был какой-то предмет, похожий на большой металлический портсигар, к которому проволокой был привязан плотный серый пакет.

— Здесь документы исключительной важности,— объяснил Пронин.— Их содержание вам не должно быть известно, впрочем, как и мне. Я сам имею только очень приблизительное представление о бумагах, находящихся в пакете. Чем скорее они очутятся в Москве, тем лучше. Для их пересылки не жалко направить любого человека. Я остановил свой выбор на вас. Вы отдадите их в штабе армии, и оттуда они уже сами перешлют их. Но...

Пронин осторожно протянул мне сверток, указал на запор портсигара, обычную метал-

лическую кнопку, украшенную темным зеленоватым камешком.

— Эта небольшая бомбочка имеет достаточно большую взрывную силу,— объяснил он.— Держите ее в кармане и не забывайте о ней ни на секунду. Могут произойти самые непредвиденные вещи, может возникнуть угроза, что вы попадетесь в руки противника. Так вот учтите: сверток попасть в руки противника не должен. Прежде чем это произойдет, вы нажмете кнопку, бросите сверток, и через секунду от документов не останется ничего.

Он опять заглянул мне в глаза.

— Понятно, майор Макаров?

— Так точно,— сказал я.— Прежде чем меня задержат, нажать кнопку.

— Так помните. Вам вверена государственная тайна, не говоря уже о многих жизнях...

Теперь мне стали понятны некоторые недомолвки Пронина при разговоре о моем отъезде из Риги: должно быть, он и согласился на мой отъезд, имея в виду это поручение...

— Есть, товарищ начальник,— сказал я.— Враг к этому пакету не прикоснется.

— Ладно,— ответил Пронин.— Я вам верю. Но, смотрите, берегите себя...

Он заботливо посмотрел на мой карман, где очутился столь опасный и драгоценный сверток, и ободряюще кивнул.

— И еще вот что,— сказал на прощание Пронин.— Запомните мой совет. В нашей работе излишняя торопливость погубила не одного хорошего человека. Все надо взвесить и обдумать. Но порой наступает момент, когда уже некогда оглядываться. Сейчас как раз такой момент. Теперь только вперед, все время вперед. Помните: темп, темп! Теперь это решает успех дела. Понятно?

— Понятно, товарищ майор,— сказал я.

Он еще раз кивнул и, что-то вспомнив, с любопытством взглянул на меня.

— Да, а пуговицу свою вы не забыли? — с усмешкой спросил он.

— Нет, она при мне,— сказал я.— Сувенир генерала Тэйлора!

— Ну, не совсем сувенир,— заметил Пронин.— Не возлагайте на нее больших надежд, но на всякий случай держите под рукой. Не зря же вам ее дали. Может статься, она сослужит свою службу.

Пронин выглянул в окно.

— Никого,— облегченно сказал он.—Пойду!

— Все-таки вы рискуете, товарищ майор,— упрекнул я его.— Заметят — несдобровать.

— Не волнуйтесь, я человек осторожный,— хладнокровно сказал Пронин.— С вашей квартиры снято наблюдение. Я немного в курсе оперативной деятельности гестапо. Все агенты брошены на поиски Чарушина. Немцы не слишком доверяют вам, но не подозревают того, что вы русский. Они убеждены, что после провала вашего шофера вы притаитесь и некоторое время носа не высунете на улицу... А что касается каких-нибудь случайных встреч, иногда приходится рисковать...

Совсем не в соответствии с моментом Пронин добродушно засмеялся.

— До свидания,— сказал он.— Кланяйтесь нашим.

И ушел, пренебрегая всеми страхами жизни.

Впоследствии, вспоминая о своих встречах с Прониным, я понял, что благоприятное стечение обстоятельств имеет, конечно, большое значение в таких делах, но еще большее значение имеет холодная и строгая предусмотрительность специально натренированного в этой области ума.

А что значило пребывание Пронина в гестапо и какую пользу приносил он, находясь там, я, пожалуй, вполне понял, только непосредственно ощутив его помощь...

Очень коротко я хочу рассказать о том, что происходило в течение двух часов, когда я ждал обещанной машины.

Действительно, на всем нашем пути к цели предусмотрительным Прониным заранее были приготовлены «подставные лошади», не всеми ими пришлось воспользоваться, но если бы он о них не позаботился, нам не сносить бы голов...

От меня Пронин отправился в один знакомый ему дом...

В этом доме его ждала дама. Он проводил ее на вокзал, где ей предстояло действовать уже без чьей бы то ни было помощи.

Находясь в самом волчьем логовище, Пронин был отлично осведомлен о всех обитателях этого логовища, знал всю их подноготную, все их семейные и дружеские связи...

Нужно было вызвать машину гаулейтера, но сделать это было не так просто. Машиной пользовались только сам гаулейтер и его семья. Шофер не мог выехать без специального вызова. Да и рискни он самовольно покинуть гараж, это привлекло бы внимание, не говоря уже о том, что он мог понадобиться хозяевам. Вызов машины не должен был возбудить никаких подозрений.

Сам барон находился в эти дни в Берлине, в его отсутствие машиной могла распоряжаться только баронесса.

В гестапо многие знали, что баронесса ждет к себе в гости племянницу баронессу фон Третнов, и ее-то Пронин решил выпустить на сцену...

Поезд из Кенигсберга только что пришел.

Очень красивая и элегантно одетая женщина остановилась перед кабинетом начальника станции, открыла дверь и, не затворяя, подошла к сидевшему за столом начальнику, надменно на него поглядела и опустилась в кресло.

— Господин начальник, соедините меня с домом барона Розенберга,— повелительно сказала она.

Приказание было отдано столь уверенно, что начальник станции не осмелился ослушаться: дама, по-видимому, не терпела возражений.

Он позвонил по телефону, правда, очень нерешительно: начальнику станции еще не приходилось тревожить гаулейтера.

— Попросите баронессу! — приказала незнакомка.— Скажите, что просит баронесса фон Третнов.

Она взяла у начальника телефонную трубку.

— Тетя? — сказала она спустя мгновение.— Это Ильза... Как откуда? Меня уговорил дядя... Почему экстравагантно? Я была в гостях у фон Шенбергов и решила заехать к вам... Вы пришлете машину?.. Нет, нет, самой не надо, я на вас рассержусь, если поедете... Нет, багажа нет, он придет завтра... Шофер найдет меня в кабинете начальника станции...

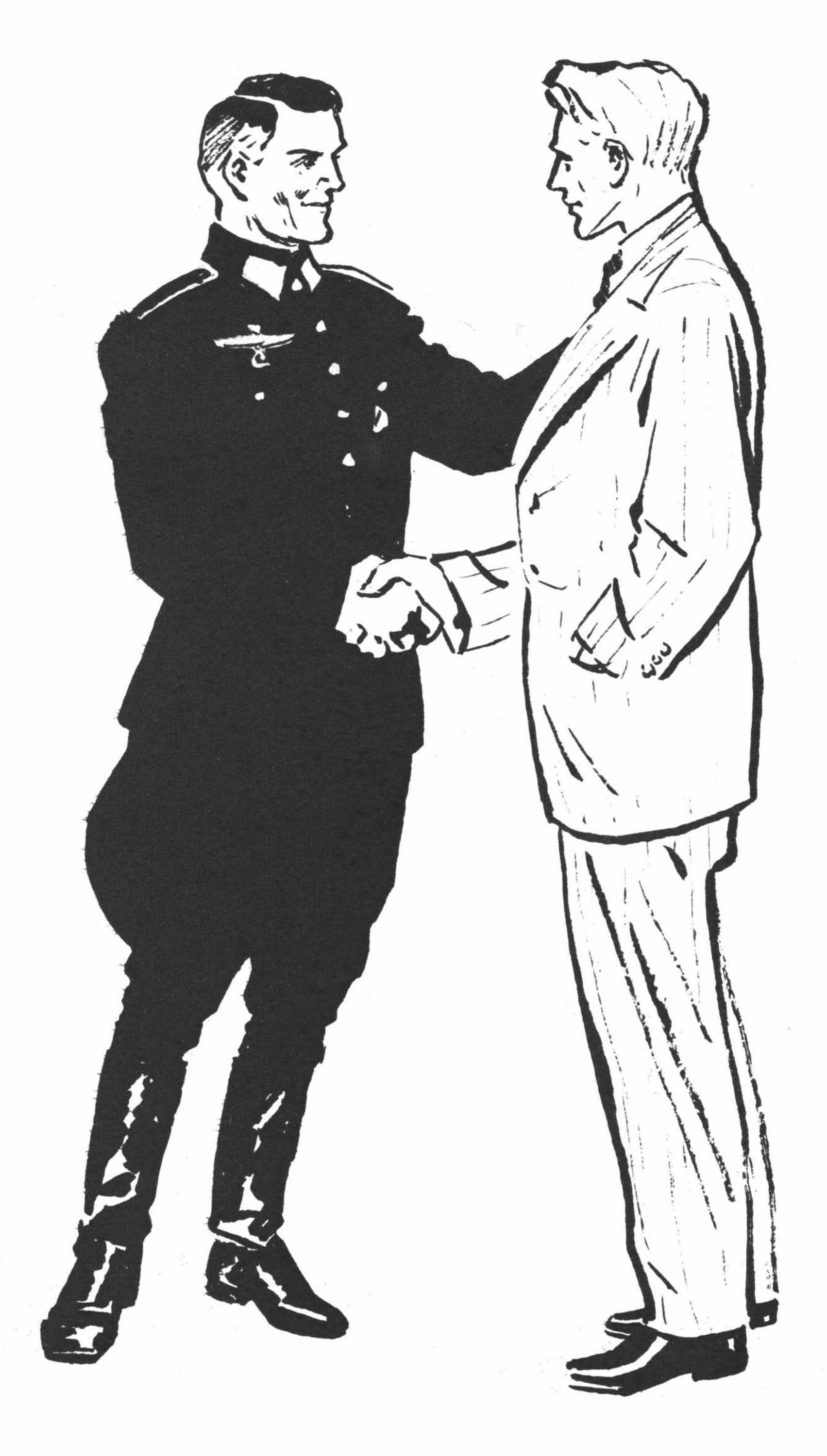
Если бы можно было представить, чего стоил этот семейно-светский разговор той, которая называла себя баронессой фон Третнов!

Через четверть часа в кабинете начальника станции появился личный шофер гаулейтера Эрнст Штамм.

Но не все обстоятельства удавалось предвидеть даже самому Пронину!

Почти одновременно со Штаммом в кабинете появились господин Польман и какой-то хлыщеватый офицер из канцелярии гаулейтера...

Пронин недаром хвалил деловые качества Польмана. Не успела баронесса фон Третнов

закончить разговор со своей тетушкой, как господин Польман был поставлен в известность о том, что машина гаулейтера выезжает за гостьей. Баронесса фон Третнов была влиятельной особой в берлинском обществе, и господин Польман, дипломат по характеру и карьерист по природе, решил самолично проводить столичную гостью в резиденцию гаулейтера. Он и в канцелярию гаулейтера сообщил о прибытии баронессы и для большей импозантности захватил оттуда себе компаньона.

Предполагалось, что Штамм встретит баронессу, заедет за мной, затем мы захватим Железнова и двинемся в Лиелупе.

Появление Польмана, да еще не одного, спутало все карты. Теперь баронессе приходилось ехать к тетушке.

Но гостья оказалась на должной высоте!

Она любезно встретила Польмана и его спутника, позволила им приложиться к своей ручке и заторопилась к машине.

Увы, Польман и его спутник собрались провожать ее до дома гаулейтера!

Та, которая называла себя баронессой фон Третнов, знала и мой адрес и как меня зовут,— она же должна была за мной заехать,— и вследствие непредвиденного осложнения с ее стороны последовала импровизация, не предусмотренная никакими режиссерами.

— Ах! — воскликнула она, когда машина отошла от вокзала.— Мне надо заехать по дороге в одно место! — Она кокетливо посмотрела на Польмана.— Господин обергруппенфюрер, вы не знаете здесь Августа Берзиня?

Польман насторожился.

— А вы откуда его знаете, баронесса?

Баронесса подавила смешок:

— Одна моя приятельница...

Больше она не сказала ничего; перед господином Польманом открывалось широкое поле для догадок.

Баронесса достала из сумочки какое-то письмо, пробежала его глазами, сделала вид, что нашла искомое место, назвала Штамму мой адрес.

Штамм повел машину в указанном направлении и остановил ее перед моим домом.

— Здесь!

Баронесса фон Третнов поднялась было с сиденья.

— Не беспокойтесь, баронесса,— любезно обратился к ней Польман.— Господина Берзиня может и не быть дома, я сейчас узнаю и передам, что его желают видеть...

— Ах, нет, нет! — капризно воскликнула гостья.— Я не отпущу вас от себя! Мы попросим...— Она повернулась к шоферу.— Поднимитесь, пожалуйста,— обратилась она к Штамму.— Попросите господина Берзиня спуститься вниз, если, конечно, он дома...

Штамм взбежал по лестнице, позвонил.

С этой минуты я тоже вступил в игру.

Я уже давно ждал звонка, открыл дверь и увидел перед собой плотного пожилого человека в форме немецкого фельдфебеля. Он взглянул, в свою очередь, на меня. Описание, по-видимому, совпало с оригиналом.

— Это вас я должен отвезти в Лиелупе? — спросил фельдфебель.

— Да,— ответил я.— Поторопимся!

— Не спешите,— сказал он.— Знаете, кто меня послал?

— С вами должна быть дама,— сказал я.

— К сожалению, она не одна,— сказал шофер.— Кроме нее, в машине начальник гестапо и офицер из канцелярии гаулейтера: они увязались ее провожать. Мне велено передать, что баронесса фон Третнов просит вас спуститься.

— Как же быть? — спросил я.

— У вас, конечно, есть оружие? — спросил шофер.

Я похлопал себя ладонью по карману.

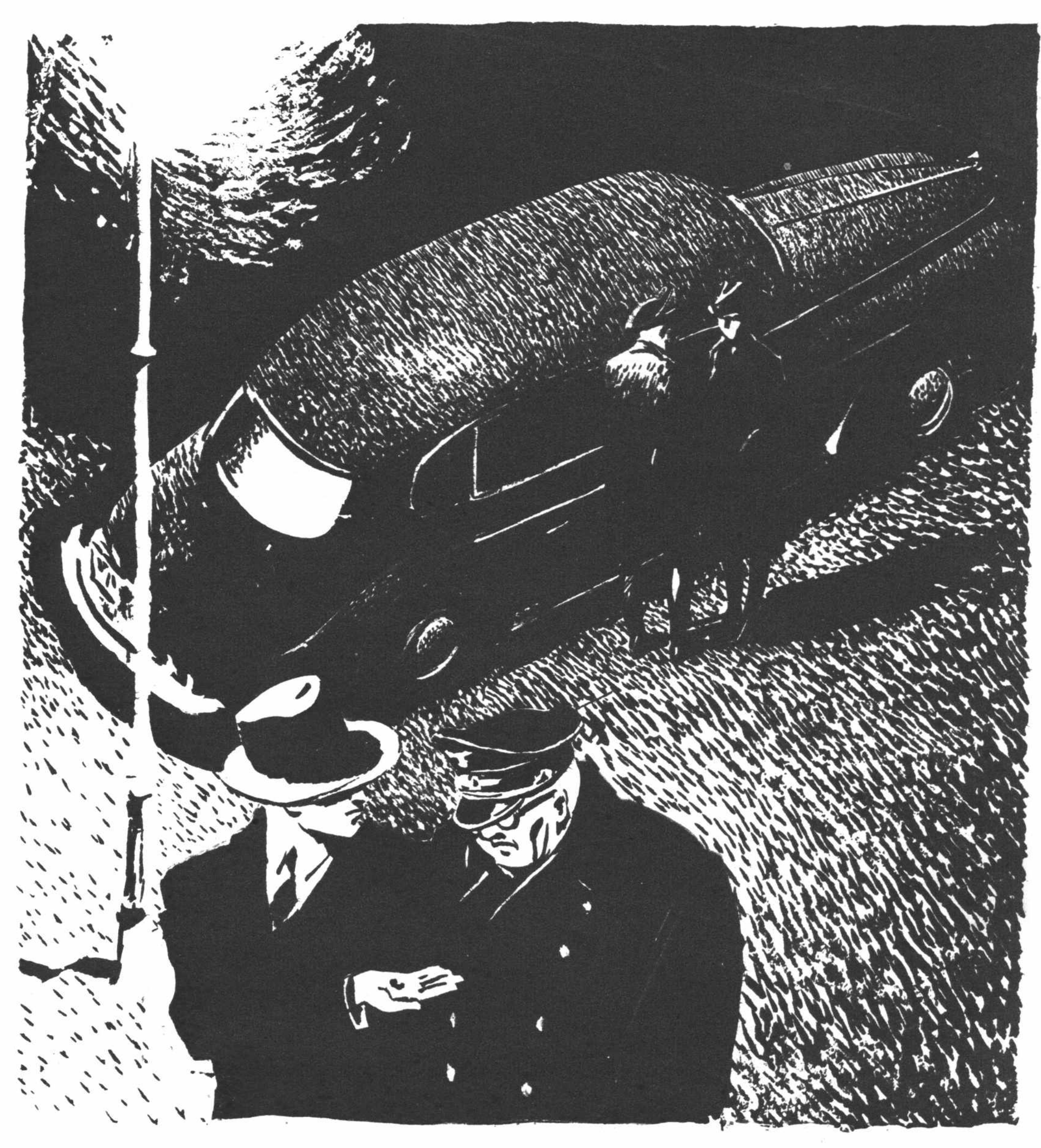
— И у меня есть,— сказал шофер.— Я передам, что вы просите господина Польмана и его спутника подняться. Полагаю, мы с ними справимся, другого выхода нет.

Раздумывать было некогда.

— Зовите,— согласился я.

Штамм спустился и через минуту поднялся опять.

— Его не проведешь,— с досадой сказал он.— Польман говорит, чтобы вы сами спустились.

Заставлять даму ждать себя больше было бы неприлично, я спустился. Штамм распахнул дверцу машины.

Дама протянула мне руку.

— Господин Берзинь?

Я поцеловал ей руку и раскланялся с Польманом и незнакомым мне офицером.

— К вашим услугам, баронесса!

Мне показалось, что я ее где-то видел...

Баронесса кокетливо посмотрела на своих спутников.

— Господа, мне необходимо посекретничать с господином Берзинем. Моя приятельница...

Польман неохотно вышел из машины, офицер последовал за ним. Они остановились неподалеку.

Рвануть, дать газ и умчаться под носом у Польмана было невозможно, он тотчас же организовал бы погоню; пристрелить его на улице тоже было нельзя.

— Как от него отвязаться? — вполголоса спросила меня та, которая называла себя баронессой фон Третнов.

— Черт его знает! — пробормотал я...

Положение, как говорится, было безвыходное, и тут я припомнил многочисленные намеки Янковской по поводу Польмана. Гренер был связан с заокеанской разведкой, а ведь именно Гренер добивался назначения Польмана в Ригу. Янковская все время называла его своим человеком. Вспомнил я и то, что говорил мне Тэйлор, и решил воспользоваться своим талисманом. Янковская пророчила, что он выручит меня в трудную минуту.

— У меня есть одно средство,— сказал я незнакомке и подошел к Польману.

— Господин обергруппенфюрер, разрешите попросить вас на два слова.

— Что вы хотите? — недоверчиво спросил Польман, идя за мной.

Я остановился под фонарем, порылся в кармане и разжал ладонь со своей пуговицей.

— Вам приходилось видеть подобную безделицу?

Польман ничем не выразил своих чувств, но не думаю, чтобы вид этой медяшки привел его в восторг.

— Откуда она у вас? — бесцеремонно спросил он.

— Купил у одного оборванца,— невозмутимо ответил я.— Я ведь коллекционирую пуговицы, милейший Польман.

— Сейчас не время шутить,— оборвал он меня.— Я слышал об этих трилистниках. Вы получили ее от этого...

Однако он не осмелился произнести имя Тэйлора.

— От кого бы ни получил, трилистник, если мне не изменяет память, считается символом счастья. И я решил проверить свой талисман на вас!

В ответ на это Польман криво улыбнулся.

— Мне не все ясно в вашем поведении, капитан Блейк, но, судя по этой эмблеме, вам покровительствует...

Он опять не договорил, кто мне покровительствует.

Тогда я перешел в наступление.

— У нас один покровитель,— грубо сказал я.— Генерал Тэйлор!

— Тс-с-с! — зашипел на меня Польман.— Не называйте его!

— Вы мне мешаете, Польман,— произнес я как можно небрежнее.— У меня с баронессой особые дела.

— Подождите, войдем в подъезд,— остановил меня Польман и повернулся к своему спутнику.

Тот стоял с баронессой у машины.

— Кюнце, я поднимусь на несколько минут! — крикнул ему Польман.— А вы не отходите от машины...

Я понял, что и гостья, до тех пор, пока не будет сдана с рук на руки своей тетке, и с этого момента даже я сам находимся как бы под конвоем.

Мы поднялись по лестнице и остановились на площадке перед моей дверью.

— Говорите! — раздраженно обратился ко мне Польман.— Чего вы от меня хотите?

Нет, убивать его не было расчета...

Если бы даже удалось убить и самого Польмана и его спутника, в лучшем случае через какие-нибудь полчаса поднялась бы такая паника, что вряд ли нам удалось бы ускользнуть от погони...

Живого Польмана я еще мог нейтрализовать на какое-то время, но мертвый он принялся бы преследовать меня с места в карьер.

— Слушайте внимательно, Польман,— сказал я возможно более спокойно и деловито.— Я выполняю особо ответственную операцию по личному указанию... Ладно, не будем его называть, вы знаете его имя! Попробуйте только ее сорвать! С нашим шефом шутки плохи...

Несмотря на слабый свет на лестнице, я заметил, что Польман побледнел от волнения.

— Вы хотите сказать, что вас решили...

— Вас не должно интересовать, что там решили, если не сочли нужным поставить вас об этом в известность,— произнес я возможно более пренебрежительно.— Забудьте, что вы начальник гестапо. Сейчас я вижу в вас сотрудника другого ведомства...

— А... список? — неуверенно спросил Польман.— До того, как будет получен список...

— Список передан по принадлежности,— ответил я.— Мне уже дано другое задание!

— Гренеру?! — Польман с трудом сдержал свое волнение.— Он-таки обошел меня!

— Ну, это уж меня не касается,— примирительно заметил я.— А сейчас мне нужно, чтобы вы оставили меня с баронессой и захватили с собой своего фендрика...

Польман угрюмо покачал головой:

— А если я...

Я сдержанно ему пригрозил:

— Жалеть об этом придется не мне!

Он отвел от меня свои глаза.

— Хорошо,— неохотно согласился он.— Если резидент подтвердит ваши полномочия, я не буду мешать...

Я не знал, кого он имел в виду, но подумал, что скорее всего это мог быть Гренер.

После этого короткого, но выразительного разговора мы вернулись на улицу и подошли к машине.

— Дорогая баронесса, господин обергруппенфюрер приносит вам тысячи извинений,— галантно произнес я.— У него возникла необходимость срочно побывать в своей канцелярии, но он надеется, что ни с вашей стороны, ни со стороны вашей тетушки не встретится возражений, если он завтра заедет засвидетельствовать вам свое почтение.

Польман только молча поклонился.

Баронесса милостиво пожала ему руку.

— Пойдемте, Кюнце,— промолвил Польман своему спутнику.

Я сел в машину, Штамм взялся за баранку, и мы поехали. Я наклонился к шоферу:

— Я не знаю, как вас зовут...

— Штамм,— сказал он.

— Товарищ Штамм,— предупредил я его,— на минуту задержитесь у гостиницы «Даугава», а затем жмите изо всей мочи.

— Я знаю,— ответил он.

Та, которая называла себя баронессой фон Третнов, не вмешивалась в наш разговор и вообще не произносила больше ни слова.

Минут через пять мы подъехали к «Даугаве». Можно сказать, мы даже не останавливались. Железнов сел в машину почти что на ходу. Он был в мундире гауптштурмфюрера, и я бы не сразу его узнал, если бы не был предупрежден о маскараде.

Я прекрасно понимал, что Польман не замедлит обратиться к Гренеру и что нам важен каждый час выигранного времени...

Мы мчались по улицам Риги, и я напряженно соображал, какое препятствие можно воздвигнуть на пути наших преследователей.

Дорога была каждая минута, но мне подумалось, что для задержки противника стоило пожертвовать даже десятком минут!

— Товарищ Штамм, поезжайте к цирку,— приказал я.— Остановитесь неподалеку и ждите. Я вернусь самое большее через четверть часа.

— Для чего это? — спросил Железнов.

— Потом, потом! — бросил я ему.— Сейчас нет времени.

Штамм затормозил перед цирком, и я бегом устремился к артистическому подъезду.

— Где господин Гонзалес? — крикнул я на ходу какому-то цирковому служителю.— Проведите меня!

Я не видел Гонзалеса с того памятного вечера, когда он исполнял свою серенаду под окнами госпожи Лебен...

Он встретил меня в коридоре, одетый в темное пальто, накинутое поверх расшитого блестками камзола.

Гонзалес почти не изменился, разве чуть обрюзг и стал еще мрачнее.

— Добрый вечер, синьор Гонзалес,— поздоровался я.— Вы еще не отказались от госпожи Янковской?

— Что вы хотите этим сказать? — мрачно спросил он, не отвечая на мое приветствие.

— Мне некогда, но я решил оказать вам услугу,— сказал я, не обращая внимания на его тон.— Если вы еще не оставили намерения привести на свое ранчо госпожу Янковскую, вам следует что-то предпринять. Сегодня ночью Янковская и Гренер собираются покинуть Латвию, а господин Польман должен организовать их отъезд. Если вы поторопитесь, вы успеете еще ее задержать. Самое главное, помешайте Гренеру стакнуться с Польманом!

— Не знаю, что побудило вас сообщить мне об этом предательстве,— произнес он свистящим шепотом.— Возможно, она пыталась обмануть вас, как и меня, но у вас не хватает характера для мести...— Он протянул мне руку.— Можете рассчитывать на мою благодарность!

И устремился к выходу, опережая меня.

Кто-то закричал ему вслед:

— Рамон, Рамон, а как же ваш выход?!

Но Гонзалеса уже след простыл...

Я не сомневался в том, что он не замедлит появиться в квартире Гренера и внесет немалую сумятицу. Появление Гонзалеса предвещало по крайней мере хороший скандал. Во всяком случае, он близко не подпустит Польмана к Гренеру, пока там разберутся, что к чему. Я был убежден, что благодаря темпераменту техасца мы получим значительную фору во времени!

Машина ждала неподалеку от цирка.

Штамм коротко спросил:

— Ехать?

— И побыстрее,— ответил я.— Больше нам задерживаться нечего!

Штамм прибавил газу, и мы понеслись через город. Вся Рига знала машину гаулейтера. Мы неслись с такой скоростью, что шуцманы не успевали нас приветствовать.

— Однако вы заставили меня поволноваться,— упрекнул Железнов.

— Если бы ты знал! — только и ответил я...

Мы миновали пригороды Риги и вынеслись на шоссе.

— Все-таки желательно было бы объехать контрольные посты,— проговорил Штамм.— Будет лучше, если никто не увидит, в каком направлении ушла наша машина.

— А разве вы не знаете, где контрольные посты? — удивился Железнов.

— В том-то и дело, что знаю,— сказал Штамм.— Я всегда езжу мимо контрольных постов и не знаю, как их объехать.

— Вы ориентируетесь по карте? — спросил я Штамма.

Я достал карту окрестностей Риги, которая имелась у Блейка, мы задержались на минуту, выбрали дорогу, на которой была наименьшая вероятность с кем-либо встретиться, и помчались опять.

— Загляните под сиденье! — крикнул Штамм.

Под сиденьем мы нашли автоматические пистолеты — это оружие было посерьезнее того, что лежало у меня в кармане,— и, кроме них, еще ракетный пистолет и несколько ручных гранат.

Мы тут же поделили между собой пистолеты и гранаты, и я как-то увереннее стал вглядываться в ночную тьму.

Штамм вел машину на предельной скорости.

Я посматривал на нашу спутницу...

Наконец-то я ее узнал! Эта была та самая девушка, которая сопровождала Пронина в Межапарке. За то время, что я ее не видел, она сильно похудела, а нарядный костюм очень изменил ее внешность...

Я хотел ее спросить, помнит ли она меня, но она держалась столь отчужденно, что я так ее ни о чем и не спросил.

Приблизительно на полдороге к Лиелупе наша «баронесса» обернулась ко мне и указала на окно.

Я помнил слова Пронина.

— Штамм! — крикнул я.— Стойте!

Он тотчас остановился.

Наша незнакомка открыла дверцу.

Вокруг была сплошная ночь, машина тонула в темноте, лишь где-то вдалеке мерцал слабый огонек.

— Прощайте, товарищи,— сказала наша спутница и выскочила из машины.

— Как вы будете добираться в такой темноте? — участливо спросил ее Железнов.

— Ничего,— ответила она.

Мы услышали, как под ее ногами зашуршал гравий, ее фигура мелькнула, точно неясная тень, и тут же пропала.

Мы сразу потеряли ее из виду.

Я с опасением посмотрел в черную пустоту. Куда она пошла? Что ждет ее в этом мраке? Должно быть, у нас у всех было тревожно на душе...

— Поехали, товарищ Штамм,— сказал Железнов.

Мы опять понеслись вперед.

Теперь, оставшись втроем, мы распределили наши роли, каждый должен был знать, что ему в том или ином случае придется делать.

Стремглав миновали Лиелупе, свернули на знакомую дорогу, и перед нами появились очертания высокой каменной ограды.

Над аркой горела лампочка, ворота были раскрыты.

— Что за черт! — воскликнул я.— Почему раскрыты?

— Ничего нет удивительного, нас ждут,— объяснил Железнов.— Надо полагать, Пронин позвонил и предупредил охрану, что на аэродром Гренера выехал гаулейтер.

Штамм сбавил скорость, и мы въехали в ворота. Навстречу бежал начальник охраны, эсэсовский офицер, с поднятой для приветствия рукой.

Окончание следует

51 час в пути

Юл. СЕМЕНОВ

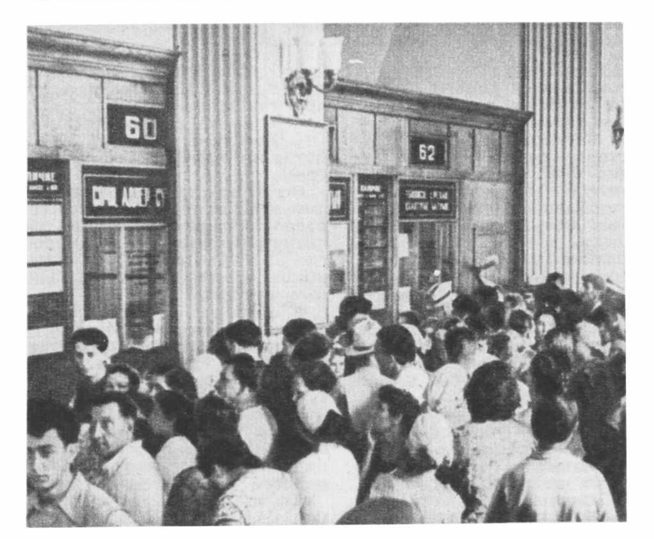
Фото автора.

В жизни каждого человека, даже самого убежденного домоседа, в конце концов наступает момент, когда надо покинуть привычный уют квартиры и сесть в поезд.

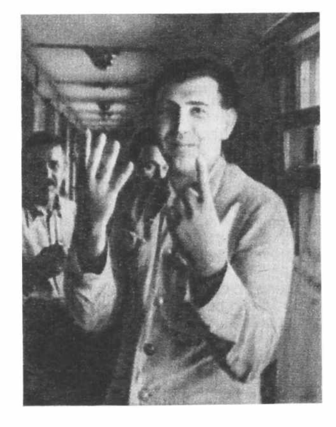
Одни едут в командировку, другие — на новое место работы, третьи — в экспедицию.

Одних поезд привозит в глухую тайгу, других — в пески Азии, третьих — в леса севера. Есть поезда угля, алмазов и стали — сибирские поезда. Есть поезда хлеба — целинные, а есть особые поезда — поезда отдыха. Пассажиры этих поездов, на славу поработав целый год, едут к безбрежной лазури моря. Настроение у них так же безоблачно, как и южное небо. Их ждет заслуженный отдых, радость, веселье. А что ждет их в пути? Как будут обслуживать их в те пятьдесят один час, пока они будут ехать, скажем, из Москвы в Батуми?

Но прежде чем ехать, надо купить билет.

На этом кончается лирика и начинаются будни. Вот так покупают билеты на Курском вокзале.

Когда поезд тронулся, проводник вагона № 5 поезда № 3/4 Москва — Батуми П. Еремин сказал:

— В моем вагоне шесть свободных мест...

В пяти других вагонах этого поезда оказалось 29 свободных мест!

Тула. Стоянка поезда пять минут.

— Что продаете, хозяюшка?

— Кекс «С приветом».

— Ясно. А как в смысле помидоров?

— А вон там, на базаре. Метров пятьсот, не больше. Бегите, может, успеете.

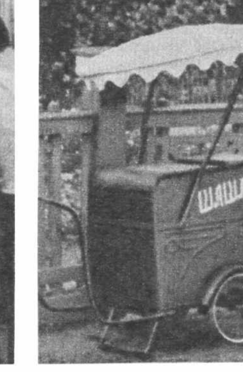

А вот на станции Курганная базар находится рядом с перроном. Это очень удобно. ↓

Так торгуют шашлыками на перроне Ростовского вокзала. Очень хорошо торгуют.

А вот так на станции Крыловская; что называется, шашлык по-крыловски.

Директор вагона-ресторана № 916 покупает на станции Курганная огурцы. Стоят они здесь десять — пятнадцать рублей ведро. А в вагоне-ресторане один салат из огурцов (правильнее сказать, из огурца) стоит 2 рубля 20 копеек. →

Мы перечислили лишь некоторые факты. А писать можно еще о многом: и о хорошем и о плохом. Можно писать о чистоте в вагонах, о заботливости проводников. Но можно писать и о том, что грязное белье хранится в том же помещении, где разливают чай, что в общих плацкартных вагонах пассажиру негде переодеться, что из двенадцати вагонов нашего состава десять были душными, ибо окна в них открыть нельзя, открывается лишь узенькая щелочка.

Многое сделано нашими железнодорожниками для улучшения обслуживания пассажиров, но многое ждет еще своего решения. Это должны знать руководители Министерства путей сообщения, Министерства торговли СССР, местные Советы таких, скажем, «безбазарных» станций, как Поныри, Скуратово, Тула...

Надо сделать так, чтобы пассажиры поездов начинали свой отдых не на конечной станции, а уже в купе поезда.

На Центральной машиносчетной станции Всесоюзной переписи населения.
Фото Я. Рюмкина.

ГЕНЕРАЛЬНАЯ РЕПЕТИЦИЯ

Огромный зал. Окон так много, что одна его стена кажется сплошь стеклянной. Выстроившись в ряд, стоят счетные машины. Оператор закладывает в автомат чистый бланк таблицы и пропускает перфокарты через машины. Проходят секунды, и на таблице уже появились первые цифры. Машина сама подсчитала, сколько людей каждой национальности живет в Болотнинском районе, Новосибирской области, и напечатала итоги подсчета.

— А теперь она «расскажет» о профессиях жителей этого района,— говорит Василий Николаевич Криушин, начальник Центральной машиносчетной станции переписи населения.

И действительно, машина языком цифр начинает «рассказывать».

— Наши помощники,— продолжает Василий Николаевич,— владеют и даром обобщения. Посмотрите.— Он показывает таблицы, из которых видно, сколько в районе детей в возрасте одного года, двух, трех, четырех лет и так далее.— А вот сейчас эта же машина «расскажет» нам, сколько всего в районе детей, подростков, людей уже в возрасте, когда можно уходить на пенсию.

Оператор нажимает кнопку пульта управления, и сразу появляются новые цифры.

— Наши помощники еще и проверяют нас.— Василий Николаевич переходит от одной машины к другой.— Каждому человеку свойственно ошибаться. Могут сделать ошибку и счетчик и шифровальщик. А машины проверяют, правильно ли составлены перфокарты, и откладывают в специальный карман карточки с ошибками или с логически несовместимыми признаками. Значит, вкралась ошибка...

На машиносчетной станции Центрального статистического управления идет генеральная репетиция четвертой Всесоюзной переписи населения. Обрабатываются материалы пробной выборочной переписи, проведенной в нескольких районах страны.

В подсчете итогов переписи примут участие около полутора тысяч новейших счетных машин. На одной только Центральной машиносчетной станции их будет свыше четырехсот.

В. БЕЛЕЦКАЯ

52-й боевой вылет

Когда лейтенант Аркадий Ковязин вернулся из своего пятидесятого боевого вылета, однополчане поздравляли летчика с «юбилеем» и желали ему новых боевых удач.

— А мое пожелание такое,— сжимая широкую рабочую руку Ковязина, сказал командир эскадрильи,— совершить еще столько же вылетов, и тогда будет не грех съездить на недельку к родным.

Однако пожеланию этому сбыться не удалось. На следующий день, 4 ноября 1941 года, в пятьдесят первый раз вылетев на очередное задание, самолет лейтенанта Ковязина не вернулся на свой аэродром. Бомбардировщик сделал вынужденную посадку в тылу врага.

Надо было пробиваться к своим, но экипаж наткнулся на засаду.

Штурман Николай Колтышев при первой же ночной перестрелке пропал без вести. А командира машины Аркадия Ковязина и стрелка-радиста Михаила Коломийца гитлеровцам удалось захватить в плен.

Из лагеря неподалеку от Пскова они попытались бежать, но были схвачены в районе озера Ильмень. Потом нелегкая судьба развела боевых друзей. Их заподозрили в подготовке нового побега, и Ковязина отправили в Рижский лагерь. Жизнь там была каторжная. Голод косил людей десятками. Однако Аркадий Ковязин, сильный, плотно сложенный уральский парень, не падал духом.

Он не оставлял мысли о побеге. Но чтобы действовать наверняка, нужно было найти надежного друга. Таким другом в Рижском лагере оказался сержант Владимир Крупский, работавший кочегаром на аэродроме. Познакомившись, они стали неразлучными товарищами. И пришло время, когда летчик Ковязин высказал артиллеристу Крупскому свою заветную мысль: похитить немецкий самолет и перелететь на нем к своим.

Крупский помог Ковязину устроиться чернорабочим на аэродром.

Друзья тщательно готовились к осуществлению своего плана. Аркадий Ковязин не раз внимательно наблюдал за действиями летчиков, которые выруливали самолеты на взлетную полосу. Однажды, воспользовавшись тем, что немецкие летчики занимались в помещении комендатуры и на летном поле

Аркадий Ковязин.
Фото И. Тюфякова.

никого не было, Ковязин и Крупский решили наконец рискнуть. Выбор пал на самолет типа «Шторх-156», который находился в боевой готовности.

И вот Ковязин в машине. Волнуясь, он нажимает кнопки, стартер, но винт не работает. В кабину заглянул Крупский:

— Ты только не волнуйся. Никто ничего не видит.

На борту с правой стороны Ковязин заметил рычажок. Он потянул его и отпустил — рычажок встал на место. Потянул еще раз. Все стало понятно.

Вот уже заработал мотор. Быстро отбросив из-под колес колодки, Крупский забрался в самолет. Мотор заурчал, машина побежала по полю и вскоре взмыла в воздух.

Это был пятьдесят второй боевой вылет лейтенанта Ковязина, и закончился он успешно.

К линии фронта «Шторх-156» подошел на большой высоте, за облаками. Через полчаса друзья сели на родную советскую землю...

Сейчас Аркадий Михайлович Ковязин живет в Свердловске, работает монтажником в тресте «Уралэлектромонтаж». Со многими боевыми друзьями он переписывается. А вот где живет Владимир Крупский, не знает.

Н. НИКОЛАЕНКО,
Н. ВОСТОКОВ

Скрипка Сырмуса

Женщина с зачехленной скрипкой в руках вышла из кабины приземлившегося самолета и, приветливо улыбаясь, шагнула навстречу ожидавшим ее. Это прибыла из Лондона в Таллин вдова эстонского революционера, известного скрипача Юлиуса Эдуарда Сырмуса.

— Умирая, мой муж просил передать Эстонии свой любимый инструмент—скрипку Маджини,— сказала Вирджиния Сырмус.

...Служение революции и музыке с юношеских лет заполнило жизнь Юлиуса Эдуарда Сырмуса.

Юлиус Эдуард и Вирджиния Сырмус выступают в концерте.

В 1902 году он был исключен из Тартуского университета за революционную деятельность. Год спустя он поступил в Петербургский университет, продолжая свои занятия музыкой.

В 1905 году его друзьями стали революционные питерские студенты и матросы Кронштадта. Сырмус начал издавать на эстонском языке газету «Эдази» («Вперед»), которую вскоре закрыла царская цензура. Скрываясь от преследований, он эмигрировал. Но и в изгнании музыкант верно служил революции: доходы от концертов Сырмуса в Швеции, Норвегии, Финляндии посылались им на родину, русским революционерам.

В 1909 году в Париже эстонский скрипач встретился с В. И. Лениным. Владимир Ильич, горячо любивший музыку, исхлопотал для Сырмуса стипендию в музыкальной школе. Постоянной аудиторией эстонского музыканта стали рабочие многих стран. Особенно популярен он был среди горняков Уэльса.

В 1919 году английские консерваторы принудили Сырмуса покинуть Англию. Вернувшись в Петроград, он часто выступал перед русскими красноармейцами, перед бойцами эстонских коммунистических полков. Кончилась гражданская война. В 1922 году Сырмус приехал на гастроли в Эстонию. Буржуа, ненавидевшие революционера Сырмуса, всячески старались сорвать концерты своего соотечественника. Но народ горячо приветствовал его. С тяжелым чувством покидал он родные края. Это была последняя поездка Сырмуса в Эстонию.

В последующие годы он выступал с концертами в Англии, Германии, Бельгии, Голландии, всегда возвращаясь в Советский Союз.

Перед второй мировой войной Юлиус Эдуард Сырмус со своей женой, английской пианисткой Вирджинией, жил в Москве. Весной 1940 года Вирджиния уехала в Англию навестить мать и подготовить очередной концерт Сырмуса. А через несколько месяцев он вместе со всеми советскими людьми приветствовал народ Эстонии, восстановивший Советскую власть в своей республике. Однако музыканту не удалось дожить до возвращения в родные края: в августе 1940 года он умер. Его похоронили на Новодевичьем кладбище. На мраморной доске надпись: «Сырмус Ю. Э., 1878—1940, член ВКП(б) с 1905 года».

Документы о жизни Сырмуса и скрипку, так хорошо известную рабочим многих стран, Вирджиния Сырмус передала музею театра и музыки ЭССР.

Харри КЫРВИТС,
директор музея театра и музыки ЭССР.

ЩЕДРОЕ ДЕРЕВО

Стоит дом у дороги. Спрятан в глубине двора. Возле самого забора — огромное дерево. Светло-пепельного цвета ствол раздвоился, точно трудно ему одному держать огромную зеленую крону. Не пройдешь мимо такого дерева. Остановишься, залюбуешься.

Хозяйка увидела, как мы задержались возле ее двора. Подошла. Мы познакомились. Таисия Матвеевна Котырева, донская казачка, все свои семьдесят лет прожила в Аксае. Это дерево посажено в день ее свадьбы. Скоро ему пятьдесят лет.

— А что за дерево?

— Дерево? — переспросила женщина.— Грецкий орех! Не распознали?

И тут же добавила:

— Сажали люди на Дону грецкий орех, дай, думаем, и мы... Чего от людей отставать. Муж сажал, «дикий камень» под семя подкладывал. Вся наша жизнь прошла при таком свидетеле...

— А орехи собираете?

— Как же. Каждый год. Детишки едят. Соседям раздаем...

Но только ли лакомство дарит это дерево? Нет, оно гораздо богаче! Походишь по станицам, зайдешь во дворы, где растет орех, и услышишь о нем самые необычные истории.

В далекие времена с Востока, из Персии, Индии в батумский порт приходили пароходы, груженные ореховым деревом. Съезжались туда столяры, токари, каретники, оружейники. Толпились в порту, шумно торговались, глядя на пепельного цвета, точно покрытые серебром, драгоценные стволы.

Дерево ореха считалось такой ценностью, что, умирая, владелец дерева делил его между наследниками.

Семена ореха кочевали из

Шеф-повар Ф. Васильев (слева) и его китайские коллеги Хоу Люй-сюнь и Цай Чи-хоу.

Фото Е. Кагановского.

250 БЛЮД КИТАЙСКОЙ КУХНИ

Китайская кулинария, древнейшая в мире, пользуется заслуженной славой. Китайская народная кухня, насчитывающая более трех тысяч кушаний, по способам их приготовления сильно отличается от кухонь других народов. Китайцы тщательно подготавливают сырые продукты, а затем на большом огне (не менее 400 градусов) в течение нескольких минут завершают кулинарный процесс.

Китайская кухня нравится многим. В московском ресторане «Пекин» можно встретить китайцев и русских, немцев и французов, итальянцев и корейцев.

Китайские повара известны как замечательные мастера своего дела. Один из них, Ван Юн-лян, родом из провинции Шаньдунь, работал в ресторане «Пекин», возглавляя бригаду китайских кулинаров.

Русские повара подружились с китайцами. Особенно теплая дружба завязалась между Ван Юн-ляном и московским кулинаром Филиппом Измайловичем Васильевым. Тридцать лет, можно сказать, не отходил Васильев от плиты, но с искусством китайских поваров раньше знаком не был. Тем интереснее было ему перенимать у Ван Юн-ляна его «секреты». А Ван Юн-ляну пришлась по душе русская кухня.

Однажды у китайских поваров возникла мысль: ведь в конце концов все они когда-нибудь уедут на родину, кто же будет готовить в Москве по-китайски? Надо организовать школу китайской кулинарии. Но кому поручить руководство школой? За это взялся Васильев. Вместе с Ван Юн-ляном он начал составлять рецептуру и способы приготовления китайских блюд. Дело в том, что пекинские повара готовили пищу на основе своего богатого опыта, никаких печатных пособий у них не было. Васильев составил громадную картотеку, наблюдая за работой китайских поваров.

И вот первые ученики — юноши и девушки, окончившие десятилетку,— были приняты в школу при кухне ресторана «Пекин». Терпеливо и настойчиво объяснял им Васильев, как готовить то или иное блюдо. Но это была «теория». Для овладения практикой учеников прикрепили к китайским поварам и вменили в обязанность дублировать в точности все приемы работы пекинских специалистов.

Прошло некоторое время, и воспитанники школы научились самостоятельно готовить до 250 наиболее популярных китайских блюд.

А Филипп Измайлович Васильев урывками писал книгу под названием «250 блюд китайской кухни». В составлении рецептов ему помогали все его китайские товарищи по работе. Пекинские повара внесли ряд поправок и одобрили труд Васильева. Рукопись подготовлена к печати массовым тиражом. Намечено издать ее и в Пекине на китайском языке.

Эта книга заинтересует, наверное, и домашних хозяек.

Ан. ТРОЛЛЬ

По страницам журналов

ТЕРМОБУР. Советские специалисты создали оригинальный проходческий агрегат — термобур.

Сущность его работы такова. В камере сгорания ракетного типа сжигается горючее (керосин или дизельное топливо) в смеси с кислородом. Струя газа, имеющего высокую температуру, выходит через сопловый аппарат горелки со сверхзвуковой скоростью и нагревает породу. Из-за плохой теплопроводности она нагревается неравномерно, в ней возникают термические напряжения, вызывающие скалывание (шелушение) верхнего слоя. Отколовшиеся частицы выносятся из скважины газовыми струями, открывая новую поверхность для воздействия на нее пламени.

Одна из конструкций термобура — «СТБ-1» — разработана Харьковским авиационным институтом. Она смонтирована на шасси автомобиля «ЗИЛ-150». Станок длительное время испытывался на карьерах — Старокрымском близ Жданова и Октябрьском в Кривом Роге. Термобуром можно бурить в крепких скальных породах скважины глубиной до 8 метров при диаметре в 130—200 миллиметров, со средней скоростью 4 метра в час («Горный журнал» № 6).

НОВЫЙ ВОСТОКОВЕДЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ. В Азербайджанской академии наук создан и развернул работу новый институт — востоковедения. Организовано четыре отдела: арабских стран, Ирана, Турции, текстологии и публикации источников. В планах института особое место занимают научные проблемы, касающиеся Ближнего и Среднего Востока. Намечается издание словарей, в первую очередь персидско-азербайджанского, азербайджанско-арабского... Предполагается также переводить лучшие произведения зарубежных востоковедов, записок русских и европейских путешественников о Востоке (журнал «Современный Восток» № 6).

После выступления «ОГОНЬКА»

Снова о гарантиях без гарантий

В № 30 журнала «Огонек» были опубликованы письма читателей, рассказывавших о низком качестве некоторых товаров широкого потребления. Авторы писем как бы продолжили выступление журнала «Гарантия без гарантий» (см. «Огонек» № 10).

Автор одного из писем А. Тюрин, житель села Ставрово, Владимирской области, купил фотоаппарат «Смена-2». В нем оказались дефекты. Однако в областном центре мастерской гарантийного ремонта не было. Он послал аппарат в Москву, но оттуда посылка вернулась нераспечатанной.

Подобные жалобы редакция получила и из других городов.

С завода, выпускающего фотоаппараты «Смена-2», нам сообщили, что теперь установлен новый порядок: если аппарат оказался с дефектами, а в городе, где он куплен, нет мастерской гарантийного ремонта, его следует посылать по адресу: Ленинград, Невский проспект, дом 20, Оптико-механические мастерские.

Кроме того, завод обратился к 46 мастерским гарантийного ремонта, находящимся в разных концах страны, с просьбой принимать посылки с бракованными фотоаппаратами от покупателей, живущих там, где нет этих мастерских. Завод будет оплачивать стоимость всех почтовых расходов.

Автору письма тов. Тюрину завод отправил новый фотоаппарат.

В другом письме читатель В. Михайловский сетовал по поводу низкого качества томских электроприводов к швейным машинам. Письмо это, как пишут нам из Томского совнархоза, обсуждалось в коллективе цеха, выпускающего эти приводы. Признав правильными критические замечания автора письма, работники завода сообщают, что в ближайшее время начнется выпуск модернизированного, более совершенного электропривода. При этом будут учтены недостатки старой конструкции.

Редкая фотография Плеханова

Эта фотография Г. В. Плеханова была приложена департаментом полиции к списку разыскиваемых революционеров. С фотографии смотрит юноша, одетый, как одевались народники.

Фотография эта хранится в Государственном историческом архиве Ленинградской области. Здесь много интересных документов о жизни и революционной деятельности Плеханова.

В личном студенческом деле Плеханова сохранилось его заявление с просьбой назначить стипендию ввиду крайне тяжелого материального положения, а также свидетельство об увольнении из института за революционную работу.

Исключительный интерес представляют недавно обнаруженные в секретной переписке санкт-петербургского губернатора две записки—от 19 и 21 марта 1879 года. В одной — описание примет Георгия Валентиновича, в другой — уточняется место, где Плеханов вел свою пропагандистскую работу.

Н. МАЛЕВАНОВ, начальник Государственного исторического архива Ленинградской области.

государства в государство. Дошли они и до юга России, добрались до Ростова, упали в донскую землю.

Потом забыли про орех. Почему-то считалось, что эта культура на Дону случайная. Но через много лет снова заговорили о нем. Возникли споры. Ростовский обком партии созвал совещание. На него пригласили специалистов, практиков и тех людей, у которых в садах рос орех.

— К чему затевать такое трудное дело? Морозец — и все погибло,— говорили одни.

— Но ведь растут, давно растут деревья на Дону и не мерзнут,— вторили другие.

А один из участников совещания молча встал, подошел к столу и положил шапку, наполненную орехами.

— Чего тут долго толковать... Вот они, орехи донские... Сажать надо.

Разговор этот состоялся несколько лет назад. И совсем недавно нам рассказали о нем в Ростовском лесхозе. Здесь уже ореха посажено столько, что нельзя окинуть взглядом всю огромную плантацию. Деревцам всего три — четыре года, и трудно даже представить, что они превратятся в могучие деревья. Орех живет двести — триста лет.

С деканом Новочеркасского инженерно-мелиоративного института Сергеем Филипповичем Бессарабовым мы поехали в Новочеркасск на Персиановскую опытную мелиоративную станцию. По дороге он с увлечением рассказывал:

— Известно ли вам, что орех — это дерево-комбинат, что его плоды по питательности превосходят хлеб, картофель, молоко, фрукты? А масло? Какое прекрасное масло дают они! По вкусу не уступит прованскому, а помимо того, его используют в живописи, парфюмерии, полиграфии. Посадите десять деревьев, и вы получите столько же масла, сколько с гектара подсолнуха. К тому же подсолнух — однолетнее растение, а орех посадил, в детском его возрасте повозился с ним и потом двести лет спокоен.

Сергей Филиппович на минуту замолчал, потом улыбнулся и продолжил разговор:

— Вспомнил смешную историю. На курорте дело было. Москвичка одна, спасая нос от загара, прикрыла его листом ореха. И не подозревала, какое коварство таится в зеленом листе. Нос на несколько дней приобрел бурый цвет. Очень крепкая краска!

Но вот и Персиановская опытно-мелиоративная станция. Стройная зеленая полоса. Чуть подальше — опытный участок. Тут разводят семена ореха. Они попали в эту землю из разных мест. Здесь орех украинский, карпатский, кавказский, крымский, майкопский. Выращивается и азиатский сорт «Идеал». Он приносит плоды на третий год. О нем говорят: «Мал золотник, да дорог».

Главное же, чем заняты тут,— это создание донского сорта, крепкого, морозоустойчивого.

Работники института ходили по дворам, собирали семена, проращивали их на опытных участках, сравнивали.

— Вот наш лиман. Тут у нас небольшая ореховая роща,— показывает Сергей Филиппович.— Это орех взрослый, двадцативосьмилетний. Он уже дарит нам свои плоды. А эти — подростки восьмилетние. Смотрите, что получилось. Рядом посадили абрикосы. Орехам это не нравится. Видите, ветки повернулись в другую сторону. Характер! Любят простор и ни с кем не дружат. Вот дуб, царь-дерево, ведет себя по-другому. Любит жить по соседству с кленом, рябиной. А орех нет. Но ему и простить можно такую неуживчивость. Щедрое дерево....

Во многих колхозах уже прививается эта культура. Ростовская область — пока последняя северная полоса, где орех приносит плоды.

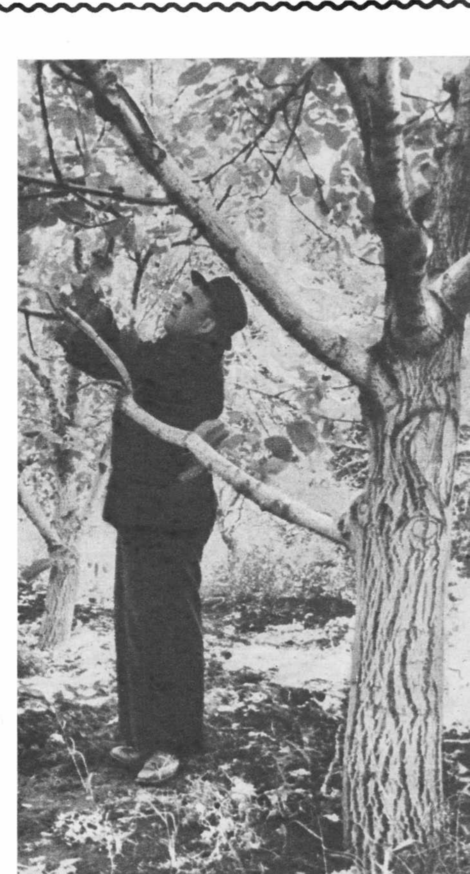
— Пройдет еще немного времени,— мечтательно говорит Бессарабов,— и будут сажать орех на улицах, как декоративное растение.

Мы покидаем Персиановскую станцию. Когда машина въезжала в город, нам представилось, что вдоль его улиц уже выстроились эти красивые, вечно молодые, щедрые деревья.

Н. ТАРАСЕНКОВА

→ Сергей Филиппович Бессарабов разглядывает завязавшийся плод.

Фото В. Елагина.

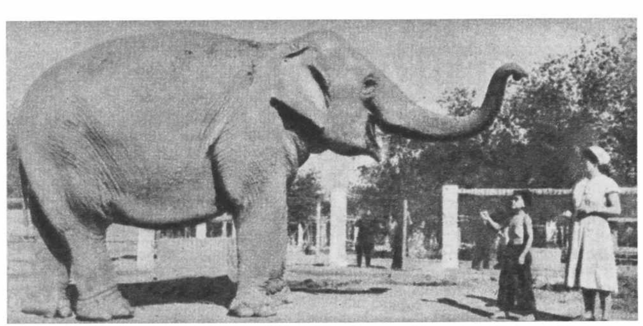
В ЗООПАРКЕ ЮЖНОГО ГОРОДА

КАПРИЗ ТАНЦОВЩИЦЫ

О танцовщице Маур, своенравной слонихе из цирка, рассказывал недавно в «Огоньке» директор Московского зоопарка.

После приключений в разных городах слониха поселилась в Средней Азии, в самом южном городе — Термезе. Переменив место жительства, Маур неожиданно переменила и имя. Служительницы зоопарка называют ее Маврушей.

Мавруше нравится в Термезе: здесь тепло и солнечно, жара подчас достигает пятидесяти градусов. Изредка слониха капризничает. Как-то принесли ведро воды. Мавруша сунула хобот в ведро и обнаружила, что воду не подогрели. Мавруша раздраженно фыркнула и что есть силы рванула цепь. Ощутив свободу, слониха проломила загородку и направила свои стопы прямехонько к дому директора зоопарка. Когда ее попробовали остановить, она издала грозный трубный клич.

Мавруша.

Пуся.

Директор зоопарка Г. Максимов выбежал из дома. Он увидел, как Мавруша собирается ударить ногой в небольшой сарай. Директор кинулся обратно в дом, вылил в ведро кипяток из чайника, добавил туда бутылку кагора и быстро поднес ведро Мавруше. Слониха попробовала напиток, он пришелся ей по вкусу. Так и двигались они вдвоем по аллее: директор пятился, Мавруша тянулась к ведру.

КИНОКАРЬЕРА КАБАНА ВАСЬКИ

Охотники подарили зоопарку маленького кабанчика. Там прозвали его Васькой. Васька часто гулял, когда посетители расходились по дорожкам парка, ни в чем не обнаруживая свойственных диким кабанам злобных привычек.

В Термез приехала киноэкспедиция. Увидев Ваську, руководитель ахнул:

— Это просто находка — ручной кабан! Он будет героем фильма.

Директор долго не соглашался: кто знает, как отразится кинокарьера на здоровье и характере животного? В конце концов решено было свезти Ваську в камыши на берег реки, предоставить ему возможность сыграть роль главного героя.

В камышах Васька почувствовал себя неуверенно: испуганно озирался, крутил головой. Когда вспыхнули прожектора, кабан взревел и бросился наутек. Режиссер убитым голосом сообщил директору парка:

— Сбежал ваш герой... Скажите, сколько мы должны уплатить за потерю артиста?

Ночью, вернувшись после поисков домой, директор заглянул в жилье Васьки. И вдруг услышал знакомое хрюканье. Васька здесь!

Васька прятался в камышах до тех пор, пока люди не уехали. Под покровом темноты он пробрался к забору зоопарка, подрыл проход и преспокойно улегся на свое место.

ПУСЯ

К несчастью, после рождения Пуси у ее матери пропало молоко. Тогда львенка положили на теплую грелку, сунули в рот соску.

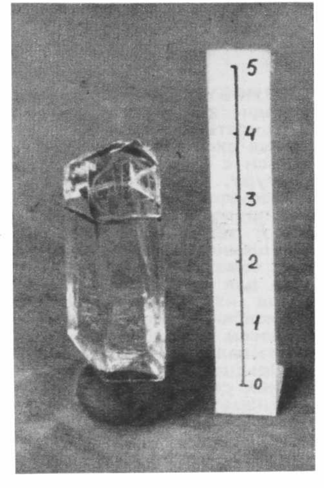
Постепенно Пуся превратилась в красивого зверя с золотой шерсткой. Ее перевели в клетку. Чтобы зверю не было скучно, в клетке поселили собак Нельму и Сильву, с которыми Пуся выросла. У Сильвы в это время родились щенки. Львица взялась быть покровительницей малышей.

При нас в клетку Пуси вошел работник парка. Затворяя дверцу, он нечаянно толкнул одного из щенят, тот запищал. Пуся кинулась на защиту, но, узнав старого знакомого, успокоилась.

Было смешно наблюдать, как большая рыжая львица, забыв о своем царственном происхождении, валялась в ногах человека лапами вверх: Пусе очень хотелось поиграть.

Ирина ВОЛК

Фото Г. Зельмы.

Алмаз «Шах»

На снимке — копия знаменитого алмаза «Шах», которая сделана из горного хрусталя на Свердловской ювелирно-гранильной фабрике и хранится сейчас в Уральском геологическом музее. Увлекательная, почти сказочная история драгоценного камня написана на его гранях: тонкой вязью выцарапаны имена его владельцев. Алмаз был найден около пятисот лет назад в долине реки Голконды, в Центральной Индии. Первая надпись, вырезанная в 1591 году, свидетельствует о том, что владельцем алмаза в то время был один из владетельных князей Индии.

Через 51 год на алмазе появилась вторая надпись. Великий могол шах Джехан покорил индийскую землю и завладел алмазом. Новое имя появилось на нем более чем через сто лет, когда персидский шах Надир разгромил Дели.

Алмаз «Шах» попал в Россию в 1829 году и с тех пор хранится в нашей стране. Его привезла в Петербург специальная депутация из Персии, чтобы «умилостивить царя» после убийства А. С. Грибоедова в Тегеране.

И. А. ЮДИН,
директор Уральского геологического музея

На вкладках этого номера: четыре страницы репродукций картин Ч. Маскея, Д. Сами, К. Крыжицкого и четыре страницы цветных фотографий.

КРОССВОРД

По горизонтали:

5. Английский писатель XIX века. 6. Каменный уголь. 9. Артиллерийское подразделение. 10. Советский биолог, академик. 11. Вокальное произведение. 12. Кондитерское изделие. 17. Птица. 18. Государство в Центральной Америке. 19. Повесть А. И. Куприна. 20. Сладкий картофель. 25. Дельфин. 26. Краткое народное изречение. 29. Художник-передвижник. 31. Приток Амура. 32. Произведение С. Айни. 33. Оркестровый музыкальный инструмент. 34. Сильное впечатление от события. 35. Вид комедии.

По вертикали:

1. Административно-территориальная единица в Народной Республике Болгарии. 2. Название сборника новелл Д. Боккаччо. 3. Красная водоросль. 4. Остров в Эгейском море. 5. Гимнастический снаряд. 7. Учебное заведение. 8. Чешский писатель. 13. Редкое животное, встречающееся в тропиках. 14. Русская народная сказка. 15. Украинский танец. 16. Озеро в Венгрии. 21. Испанский живописец XVII века. 22. Изменение слова по падежам. 23. Памятник русской литературы XVI века. 24. Краски, разводимые водой. 27. Созвездие. 28. Горнопромышленное предприятие. 30. Персонаж «Снегурочки» А. Н. Островского.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 34

По горизонтали:

5. Айва. 8. Лесоруб. 9. Сурабая. 10. Шиншилла. 11. Гира. 13. Ширь. 14. Пробег. 16. Квартира. 18. Вакансия. 20. Барбарис. 23. Иллинойс. 25. «Витязь». 26. «Спор». 27. Туес. 28. Швертбот. 30. Горелки. 31. Ленивец. 32. «Урал».

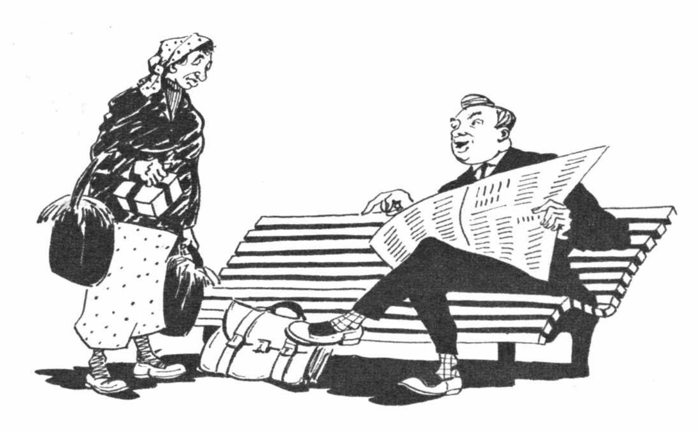
По вертикали:

1. Хабанера. 2. Васильев. 3. Дернина. 4. Грош. 6. Арча. 7. Папирус. 12. Антитавр. 13. Штангист. 14. Прилив. 15. Газель. 17. Вера. 19. Иней. 21. Реполов. 22. Сибелиус. 23. «Изабелла». 24. «Орестея». 28. Шёлк. 29. Тоня.

— Ваше время вышло!

— Бабушка, да ты, я вижу, домой идешь... Захвати-ка портфель.

Рисунки В. Петрова.

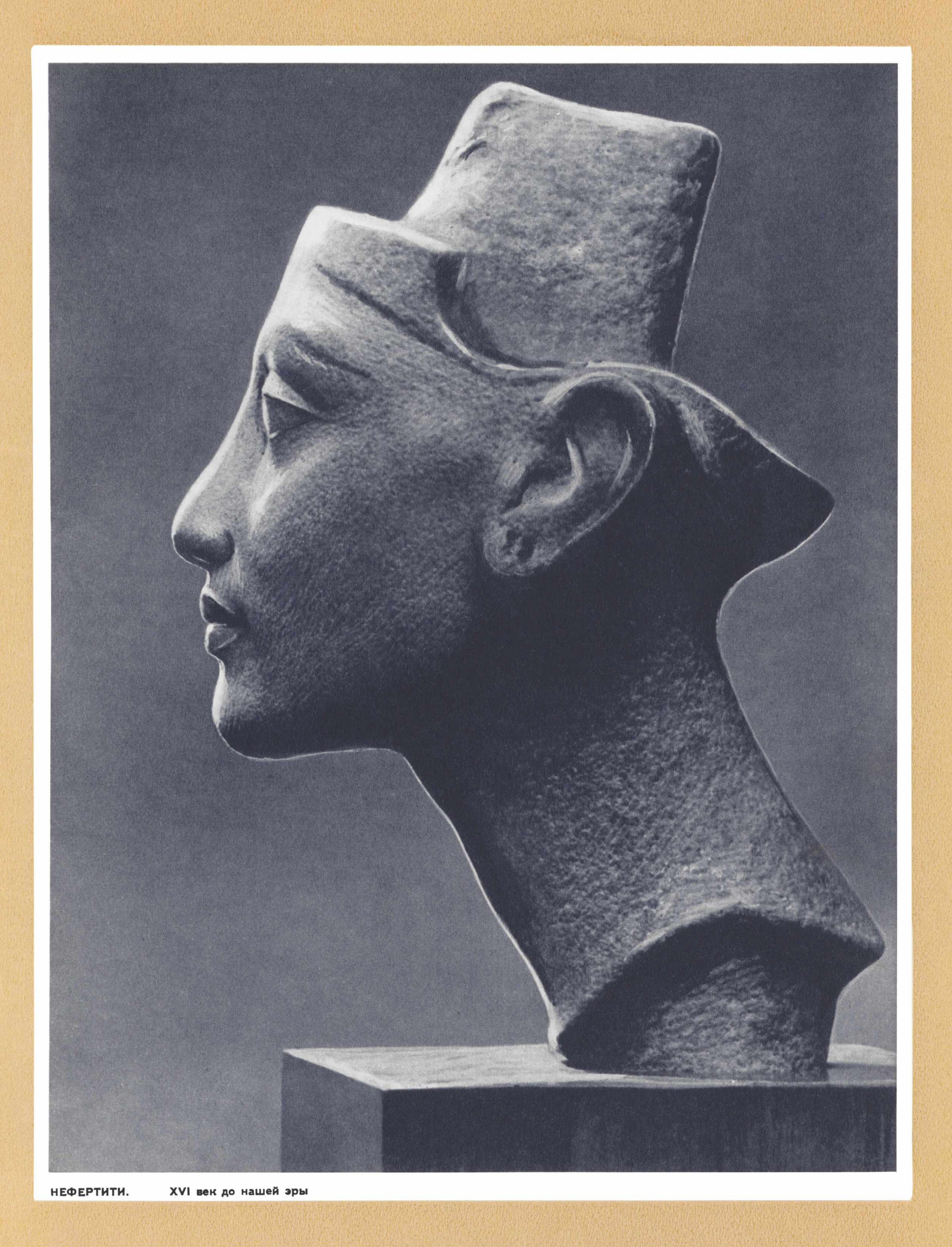
Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ. **Редакционная коллегия:** В. Ф. БАРЫКИН, А. С. ВАРШАВСКИЙ, Н. Н. КРУЖКОВ, Л. А. КУДРЕВАТЫХ (зам. главного редактора), Л. М. ЛЕРОВ, Е. Н. ЛОГИНОВА, И. А. УРАЗОВ.

Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24. Рукописи не возвращаются. Оформление Л. Шумана.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-39-07; Международный — Д 3-38-63; Искусств — Д 3-38-67; Литературы — Д 3-31-83; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-65; Юмора и сатиры — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 03568. Подписано к печати 20/VIII 1958 г. Формат бум. 70×108¹/₈. 2,5 бум. л.—6,85 печ. л. Тираж 1 420 000. Изд. № 895. Заказ № 1818.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

НЕФЕРТИТИ. **XVI век до нашей эры**

Сейчас в Эрмитаже экспонируется всемирно известный скульптурный портрет египетской царицы Нефертити.

Три с половиной тысячелетия отделяют нас от эпохи гениального скульптора, создавшего из кристаллического песчаника замечательное произведение искусства. Портрет не был закончен. Но и в том виде, в каком он дошел до нас, в нем восхищает простота, жизненность реалистического изображения. Это совершенное творение — яркое свидетельство высочайшей культуры древнего Египта.

Цена номера 3 руб.

